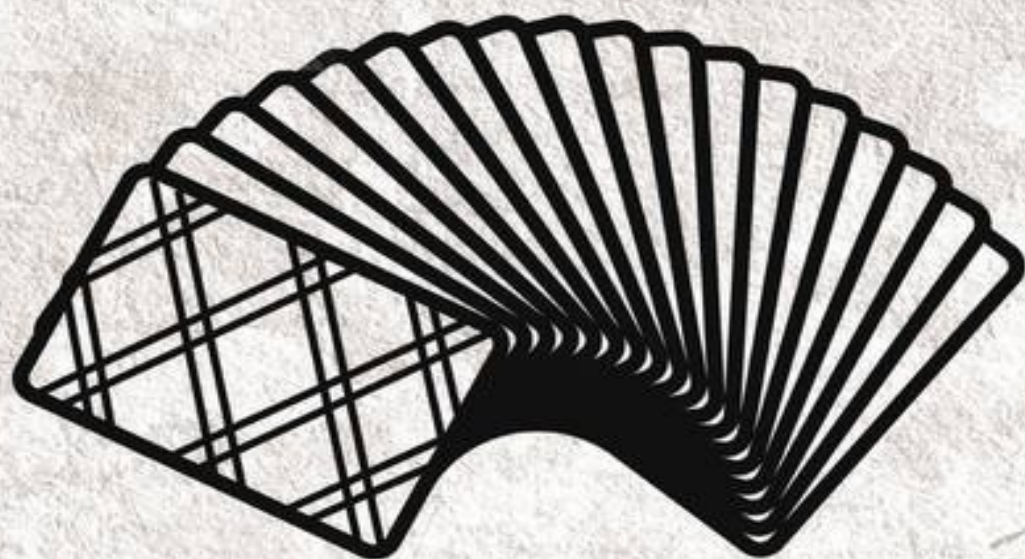

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

НА КРЮЧКЕ

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Annotation

Если человеку кажется, что за ним следят — или у него паранойя, или он прав. А если этот человек пропадает и детектив-экстрасенс не может выйти с ним на связь по своим энергетическим каналам, то дело, скорее всего, на самом деле плохо. Яна Милославская, используя свой сверхчеловеческий арсенал ясновидящей, берется за это непростое расследование...

- [Анастасия Валеева](#)
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
    - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
-

Анастасия Валеева
НА КРЮЧКЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Апрельские сумерки не спешили с приходом. В этой ленивой неспешности была некая томная грусть, которую Евгения Галкина чувствовала так же отчетливо, как в иные дни — собственную неприкаянность. Апрель всегда будил в ней ощущение мучительной незавершенности, которое исходило тихим отчаянием, обрывалось в пустоту, закипало надрывом. Так что ее обычная стервозность была сметена и повержена, как первый весенний дождь прибывает к земле вихрящуюся пыль. Была в этом накатывающем волной чувстве и своя сладость, медленная, вальсирующая тоска, некое мазохистское упорство в признании своего неизбывного одиночества.

Женя была, что называется, устроена в жизни. Нет, ее папа не был толстосумом, мама — бизнесвумен, заведующей продмагом или работником дипломатической службы. Женя сама пробивала себе дорогу своим талантом, умом и усердием. Окончив филфак, она не пошла работать в школу, решив, что возня с детьми не для нее, а, закончив компьютерные курсы, поступила секретарем в коммерческую фирму. Она неплохо знала английский, так что вскоре стала незаменима на своем посту. Исполнительная, подтянутая, строго соблюдающая правила субординации — что еще можно было пожелать работодателю от служащей? Но фирма через два года развалилась, и перед Женей снова встала проблема трудоустройства. На этот раз она пошла работать в казино, ее бойцовский характер прямо-таки требовал трудностей и барьеров, в преодолении каковых ей виделся смысл жизни. При упоминании казино, ее сознание живо нарисовало ей отвратительные картины всеобщей продажности, грязных махинаций, наглого мошенничества, циничного распутства. Но вскоре, посчитав эти картины рвами и преградами, которые нужно преодолеть, она пересмотрела свое мнение, доверившись подруге, которая посоветовала ей стать крупье.

Женя была хороша собой. У нее было все, чтобы пленять старых и молодых: пара длинных ног, тонкая талия, упругая грудь, плавная походка, красивое, не испорченное косметикой лицо. Яркая внешность часто оказывала ей дурную услугу — к ней цеплялись все кому не лень — но порой и помогала. Она знала, что сексапильна, нравится мужчинам и, не чуждая самоиронии, удивлялась, как при такой привлекательности не стала сердцежкой. Видно, помогло строгое родительское воспитание.

И все-таки, несмотря на этот успех, весной, а именно в конце апреля, когда деревья принимаются шелестеть свежепоявившейся, глянцевицей листвой, она всегда чувствовала себя не в своей тарелке. Эмоциональная, хотя и привыкшая скрывать эмоции под маской приличной, погруженной в работу девушки, Женя недоумевала по поводу этой весенней пустоты, свившей гнездо в ее странно обеспокоенной душе. Замирая от какого-то горестного восторга, она шла по тротуарам, ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин и поражалась собственной холодности и отстраненности. А еще она изумлялась своей непростой и сложной натуре, и это изумление мигом перерастало в тщеславную гордость.

Так было бы и на этот раз, если бы не то новое тревожное чувство, которое грозило стать манией, однажды поразив ее впечатлительную душу. Она уже стала сомневаться — все ли нормально у нее с психикой? Навязчивость страха, его омерзительная нагота и неуязвимость заставляли ее испытывать к себе отвращение. Она подолгу изматывала себя разными дурацкими вопросами, желая убедиться в собственной рассудочности. Дело в том, что Жене с некоторых пор стало казаться, что за ней кто-то следит. Один раз она даже побежала, ей почудилось, что шедший сзади мужчина «пасет» ее. И она испытала настоящий ужас, когда шедший ей в тот момент навстречу парень, погрузив руку во внутренний карман пиджака и неотрывно глядя на нее, вдруг резко ускорил шаг. Она решила, что тот непременно держит ладонь на рукоятке ножа или пистолета. Женя представила, как холодное лезвие проникает в нее, как ее незащитная плоть трепещет и обмякает, сочась темной кровью. Пару раз она посещала психотерапевта, который истово убеждал ее в необходимости вспомнить свои детские впечатления, считая, что нынешнее положение вещей связано с забытой ранней травмой, ставшей причиной неосознанного страха перед мужчинами.

Женя мысленно послала куда подальше врача душ — у нее был бой-френд, и она еще умудрялась наставлять ему рога — этого требовала ее неоднозначная натура. Не желая быть оболваненной толстым лысым фрейдистом, она обратилась к экстрасенсу. Уж он-то должен разобраться в ее причудливом внутреннем мире, она представляет исключительный случай, ею должны заинтересоваться. Магия, гадания, пророчества — это впечатляет, это способно выдернуть из мрака удаленные закоулки ее экзотической души. Женя виделась самой себе великолепными джунглями, а усилия экстрасенса в ее представлении были полезной человеческой практикой, цель которой состояла в том, чтобы освоить эти непокорные леса, сохранив при этом их неповторимую красоту. И в виду того, что эта

формулировка несла душевный уют, Женю не смущала ее парадоксальность.

С удовольствием подставляя лицо теплым солнечным лучам, Женя подошла к подъезду своего дома, перед которым на несколько мгновений задержалась, чтобы открыть кодовый замок, установленный на металлической двери. В полумраке подъезда она поднялась на третий этаж, достала из сумочки ключ и вставила его в прорезь замка. Механизм щелкнул с сухим хрустом, и Женя замерла на пороге со смешанным чувством негодования и досады, обозревая открывшуюся перед ней картину.

Дверца шкафа-купе была отодвинута, и все что находилось когда-то внутри, в страшном беспорядке валялось на полу. Причем было такое ощущение, что хулиган или вор — это было первым, что пришло ей в голову — не просто выкидывал шмотку за шмоткой, а тщательно осматривал каждую из них. Но шубка из чернобурки была на месте, дорогое кашемировое пальто — тоже, и Женя тут же засомневалась в правильности своего первоначального предположения. Она мягко переступила через одежду и двинулась в гостиную. Там было не лучше. Все, что могло быть открыто, было открыто, и все, что могло быть вынато — вынато. И не просто вынато, а к тому же вывернуто буквально наизнанку. «Ну я им покажу!» — едва переводила она от гнева дыхание. И вдруг мозг обожгла мысль: «Золото!» У нее были кое-какие украшения, правда не много, но вполне приличные, которые она покупала, когда удавалось скопить или выцыганить необходимую сумму у приятеля. С замиранием сердца и дрожью в ногах она добралась до шкафа, где хранилась маленькая, из красного дерева шкатулка с драгоценностями. Дверца была нараспашку, и на полке, где за бельем была спрятана шкатулка, ничего не было. «Ну все, кранты!» — решила она, нервно оглядываясь по сторонам. «Дура, ой какая же я дура! — шептала Евгения, сдерживая слезы, — говорила же Тамарка, чтобы поставила стальную дверь». Телевизор, видик и музыкальный центр стояли на своих местах и это хоть немного успокоило ее. «Нужно посмотреть в спальне», — мелькнула мысль, но сейчас же и затухла сама собой. Сердце едва не выпрыгнуло у Жени из груди, когда под ворохом простыней, наволочек и пододеяльников она заметила уголок деревянной коробочки. Буквально плюхнувшись на белье, она схватила шкатулку трясущимися руками и раскрыла ее. Она не поверила своим глазам. Все, с чем в душе она уже распрощалась, было на месте. Женя высыпала украшения на какую-то тряпку и стала по одному складывать их назад в шкатулку, тщательно

рассматривая каждую вещицу.

Она не успела еще задаться вопросом: «Кто же устроил у нее в квартире Варфоломеевскую ночь?» или просто еще не сформулировала то, что с самого первого мгновения крутилось у нее в мозгу. Вообще не прошло еще и тридцати секунд с того момента, когда она очутилась в прихожей и осознала, что в ней кто-то побывал. Женя продолжала заниматься своими драгоценностями, когда на кухне что-то упало, заставив ее вздрогнуть всем телом. Оставив золотишко на белье, она порывисто поднялась, машинально схватив индийскую латунную вазу с узким горлом, валявшуюся тут же на полу, и двинулась на кухню. Страх не было, а только готовность защищать свое добро от любого посягательства. «Никто, ни один сукин сын не имеет на это права», — произнесла она почти вслух, крепко сжимая вазу за горлышко.

То, что она увидела на кухне, было повторением бардака, царящего в прихожей, гостиной, а может, и в спальне, до которой она еще не добралась. Ни одной кастрюли, ни одной тарелки, ни одной емкости для сыпучих продуктов, которые Жене так нравились, не стояли на своих местах. Все, что могло быть открыто, было открыто нараспашку. Крупы, сахар, мука, макаронные изделия вперемешку были рассыпаны на столе и на полу. Рядом валялись осколки красивой японской тарелки с веточками пихты на ободке. Посреди всего этого безобразия стоял человек, которого Женя знала, но увидеть в это время у себя в квартире никак не ожидала. И уж тем более не ждала она, что он может выкинуть такой финт, сотворить такой разгром! Все внутри у нее заклокотало от невиданной наглости.

— Может, объяснишь, какого черта тебе здесь нужно? — перехватив поудобнее вазу и еле сдерживая гнев, спросила Женя. — Или я сейчас же звоню в милицию...

Ей не удалось выслушать признания налетчика, а тем более подойти к телефону, чтобы исполнить обещанную угрозу. Тяжелая чугунная сковорода с ручкой, на которой так удобно было жарить картошку, с металлическим звоном опустилась ей на голову. Жуткая мгновенная боль пронзила все тело Евгении до самого копчика, на секунду задержавшись в шейном отделе позвоночника, затем похолодели кончики пальцев, руки сами собой разжались и ваза загремела, ударившись о большую кастрюлю из нержавеющей стали, валявшуюся рядом. Потом стало тепло и уютно как в материнской утробе, голову окутал влажный быстро сгущающийся туман, поэтому глаза, хотя и остались открытыми уже ничего не видели. Она упала на колени, когда еще один удар сковороды заставил душу окончательно покинуть ее молодое красивое тело. К счастью, этот удар не

причинил ей боли, потому что она уже ничего не чувствовала. Повалившись на бок она замерла, откинув голову и устремив глаза куда-то в потолок, и осталась так лежать среди кастрюль, тазиков для варенья и разбитой посуды.

* * *

Яна Борисовна Милославская — сыщик-экстрасенс — вела, не сказать, что спокойную, но довольно уединенную жизнь. Просыпалась она, если не было каких-то неотложных дел, часов в десять-одиннадцать и позволяла себе еще немного понежиться в постели, если этого хотелось. Джемма — ее преданная овчарка-среднеазиат, ложилась тогда на коврик рядом с диваном хозяйки и поглядывала на нее своими большими умными глазами, спокойно ожидая, когда та соизволит подняться и насыпать ей корма из большого цветного пакета.

Сегодня был один из таких дней, когда особых дел не предвиделось, и Яна потягивалась на постели, радуясь солнечному свету и теплу, проникавшему в спальню сквозь неплотно прикрытые шторы. Был у нее, правда, один клиент, вернее клиентка, которой казалось, что кто-то ее преследует, но Яна, пообещав непременно заняться ее проблемами, который день не могла заставить себя усестыся за магические карты. Впрочем, особой беды Яна в этом не видела: мало ли у людей маний и фобий, к тому же, как раз сегодня она и попробует что-то сделать для этой молодой женщины.

День сегодня, в общепринятом понимании, был не совсем обычный — Первое мая — день то ли солидарности с кем-то и в чем-то, то ли весны и труда, как сейчас его, кажется, называли, но для Яны он ничем не отличался от других таких же праздников, включая Восемь марта, День непонятно от кого независимости, День непонятно для кого конституции и так далее, исключая, пожалуй, лишь Новый год. Тогда она вешала на растущую перед окнами сосенку гирлянду электрических лампочек, запекала в печке гуся с яблоками, пила шампанское и красное вино. Короче говоря, государственные да и церковные праздники вносили в ее жизнь лишь неудобства, связанные с расследованием того или иного дела, так как в эти дни закрывалось большинство предприятий, и найти нужных свидетелей можно было только дома или где-нибудь на природе. Настоящий же праздник — праздник души, как она его называла — Яна могла устроить себе в любой день, когда для этого было подходящее

настроение. Тогда она готовила что-нибудь вкусненькое и откупоривала бутылку красного вина или хорошего коньяка или отправлялась в какое-нибудь уютное кафе, где звучала легкая музыка и была приятная обслуга.

Магическим картам было безразлично, какой сегодня день недели — выходной, рабочий день или календарный праздник. Для работы с ними требовался лишь небольшой предварительный отдых.

— Подожди, моя собачка, — Яна опустила руку и потрепала Джемму по загривку, — сейчас мамочка задаст тебе корма. — Она разговаривала с Джеммой как с человеком, иногда ей даже казалось, что она улавливает Джеммины мысли.

Милославская поднялась, прошла в прихожую, где стояла миска Джеммы и наполнила ее кормом. Удостоверившись, что решетка на двери, закрывающая лаз, через который собака могла в любое время выйти из дома во двор, дабы сделать свои собачьи дела и вернуться обратно, поднята, она прошлепала на кухню и, включив чайник, принялась молотить кофе.

Закипевший чайник автоматически отключился. Яна засыпала в серебряную джеззу тонко помолотый кофейный порошок и сахар и, залив кипятком, поставила на маленький огонь, поджидая, пока пышная золотисто-коричневая пенка поднимется шапочкой. Кофе и сигарета составляли обычный завтрак Яны, к которому с некоторых пор она стала прибавлять овсянку, сваренную на воде и приправленную небольшим количеством масла. Сегодня с овсянкой возиться она не стала, ограничившись двумя чашками кофе.

Вторую чашку она забрала с собой в гостиную, где на журнальном столике лежала колода карт и визитка, которую оставила клиентка. Поставив кофе на угол стола, она взяла колоду и тщательно перетасовала ее.

«Галкина Евгения Юльевна», — она мысленно представила себе клиентку и нашла в колоде карту «Взгляд сквозь пространство».

Правая ладонь Милославской лежала на карте. Яна закрыла глаза, ожидая, когда наступит необходимое состояние, но ничего не происходило. «Господи, не может быть!» — прошептала Яна, приготовившись к самому худшему. Такое могло произойти только в одном случае — когда человек был мертв, и невозможно было уловить его энергетику. «Неужели Галкина была права, когда говорила, что за ней кто-то скрытно наблюдает?» — Яна снова перемешала карты и выбрала ту, которую называла «Царство Аида».

Проделав с ней те же самые манипуляции, что и с первой, она смежила

веки.

Милославская поняла, что «находится» в квартире. В квартире, по которой словно пронесся тайфун, сметающий все на своем пути. Казалось, не было ни одного предмета, не сдвинутого со своего места. Прихожая, гостиная, спальня — везде одно и то же. Мысленно управляя своим внутренним взором, Яна направилась на кухню, заметив по пути раскрытую шкатулку с золотыми украшениями. Труп, с неестественно вывернутой головой лежал на полу среди поверженной кухонной утвари. Рядом с телом Яна увидела высокую вазу индийской работы, которая лежала в ногах жертвы. У Милославской возникло такое ощущение, что бедная женщина пролежала в таком положении не один час, а может, и не один день.

Яна открыла глаза, сняла ладонь с карты и тяжело вздохнула; каждое такое обращение к карте отнимало большое количество энергии, которое потом приходилось восстанавливать. К примеру, Яна не могла использовать подряд больше двух карт, к тому же, между сеансами ей была необходима двухчасовая передышка. Исключение составлял лишь «Джокер», отнимавший вдвое меньше энергии.

Сделав глоток кофе, Яна откинулась на спинку кресла и закурила. Неужели она виновата в том, что не начала работать по заказу Галкиной на несколько дней раньше? Возможно, тогда Евгения осталась бы в живых. Милославская вспомнила разговор, произошедший несколько дней назад.

* * *

Галкина пришла днем, предварительно позвонив, но не объяснив по телефону цель своего визита. Уловив в ее голосе тревожные нотки, Милославская согласилась на встречу, но обещать ничего не стала, как впрочем и всегда.

Открыв дверь, Яна увидела на пороге стройную молодую шатенку двадцати с небольшим лет, с короткой мальчишеской стрижкой, прямым, немного крупноватым носом, пухлыми губами и большими серыми глазами, в которых бегали какие-то нервные искорки.

— Здравствуйте, я — Галкина, — она покосилась на Джемму, замершую у Яниной ноги.

— Добрый день, — Милославская жестом отправила собаку в гостиную и шагнула в сторону, освобождая посетительнице дорогу, — пожалуйста, проходите.

— Даже не знаю, с чего начать, — сказала Женя, судорожно теребя в руках сумочку, когда они устроились в креслах и Яна приготовила кофе. — Такая необычная ситуация.

— Если хотите, можете курить, — Милославская вынула сигарету для себя и пододвинула пачку к Галкиной.

— Спасибо, — Женя достала сигарету и, сунув ее в уголок рта, прикурила.

Некоторое время они молча курили, пили кофе, и Милославская исподволь поглядывала на потенциальную клиентку, стараясь обрисовать для себя ее психологический портрет. По ее движениям, взглядам, манере сидеть, держать сигарету и прочим мелким деталям, обычно ни о чем не говорящим не специалисту, Яна решила, что перед ней не вполне уравновешенная личность, склонная к аффектации, но старающаяся держать себя в руках и, именно поэтому, еще более агрессивная. Впрочем, эту нелицеприятную характеристику можно было дать четверти, если не трети населения страны.

— Как вы узнали обо мне? — спросила Милославская, пытаясь таким простым вопросом настроить Галкину на положительный лад.

— Знаете, это так странно, — улыбнувшись уголком рта, произнесла Галкина, — когда я подумала, что со мной творятся какие-то необъяснимые вещи, мне под руки попала старая газета со статьей о вас. К счастью, ваш телефон оказался в телефонном справочнике. Вы думаете, это провидение?

— Возможно, — Яна не стала возражать. — Так что вас беспокоит?

— Мне всегда казалось, что я нормальный в психическом отношении человек, — Галкина затушила сигарету и снова начала теребить в руках сумочку, — ну, — она снова слабо улыбнулась, — возможно, с некоторыми отклонениями, но у кого их нет?

— Во всяком случае, — подбодрила ее Милославская, — ваша самооценка и самоанализ делают вам честь. Продолжайте, пожалуйста.

— Хочу предупредить, — она несколько раз моргнула и почесала кончик носа, — что у меня нет абсолютно никаких доказательств того, о чем я хочу вам рассказать.

— Поэтому-то вы пришли ко мне а не в милицию, — догадалась Милославская.

— Конечно, — согласилась Женя. — Это началось дня три-четыре назад, то есть, я хочу сказать, мне стало казаться это дня три-четыре назад, — поправилась она.

— Хорошо, — кивнула Яна. — И что же вам стало казаться?

— Что за мной кто-то следит.

— Вы можете это как-то объяснить?

— В том-то и дело, что нет, — Галкина покачала головой, выпятив пухлые губы.

— То есть, — пыталась помочь ей Яна, — вы не видели никого или ничего подозрительного?

— Да, то есть, нет, то есть, я думаю, что может быть, эта машина...

— Какая машина?

— Два или три раза я замечала белые «Жигули-сто десять», — растерянно произнесла Евгения, — но...

— Но вы не уверены, — подсказала ей Милославская, — что это именно та машина, из-за которой вы чувствуете себя не в своей тарелке.

— Правильно, — подхватила Галкина, словно боясь, что нужная мысль улизнет от нее так и не сложившись во фразу. — Но это только мои предположения. Я ничем не могу их подтвердить.

— Вы никого не видели в салоне этого автомобиля? — Яна не стала говорить Жене, что та повторяется, а просто продолжала задавать наводящие вопросы.

— Дважды я оглядывалась и мне казалось, что я вижу эту «стодесятку», но она была далеко и я ничего не могла рассмотреть. Последний раз, это было утром, два дня назад, я прошла мимо этого автомобиля, когда выходила с работы. Мне показалось, что там никого не было, но я в этом не уверена, потому что стекла у этой машины такие блестящие, непрозрачные с внешней стороны.

— Почему вы думаете, что это именно тот автомобиль?

— Не знаю, — Галкина пожала плечами, — я просто поняла это, вот и все.

— Ага, поняли, — кивнула Яна, — это замечательно. Может быть, вы случайно запомнили номер этого автомобиля, ведь в этот раз вы были совсем рядом?

— Я записала, — Галкина начала торопливо копаться в сумочке, достала оттуда визитку, на обратной стороне которой был записан номер автомобиля. — Вот, — она протянула визитку Милославской, — там есть и мои координаты, если понадобятся...

— Хорошо, — похвалила ее Яна, — я попробую что-нибудь предпринять, но ничего определенного обещать вам не могу. Кстати, где вы работаете?

— Казино «Большая игра». Знаете?

— Знаю, — кивнула Милославская. — И что же вы там делаете? Здесь написано «старший крупье», — покрутила она в руках визитку. — Вы

имеете какое-то отношение непосредственно к деньгам?

— Нет, — Галкина покачала головой, — мое дело следить за работой крупье, координировать их графики работы, менять при необходимости, когда кто-то слишком много выигрывает. Разбирать конфликты между крупье и клиентами, если они возникают.

— Думаю, вы понимаете, почему я спрашиваю об этом? — Милославская подняла на Евгению вопросительный взгляд. — Я хочу знать, не могут ли вас преследовать из-за денег, если вас действительно преследуют? Но раз вы говорите — «нет»... — она замолчала, пристально глядя на Галкину.

— Нет, — еще раз подтвердила та. — Значит, вы мне верите?

— Пока это не имеет значения, — Яна достала новую сигарету. — Давно вы работаете в казино?

— Почти год, сначала просто крупье, а недавно меня повысили.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— У вас хорошие отношения с коллективом, с начальством?

— Ну, с начальством скорее «да», а с коллективом... тоже нормальные, — после некоторой паузы добавила Галкина.

— Что ж, — улыбнулась Милославская, — больше у меня к вам вопросов нет. Пока... Если вы хотите, чтобы я занялась вашим, так сказать, делом, с вас триста рублей. Это аванс.

— Когда я буду знать результат? — Женя достала из сумочки деньги и положила их на стол.

— Через пару дней, — убедительно сказала Милославская, — я поработаю и позвоню вам, чтобы сообщить, что у меня получилось.

— Может и не получиться? — настороженно спросила Галкина, поднимаясь.

— Все может быть, — Яна тоже встала, чтобы проводить гостью, — особенно в нашей стране. Шутка, — добавила она, видя, как напряглась ее клиентка, — обычно у меня получается.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Может быть, может быть, — думала Яна, — может быть, ничего такого и не произошло бы». Но вскоре она отбросила ненужные гипотетические рассуждения, подняла телефонную трубку и на секунду задумалась. Лейтенант Руденко, которому она собиралась позвонить, чтобы сообщить о трупе в квартире Галкиной, наверняка был сейчас дома или жарил шашлык где-нибудь на природе в компании своих сослуживцев. Был, конечно, маленький шанс, что у Семена Семеновича дежурство, и он сейчас на службе у себя в кабинете, но Яна все-таки сначала набрала номер его домашнего телефона. Долго никто не отвечал, и Яна собиралась уже нажать на «отбой», когда заспанный голос Руденко буркнул в трубку: — Какого черта, мать вашу?

— Я уж думала, ты на где-нибудь в лесу или на Волге шашлыки трескаешь и запиваешь их портвейном, — не обращая внимания на недовольный и даже грубый тон лейтенанта, сказала Яна, — а ты дрыхнешь без задних ног, понимаешь.

— Могу я раз в месяц нормально поспать, а, Яна Борисовна? — Руденко все же немного смягчил тон. — А вот портвейна, между прочим, мне никто не догадался предложить, хотя нынче и праздник, — добавил он.

— Наверняка ты с отделом вчера набрался, Семен Семеныч, — с ходу раскусила его Милославская, — но я все равно тебя поздравляю, если ты так настаиваешь. А где, скажи на милость, твоя половина?

— Надеюсь, ты звонишь мне не только для того, чтобы это спросить? — с едкой усмешкой спросил Руденко.

— Не только.

— На даче, где ж еще ей, неугомонной, быть? А я решил немного расслабиться. Правда, она с утра устроила мне взбучку — хотела вытянуть меня с собой, к маме, — тут раздался язвительный смешок, — а мне, сама понимаешь, эта мама... — он присвистнул, демонстрируя полное пренебрежение. — Малец с ребятами на Волге и в самом деле шашлык лопают.

— Семейная идиллия, — иронично констатировала Яна, — а вот с некоторыми в такие тихие погожие дни страшные вещи случаются, — собственная иносказательная манера показалась ей весьма зловещей.

— Что-то ты все вокруг да около, — упрекнул Яну в многословии Руденко.

— Сеня, — голос Милославской дрогнул, — у меня к тебе дело.

— Ну, конечно, как я не догадался! Просто так позвонить, с праздником поздравить — тебя нет, а с делом — тут как тут! — с горячностью выпалил Руденко.

— Слушай, Сеня, какие праздники! Ко мне несколько дней назад обратилась девушка — ей казалось, что кто-то за ней следит. Я пообещала заняться ее делом. Особа не слишком уравновешенная, нервическая, я бы сказала. Так вот, сегодня я карты раскинула — вижу что-то не так. Я — в царство Аида...

— А покороче? — нетерпеливо перебил Милославскую Руденко, — мне твоя мистика...

Последовал заряженный насмешливым раздражением смешок. Руденко обладал здоровой крестьянской жилкой, был насквозь прагматичным и земным. Янины «чудеса», как он называл ее прорицания и гадание, он принимал лишь в том случае, когда на практике убеждался, что они «сбылись». Постфактум, как говорится. Вначале он всегда ломал комедию, то ли действительно не доверяя, то ли разыгрывая недоверие — ведь у него была масса возможностей убедиться, что Янины видения имеют самое непосредственное отношение к действительности. Ибо действительность — везде, вверху и внизу, а не только там, где ходят обыватели, шаркают шинами автомобили и такой фрукт, как Руденко, в который раз разыгрывает драму «мыслящего тростника».

— Эта девушка мертва, — напрямик сказала Яна, — ее труп находится в квартире. У меня есть ее рабочий и домашний телефон, — на обороте карточки, которую взяла Яна, карандашом был написан домашний телефон Жени, а чуть ниже, чернилами — номер того злополучного автомобиля, из которого, как казалось девушке, за ней вели наблюдение. — Поможешь?

— Узнать адрес? — выдохнул Руденко.

— Я звонила ей на работу — ее там нет. Нужно послать к ней в квартиру кого-нибудь. Судя по номеру домашнего телефона, это твой район, — проявила завидную храбрость Милославская, потому что Руденко обрушился на нее с сердитой отповедью.

Он помянул и Бога, и черта, и свою загубленную ментовскую жизнь, и своего вертопраха-сына, и свою зануду-жену, и своих горе-подчиненных. Яна, прикусив от досады губу, слушала поток жалоб и обвинений, направленный непонятно кому, хотя по всему было видно, что ей. Нет, Руденко не ставил ей в вину свой тяжкий жребий, но все же косвенно задевал ее, ибо это она всколыхнула в нем болото эмоциональных нечистот, и он, естественно, будучи недоволен, так или иначе, в силу парадоксальных

причин, известных только ему одному, винил ее, поливая ругательствами и жалобами анонимную личность.

— Давай сделаем вот как, — прервала Руденко Мирославская, — я подъеду к отделению примерно через полчаса. Съездим вместе, ладно?

— Ну, блин! — издал возглас досады Руденко. — Ты все уже, как вижу, решила.

— Все равно ведь вам придется этим заниматься. Чем быстрее начнешь, тем быстрее закончишь, — с нотой черного юмора подытожила Мирославская.

— Черт с тобой, — видимо, Руденко устал спорить. — Только у меня условие.

— Все что угодно...

— У меня тут никакой жратвы нет, — обреченно вздохнул Семен Семенович. — Накормишь меня?

— Как ты можешь сейчас о жратве думать! — изумилась Яна.

— Ты ж сама сто раз говорила, что я крепко на земле стою, — ухмыльнулся Руденко.

— Слишком крепко, Сеня.

Она повесила трубку и стала собираться. Слава Богу, не нужно натягивать на себя гору одежды! Яна влезла в джинсы, надела тонкий кашемировый джемпер и мокасины. Карты сунула в карман джинсов. Подкрасила губы и, приказав Джемме охранять дом, вышла на улицу. Вспаханная земля на участке за неимением дождей высохла до предела и приобрела некрасивый серый цвет. Но зато не было грязи. Асфальт на дороге был покрыт основательным слоем пыли, налетающий ветер поднимал серые клубы, которые оседали на волосах плотной седоватой паутиной, в момент превращая их в тусклую паклю. Одежде тоже доставалось. И только свежая молодая листва, клейко блестящая на солнце, радовала глаз яркостью красок. Яна села в маршрутку. Она старалась не думать о том, что ее ждет в квартире Галкиной. Нет, она не была настолько впечатлительной или брезгливой, что падала в обморок при виде трупа. Даже, если он покоился в луже крови и был похож на рваный мешок. И все же ее нервы были достаточно тонки, а чувства — остры, чтобы совсем уж спокойно взирать на подобные зрелища. Руденко — и тот, несмотря на присущий ему цинизм и черствость, являвшиеся следствием длительной работы в органах, порой вздрагивал и наивно удивлялся разным зверствам.

Она не сомневалась, что Женя мертва. Но так же, как Руденко все еще изумлялся и недоумевал по поводу присутщей некоторым индивидам

жестокости и жажде насилия, так и Яна удивлялась своему дару, хотя он давно стал частью ее самой. Сейчас она готова даже была протестовать против этого ниспосланного ей свыше чутья, как если бы не имей она его, Женя была бы жива. В любом случае у нее, у Яны, была бы возможность сомневаться в плачевном исходе, а не знать со стопроцентной уверенностью, что девушка бездыханна. Часто, правда, картина будущего, вернее, отдельный ее фрагмент, явленный ей в видении, бывал не настолько четок, чтобы она с абсолютной уверенностью могла знать, как сложится ситуация. Иногда происходило нечто, коренным образом менявшее увиденную ею перспективу развития событий, или какая-то деталь, ускользнувшая от нее в видении, со всей присущей реальности силой и глубиной заявляла о себе, переворачивая ситуацию с ног на голову. То есть, несомненно, что порой в этих видениях и предсказаниях будущего присутствовал момент непредвиденности, оставлявший место для опасности и авантюры. Яна сравнивала этот феномен с Божественным провидением, которое, существуя, все же дает возможность человеку выбирать между добром и злом.

У дежурного Яна узнала, что Руденко уже прибыл и вскоре намерен спуститься. Не прошло и пяти минут, как лейтенант появился в сопровождении черноусого сержанта Самойлова. Увидев Яну, Руденко шутиливо взял под козырек и кивнул на стоявший у входа «жигуль».

— Поехали, — быстрым шагом он направился к машине, Самойлов последовал за ним.

Яна дернула заднюю дверцу — та оказалась не заперта.

— Вот ведь баба беспокойная, — хмыкнул Руденко, хитро улыбаясь Самойлову и одновременно косясь в зеркальце, чтобы видеть реакцию Яны, усевшейся на заднее сиденье, — ни праздников ей, ни выходных. Знаешь что, госпожа Милославская, надо бы у тебя конфисковать эти твои карты. Стало бы всем легче жить!

Он расхохотался. Самойлов поддержал его несмелым смешком.

— Или труднее, — не согласилась Яна. — Вижу, ты весь в предвосхищении вкусной и здоровой пищи.

— Звучит зловеще, — снова захохотал Руденко. — Да, ты угадала, я думаю об обещанном тобой обеде. Знаешь что, Яна Борисовна, если мне по поводу каждого трупа содрогаться да слезы лить — никаких нервов не хватит!

— Знаю я это все! — раздраженно отмахнулась Яна, — это уже стало в ваших речах общим местом.

— Но ведь это на самом деле так! — воскликнул Руденко, выезжая на

дорогу. — Здесь недалеко.

— Странная история, — Яна закурила. — Я-то не приняла всерьез ее слова. У меня, кстати, есть номер машины, из которой якобы за ней следили, проверишь?

— Конечно, — широко улыбнулся Руденко, настроение которого в корне переменялось, видимо, убийство при упоминании Яной имеющегося у нее номера машины показалось ему легкораскрываемым. — Это уже кое-что. Чем она занималась?

— Работала старшим крупье в казино «Большая игра», — Яна выпустила дым в приоткрытое окно.

— Кому же понадобилось ее убивать? Она что, ворочала деньгами? — с недоумением в глазах спросил Руденко.

— Да какие там деньги! — усмехнулась Яна, — Нет, скорее, причина в чем-то другом.

— Амурные дела? — Руденко нацепил на нос старомодные темные очки — солнце слепило глаза.

— Может быть, — Яна на секунду задумалась. — У нее в квартире все перерыто. И это меня настораживает.

— А ты откуда знаешь? — Руденко тут же замолчал. — Ах да, ты ж видела!

Он произнес последнюю фразу со смесью дружеской иронии и своего обычного недоверия.

— Видела, — многозначительно посмотрела на него Яна, и он несколько смущенно улыбнулся ей в зеркало. — В ее квартире что-то искали. Либо она появилась не вовремя, поэтому и была убита. В таком случае убивать ее никто не собирался. Просто так получилось. Либо вначале ее убили, а потом уже произвели обыск.

— Хорошенькое дельце, — усмехнулся Руденко. — Кому она понадобилась?

— Ты уже спрашивал об этом, — меж черных Яниных бровей тонкой змейкой скользнула морщинка неудовольствия.

— Прошу прощения, — тоном оскорбленного балагура сказал Руденко.

— Не исключено, что Женя знала убийцу и сама впустила его в квартиру, — не обращая внимания на обиженный вид Руденко, продолжала Яна. — После того, как Женя была убита, он стал рыться в ее вещах.

— Может, она что-то задолжала? — высказал робкое предположение лейтенант.

— Может, — с сомнением в голосе ответила Яна.

— А орудие убийства ты случайно не видела?

— Мне кажется, что это латунная ваза — труп лежал с неестественно вывернутой шеей. Не исключено, что убийца свернул шею Жене сам. Тогда можно было бы предположить, что это субъект, обладающий порядочной физической силой.

— И самообладанием, — дополнил молчавший до этого Самойлов.

— Ага, — Руденко свернул направо и, проехав еще сотню метров, въехал в тихий пустынный двор. — Народ на дачах — на огородах. Тишина и мертвые с косами...

Он судорожно усмехнулся.

— Первый подъезд, — деловито сказал он, сделав серьезное лицо, и довольно резко затормозил у покосившейся лавочки.

Яна первой вышла из машины. Заперев дверцы, Руденко присоединился к ней, замыкал шествие Самойлов. Они поднялись на третий этаж.

— Здесь, — Руденко приложил ухо к крашеной деревянной двери, располагавшейся справа от лестницы.

На всякий случай он позвонил. Потом еще и еще. Молчание. Тогда он скомандовал Самойлову:

— Понятых давай!

Сержант затарабанил в дверь напротив. Там никто не отозвался. Тогда он звякнуло в близлежащую квартиру. Минуты через две из-за двери раздался настороженно-глухой женский голос:

— Кто-о-о?

— Милиция. Откройте, мы приехали к вашей соседке.

Дверь приоткрылась на длину цепочки. В тусклом прогале возникло бледное встревоженное лицо пожилой женщины. У нее были плотно, прямо-таки страдальчески сжатые губы и прищуренные глаза.

— Что такое?

— Не бойтесь, мамаша, — бодро рявкнул Руденко. — Будете понятой. Нам нужен еще один человек.

Самойлов позвонил в другую квартиру.

— Да нет их, они на поминках, — дребезжащим голосом сказала женщина, снимая цепочку.

Она закрыла дверь и вышла на площадку.

— А что случилось? — в ее глазах металась тревога.

— Иди-ка найди слесаря, — приказал Руденко Самойлову.

— У них во втором подъезде бендешка, — подсказала женщина, — но сейчас праздник, — она озадаченно пожала плечами. — Можно позвонить

дяде Коле домой, у меня телефон...

— Вызовете его, пожалуйста, — попросил Самойлов.

— Ага, — удовлетворенно кивнул Руденко. — А ты, — обратился он к сержанту, — опроси других соседей. Нет, не сейчас, позже. Вдруг она жива, — он покосился на Яну.

Та выразительно вздохнула, мол, твоими бы устами да мед пить.

— Как зовут-то вас? — улыбнулся Руденко женщине, напуганной нестандартной ситуацией.

Она скрылась в квартире минутой раньше, а теперь снова вышла и застыла, сложив руки на груди в молебном жесте.

— Елизавета Петровна, — ответила она, — я позвонила, сказал, что будет. Но, по-моему, он...

Она красноречиво щелкнула двумя пальцами себя по горлу.

— Еще бы! — просиял Руденко, которому зачастую общение с трудовым народом доставляло простодушную радость, — праздник как никак!

— Да они и без праздника всегда того, — неодобрительно усмехнулась Елизавета Петровна. — Что же все-таки случилось?

— Вы когда свою соседку в последний раз видели? — спросил Руденко.

— Дня три назад, — пожалала плечами женщина. — Я вообще-то не очень с ней знакома. Они молодые, у них свои интересы, приятели...

— У кого это у них? — встрепенулся Руденко.

— Кавалер у нее, симпатичный парень. Да и она симпатичная. Нет, вы не подумайте, у них все прилично вроде, не скандалили, не ругались. Хотя она и в казино работает, по-моему, девушка самостоятельная. Вы в чем-то ее подозреваете? — с дрожью в голосе спросила она.

— Нет, — отмахнулся Руденко, — не в этом дело. Так вы говорите, парень у нее есть. Интересно-о-о... И как давно?

— Да полгода — это уж точно! Может, она и раньше знакома с ним была, только появляться он тут стал примерно с полгода назад, — уверенно произнесла Елизавета Петровна. — Вроде, серьезно все у них. Он за ней на машине приезжает.

— На какой? — с профессиональным интересом спросил Руденко.

— На не нашей какой-то, иностранной, — с горделивым восхищением простолюдинки пояснила она, — синей такой. Ой, не знаю, как называется, но, видать, дорогая.

— Понятно, — Руденко пригладил для солидности свои шикарные пшеничные усы, словно этот неторопливо-обстоятельный жест служил

вехой в расспросах, — что вы о нем знаете?

— Ну, богатый он, — приподняла свои округлые рыхлые плечи женщина, — это по всему видать. Цветы дарит — я раза три его с розами видела. И со свертками... Подарки, наверное. Повезло Женьке, что и говорить!

Несмотря на оптимистически жизнеутверждающий характер фразы, она с какой-то мучительной нерешительностью посмотрела на лейтенанта, словно чуя неладное и таким образом подозревая, что слова ее уже неактуальны.

— А еще что? — интересовался Руденко. — Где работает, например?

— Этого я не знаю, не спрашивала. Я же вам сказала, что не так уж часто обща...

— Хорошо, — бесцеремонно перебил ее лейтенант, — а его вы когда в последний раз видели?

— Ну-у, — задумалась Елизавета Петровна, — дней пять или неделю. Точно не помню. Он какой-то хмурый, недовольный шел. Я уж думала, что у них нелады. Но потом в окно видела, как они вышли, сели в его машину и куда-то поехали. Они весело смеялись, разговаривали. Так что, ничего не изменилось.

Этажом выше громыхнула стальная дверь и следом послышались быстрые шаги. Кто-то спускался с лестницы. Спускался и насвистывал «Жизнь в розовом свете». Все замерли в ожидании субъекта, имевшего, по-видимому, прекрасное настроение, и только на губах Елизаветы Петровны зазмеилась ехидная усмешечка. Она знала, кто это. Очам людей, собравшихся в ожидании мастеровитого и поддатого дяди Коли, предстал одетый во все бежевое, еще довольно стройный дядечка средних лет с несколько одутловатым, покрытым паутиной морщин лицом, но полный зажигательного оптимизма и молодцеватой грации. В нем чувствовалась порода. Жидкие светлые волосы, открывавшие высокий, с плешью лоб, находящиеся в лирическом беспорядке, отнюдь не производили впечатления чего-то неопрятно-взлохмаченного и неухоженного. Узкий разрез глаз придавал его взгляду цепкую внимательность и некое смирение, присущее выражению глаз умудренного опытом человека. И только губы, с опущенными уголками, чувственные, хотя и не полные, налагали на его лицо печать какого-то брезгливого неприятия.

— Что здесь происходит? — с жеманным недоумением воззрился на Елизавету Петровну щеголь.

— Да вот, соседкой моей интересуются, — махнула она рукой на Женину дверь.

— Вот как? — удивился дядечка. — По какому вопросу?

— Пока не знаю, — вздохнула Екатерина Петровна.

— А вы, гражданин, не могли бы оказать нам помощь? — выказал чудеса обходительности Руденко.

— Да-да, — изящно наклонил голову немного вперед дядечка, — Лев Сигизмундович Браницкий, — с горделивым достоинством представился он.

— Нам нужен еще один понятой, — продолжал Руденко в то время, как Браницкий заинтересованно пялился на Яну.

— Понятой? — приподнял свои сероватые округлые брови Лев Сигизмундович. — Что случилось?

— У нас есть подозрение, что Евгения Галкина мертва, — ляпнул лейтенант.

— Мертва-а?! — воскликнул Браницкий.

— Ужас! — обмерла Елизавета Петровна.

Внизу послышались медленные тяжелые шаги, Все стали напряженно вслушиваться.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, — горько усмехнулся Браницкий, прерывая мгновенную паузу и многозначительно качая головой. — Как же это случилось?

— Лев... — замялся Руденко, припоминая витиеватое отчество щеголя.

— Сигизмундович, — подсказал Браницкий, чуть сморщив породистый польско-еврейский нос.

— Мы еще толком ничего не знаем. А-а, вот, наверное, и дядя Коля, — Руденко улыбнулся поднимавшемуся нетвердой походкой мужчине. — Сейчас все окончательно выяснится. Вы будете понятым? — снова обратился он к Браницкому.

— Да-да, — с ответственным видом произнес тот, — о чем речь!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дядя Коля, поджарый мужик с пропитым лицом, ограничился скептическим взглядом. Потом, почесав в грязном затылке, спросил, лениво растягивая слова:

— Чего на-до, ше-еф?

Он поднял мутный взор на горящего от нетерпения Руденко.

— Дверь взломать, — коротко сказал тот, — можешь?

Дядя Коля, которому алкогольный кайф придавал повадки флегматичного скептика, пожал плечами, мол, а как же, конечно, могу, и принялся за дело. Неторопливо, спокойно, обстоятельно. Просьба Руденко не вызвала в нем ни удивления, ни протеста, ни даже сколько-нибудь явного интереса. Может быть, он и хотел бы выполнить работу как можно скорее, чтобы от него отвязались, но был под градусом, а потому трудился, как при замедленной съемке. Когда дверь подалась, Руденко, не поблагодарив его, двинул в квартиру. Потом, словно вспомнив о Самойлове, Яне, понятых, о лежавшем на нем грузе ответственности, громыхнул своим звучным баритоном:

— Ничего не трогать, сохранять спокойствие!

Уже в прихожей у него была возможность убедиться в Яниной правоте — кругом царил вопиющий беспорядок.

— Боже мой, боже мой, — испуганно и удрученно приговаривал Браницкий, прикрывая то и дело рот ладонью.

— Господи! — вторила ему потрясенная открывшейся ей картиной разгрома Елизавета Петровна, с опасливой осторожностью переступавшая через горы выброшенной на пол одежды.

Яна прошла в спальню. Постель тоже была распотрошена. Простыни и подушки валялись на полу, матрас был нещадно изрезан.

— Черт! — заорал из кухни Руденко.

Все сбежались на его крик. Самойлов тупо смотрел на лежащее в неестественной позе тело.

— Нет, не ваза, а сковородка, — присевший на корточки Руденко взял через полотенце чугунную сковороду. — Ручка вон аж куда отлетела, — показал он под раковину.

Действительно, отлетевшая ручка подобно городошной бите прошла по ряду пивных бутылок и банок, несколько из которых разлетелись вдребезги.

— Ой! — вскрикнула Елизавета Петровна, едва не шмякнувшись в обморок. К счастью, ее вовремя подхватил Самойлов.

— Уведи ее! — раздраженно бросил ему Руденко.

Сержант поволок ошарашенную женщину в гостиную.

— Вот так та-ак, — Браницкий стоял над трупом бледный, как полотно, но старался не показывать вида, что волнуется. — Кто же это ее?

— Мы бы тоже хотели это знать, — грубо ответил Руденко. — Ну, где ты там? — крикнул он Самойлову. — Иди, ты мне нужен. Надо вызвать экспертов. Ничего не трогать, еще раз говорю.

Он грозно посмотрел на Браницкого и взялся за рацию. Лев Сигизмундович удалился в гостиную, где на диване полулежала, глубоко откинувшись в подушки, Елизавета Петровна. Яна последовала за Браницким. Вскоре к ним присоединился и Руденко. Он по-хозяйски поднял опрокинутый стул, уселся на него и, окинув комнату цепким, все примечающим взглядом, обратился ко Льву Сигизмундовичу.

— Вы что-нибудь можете сказать о Галкиной?

Чувствуя в Руденко если и не противника, то натуру, во всем противоположную ему, Браницкий нахохлился, заложил ногу на ногу и, сделав неприступный вид, закурил.

— Да, могу. Женя была приятной девушкой.

— То есть? — потребовал уточнений Руденко, распознав в Браницком женственно-нездоровую натуру творческого работника.

Для него, милиционера, любая богема, богатая, нищая, творческая или играющая в творчество, была подозрительна, паразитарна, враждебна интересам трудового класса. Лейтенант не догадывался, что подобный взгляд на вещи он унаследовал от бывшего строя. В силу присущей ему наивности и простоты он полностью отождествлял себя с таким подходом, не удосуживаясь сделать критический разбор своим суждениям.

— Отзывчивая, душевно щедрая, хотя и вспыльчивая. Но это в ней говорила ее гордая натура, она не терпела неуважения со стороны пусть даже любимого человека! — торжественно изрек Браницкий.

Здесь Руденко продемонстрировал свою толстокожесть. Он тупо воззрился на Льва Сигизмундовича, ни одним мускулом не выдавая впечатления от услышанного панегирика и таким образом пробудив в Браницком наряду с досадой сладострастно-горькое чувство своей отъединенности от подобных грубых натур. Ибо такое высокое одиночество и приятно, и тяжело, оно задевает тщеславные струны души человека, но в то же время уводит его все дальше от шумной канители жизни, делая ипохондриком и меланхоликом. И только воинственный дух

несогласия с прозой бытия, которой подчиняются низкие сердца, заставляет иных предпочесть гордой самоизоляции свободный поединок с пошлыми людишками. Вот о чем думал Браницкий, вертя в воздухе носком своей бежевой туфли.

— Вы хотите сказать, что у нее были конфликты с ее другом?

— Это неизбежно, — философским тоном заявил Браницкий. — Он не стоил ее.

— Ну уж это как сказать, — ожила Елизавета Петровна, — они были прекрасной парой.

У нее на глаза навернулись слезы.

— Ха-ха, — манерно рассмеялся Браницкий, — вы близоруки, Елизавета Петровна. Извините, что говорю вам это. Вы не видели внутренних баталей, так сказать. За фасадом счастливого союза вы проглядели трагедию душ, — высокопарно выразился он.

— Какую трагедию? — с пренебрежительным недоверием полюбопытствовал Руденко.

— А вот вы все время молчите, — сдержанно улыбнулся Браницкий Яне, явно симпатизируя ей. — Что вы на это скажете?

— Я не настолько хорошо знала девушку, чтобы судить, кто прав, — ответила Яна.

— Этот мафиози не мог дать Жене ничего хорошего, — скептически поджал губы Браницкий.

— Мафиози? — заинтересовался Руденко.

— Итальянский, — таинственно улыбнулся Лев Сигизмундович. — Он похож на итальянского мафиози, уверяю вас. Вы случайно не находили здесь его фото? — обратился он ироничный взгляд к лейтенанту.

— Не успел, мы же с вами вместе вошли, — буркнул Руденко, — К тому же тут, чувствую, полным-полно отпечатков. Фото подождет. Когда вы видели Галкину в последний раз?

Руденко приклеил ко Льву Сигизмундовичу наэлектризованный недоверием взгляд.

— Дня два назад видел, как она входила в подъезд. Наверное, у нее был выходной, — с беззаботно-манерным видом сказал Браницкий.

— Каков был характер ваших отношений? — в неожиданно резкой манере спросил Руденко.

— Соседский, ну, может быть, дружеский, — снисходительно улыбнулся Браницкий, — иногда мы вместе пили чай, перебрасывались парой-другой слов. Я, видите ли, литературный критик. Люблю поговорить на общие темы, а Женя кончила филфак, причем с хорошими оценками. У

нас были темы для общения.

Браницкий кашлянул для солидности.

— Поня-атно, — мрачно процедил Руденко, словно тот факт, что у Галкиной и Браницкого находились общие темы для разговора, в чем-то изобличали последнего. — И она делилась с вами своими проблемами?

— Да, представьте себе. Она говорила об охлаждении со стороны своего кавалера, Антона. Она переживала.

— И когда началось это охлаждение? — не отрывал от него напряженного взгляда Руденко.

— Да что-то около месяца назад, — трагически вздохнул Браницкий. — По крайней мере она в первый раз призналась мне в этом.

— Она не говорила, чем это было вызвано?

— Нет, она сама не знала, — грустно улыбнулся Браницкий. — Такое бывает в любви. Если вы хотите услышать мое мнение, то я думаю, что это не что иное, как сдергивание маски. Этот мафиози просто использовал ее. Понятное дело, она ему надоела. Прискучила.

— Она вам не говорила, где он работает?

— Да нигде — ведет праздный образ жизни, — презрительно хмыкнул Браницкий. — Нет, я понимаю, когда поэт, художник, натура творческая ищет применения своим силам и не находит в нашей пошлой действительности, но этот... — он сделал кислую мину, — просто ничего не делает и все. Папа у него — шишка, держатель казино. В этом казино и работала Женя.

— Интересно! — встрепенулся Руденко.

— Да, — нервно дрыгнул ногой Браницкий. — Этот тип — настоящий паразит. Беда Жени состояла в том, что она слишком доверяла ему, в том, что она вообще видела в людях только хорошее. И была обманута! — с артистическим надрывом завершил он.

— Как вы думаете, что могли искать у Жени? — вмешалась Яна и тут же поймала на себе неодобрительный взгляд Руденко, как бы говоривший: кто тут хозяин положения?

— А кто его знает? — передернул плечами Браницкий. — Ума не приложу.

— Так, — заговорил лейтенант менторским тоном, явно стараясь привлечь к себе внимание присутствующих, — искали какой-то небольшой предмет, размером... размером... — он огляделся по сторонам, ища подходящее сравнение, — с пачку сигарет, — утвердительно произнес он. — И, прошу обратить внимание, — он показал на шкатулку с драгоценностями, которая лежала у всех на виду, — преступника или

преступников не интересовали деньги, во всяком случае, их эквивалент.

«Господи, — вздохнула про себя Милославская, — это ж надо, какими словами разбрасывается!»

Руденко заметил ее реакцию, но истолковал ее как похвалу и удовлетворенно усмехнулся в усы.

— Далее, — продолжил он свои сентенции, окрыленный успехом, — чтобы обыскать все эти помещения и перевернуть здесь все вверх дном, нужно определенное количество времени. Полагаю, преступники пробыли здесь как минимум час, а может, и больше. Самойлов, — он взглянул на сержанта, который со скучающим видом глядел в окно, — чего сидеть? Работать нужно. Бери бумагу, пиши протокол осмотра места происшествия. Сегодня как никак праздник, нужно домой попасть к вечеру, а не ночью. Сейчас приедут криминалисты, а у нас здесь конь не валялся!

— Сейчас, сделаем, — Самойлов поднялся и поплелся на кухню.

— Вам придется немного подождать, — Руденко с важным видом зыркнул на соседей, — будете подписывать протокол.

— Семен Семенович, — Яна поднялась со своего места, — я пока посмотрю спальню, хорошо?

Руденко чуть помолчал, удивленно всматриваясь в глаза Милославской, словно старался высосать из них ответ на вопрос: чего ей понадобилось в спальне? Не найдя ответа и серьезных оснований для отказа, кивнул.

— Только смотри там, руками...

— Я осторожно, — улыбнулась Яна.

Ей действительно пришлось идти очень внимательно, чтобы не наступить на разбросанные по квартире вещи. Руками она тоже ничего не задевала, пока не вошла в спальню. Большая двуспальная кровать, втиснутая между двумя тумбочками, больше походила на поле битвы. Видимо, искали что-то такое, что можно было спрятать между пружинами матраца или в другом тайном месте. Не похоже было, что те, кто здесь устроили этот бедлам, нашли то, зачем приходили. Такой вывод Яна сделала из того, что во всей квартире не осталось ни одного не тронутого кусочка, ни одной вещи, не сдвинутой со своего места. Значит, это что-то все еще здесь? Она пока не стала искать ответа на этот вопрос, оставив его на потом. Ей захотелось представить себе картину произошедшего.

Судя по тому, что убили Женю Галкину первым подвернувшимся под руку предметом, а именно — сковородой, — можно было предположить, что она появилась перед преступником неожиданно. Но почему, увидев беспорядок в прихожей, она не вызвала сразу милицию, а вошла в квартиру

и конкретно — на кухню? Милославская находила этому по крайней мере два объяснения: либо она все время, пока длился обыск, находилась дома, что не слишком-то логично, потому как на теле, насколько заметила это Яна, не было следов пыток или побоев, либо, что более вероятно, она просто подумала, что в квартире уже никого нет. И притаившийся грабитель ударил ее сковородой, когда она вошла на кухню. Эта версия нравилась Милославской гораздо больше и, не придумав пока ничего другого, она на ней и остановилась.

Из гостиной доносились голоса понятых, которые перекрывал сильный баритон Руденко, а затем присоединились и другие голоса, какие-то отстраненно-профессиональные. «Наверно, криминалисты прибыли», — решила Милославская, опускаясь на маленький пуфик, стоявший рядом с кроватью. Конечно, было бы интересно послушать, что скажут эксперты, но Яна почему-то решила задержаться в спальне, как-будто именно тут была спрятана разгадка гибели Жени Галкиной. Она положила руку на кровать, зная, что на материи отпечатки пальцев не остаются, и провела ладонью туда-сюда, ощущая шелковистость матраса. Как-то сама собой у нее появилась мысль, что можно поработать с картами.

Достав колоду из заднего кармана джинсов, она смешала карты и, найдя нужную, которую называла «Взгляд сквозь оболочку», опустила на нее ладонь.

Сразу же отозвавшись теплом, карта «заработала». Яна смотрела на растерзанную кровать, которая вдруг стала принимать правильные очертания и, наконец, ритмично закачалась. Милославская даже испугалась, увидев на постели обнаженные тела, которые извивались в любовном экстазе. Девушку, которая лежала на спине с широко раскинутыми ногами, она узнала сразу — это, без сомнения, была Женя Галкина. Глаза ее были закрыты, голова — повернута немного в сторону, но на лице читалось если и не отвращение, то, во всяком случае, просто безразличие. Лица мужчины, лежащего сверху и старательно сопящего в такт резким движениям своего таза, видно не было. Яне, подчиняющейся природной стыдливости, захотелось закрыть глаза, чтобы не видеть происходящего, но сделать этого ей не удалось — «живая картинка» стояла перед ее внутренним взором. Тогда женское любопытство взяло верх, и она все же решила рассмотреть мужчину. Она отвлеклась от происходящего действия и глядела на мужчину, как на объект в анатомическом театре: довольно сильное, мускулистое тело с излишками жирка на талии, аккуратно подстриженные каштановые волосы, слегка тронутые сединой, мощная мясистая шея с морщинами, которую слегка прикрывала Женина

рука. На спине у мужины, под правой лопаткой темнела крупная родинка. Яна ждала, что он наконец повернет голову, и она сможет увидеть его лицо, но этого не произошло. Видение исчезло так же быстро, как и появилось, оставив после себя чувство нереальности.

Почувствовав усталость, Милославская глубоко вздохнула и открыла глаза. Спрятав «остывшую» карту среди других, она сунула колоду в карман и достала из другого кармана сигареты. Несколько мгновений она курила, позволяя своим мыслям свободно клубиться подобно сигаретному дыму, потом попыталась осознать, что же в конце концов ей удалось увидеть? Единственное, что приходило в голову сразу же — мужчина в постели Галкиной не так уж молод, чтобы быть ее парнем. Может, молодой «безработный», о котором говорили соседи Галкиной, просто так старо выглядит? Нет, — она тут же отвергла это предположение, — просто это другой человек, человек, которому никак не меньше сорока лет, — уверенно определила Милославская. Она посмотрела по сторонам, нашла обрывок газеты, из которого сделала маленький пакетик и стряхнула в него пепел с сигареты.

«Кто же это тогда? — продолжала сама с собой размышлять Яна. — Уж не этот ли молодящийся сосед, играющий роль этакого бонвивана?»

Но и это предположение пришлось отбросить как несостоятельное, потому как тонкие, взлохмаченные волосики «бонвивана», никак не хотели складываться в аккуратную прическу, да еще и с проседью. «Это точно не он, — Яна выпустила струю дыма в потолок, — но исключать того, что дядечка искал с Галкиной не только светских бесед, тоже нельзя».

Милославская сунула окурок в пакетик и, открыв форточку, выбросила его на улицу. Постояв немного у окна, через которое солнце лило в спальню мягкое неназойливое тепло, она снова вышла в гостиную. Она увидела, что за столом сидит сержант Самойлов, высунув от напряжения и усердия кончик языка, и старательно выводит буквы на листе бумаги. Руденко стоял рядом, заглядывая ему через плечо и диктовал то, что отвечали на его вопросы понятые, они же и свидетели. То есть, попросту говоря, переводил с разговорно-бытового языка на казенно-формальный. При этом фразы у него получались настолько неуклюжими и какими-то скукоженными, что ему, чтобы не забыть удачную формулировку, приходилось по несколько раз их повторять. Да и сержант, как видно, не владел стенографией в той мере, чтобы с лету записать мысль начальника.

— Я, пожалуй, пойду, — Яна переступила через кучу постельного белья. — Мне нужно кое о чем поразмышлять.

— То есть как это ты пойдешь? — вылутился на нее от негодования

Руденко. — Сама эту кашу заварила, а теперь — в кусты?!

— Ну не я же ее убила, Семен Семеныч, — грустно произнесла Милославская. — Мое дело маленькое — я органы в твоём лице, товарищ Руденко, в известность поставила. Органы что-то ещё хотят от меня?

— Ты пиши, пиши, — Руденко прикрикнул на Самойлова, который отложил ручку в сторону и не без интереса наблюдал за происходящим. — А вы, гражданочка, пройдемте со мной, — зыркнул он на Милославскую и направился к выходу.

Яне ничего не оставалось делать, как пойти следом.

— Слушай сюда, Яна Борисовна, — сказал лейтенант, когда Милославская вышла на лестничную площадку, где кроме Руденко никого не было, — ты, наверно, думаешь, что сделала мне большое одолжение, что подсунула жмурика да ещё и на Первое мая, да?

Сперва Яне показалось, что он шутит, но лейтенант был серьезен, как бывают серьезны только не очень умные люди, и она поняла — шутки на сегодня закончились.

— Ты хотя бы понимаешь, — продолжал катить на нее бочку лейтенант, — чем все это может кончиться?

— Ну и чем? — мягко улыбнувшись, спросила Яна.

— Тем, — огрызнулся лейтенант, — что я останусь при своих двух звездах, вместо трех, на которые мне намекали.

— Да я-то тут при чем, Сеня?

— Как, то есть, при чем, — передразнил ее Руденко, — а кто меня вытащил сюда, кто сказал, что труп в квартире, кто, в конце-концов, заставил меня дверь выламывать?

— Я, что ли? — недоумевающе посмотрела на него Милославская.

— А кто же? — немного смягчившись, Три Семерки закурил. — А теперь собираешься меня оставить.

— Так ведь это твоё дело, — Яна все еще не понимала, чего от нее хочет Руденко, — и рано или поздно, тебе все равно бы пришлось им заниматься. Или ты считаешь, нужно было подождать, пока труп начнет разлагаться, и соскрябать его с пола лопатой?

— Ну, это ты загнула, Яна Борисовна, — лейтенант понял, что перегнул палку, но пока не сдавался. — Мне ведь что нужно решить, — пуская клубами дым рассуждал он, — как сказать начальству?

— Ну так и скажи, мол, труп в квартире по такому-то адресу.

— А я как оказался по этому адресу? — усмехнулся Руденко, — Мне ведь рапорт поставлять надо. Не могу же я написать, что мне было видение, мать твою! Да меня за такое последних звезд лишат к чертовой матери!

— Не лишат, Семен, — чуть не рассмеялась Милославская, услышав причину его переживаний. — Мы с тобой что-нибудь придумаем. Тебе когда нужно рапорт сдавать?

— Ну, как, то есть, когда? — Три Семерки почесал затылок. — Сегодня — первое, красный день календаря, между прочим, — намекнул он, — завтра — второе, значит, послезавтра.

— Да у тебя еще времени — вагон и маленькая тележка, — успокоила его Яна. — Давай сделаем вот что. Ты здесь закончишь сегодня и подтягивайся ко мне. Там все и обсудим. А заодно я что-нибудь вкусненькое приготовлю на праздник.

— Точно? — лейтенант прищурил глаза и провел ладонью по усам, словно уже стирал с них хлебные крошки или капли жира.

— Точнее не бывает, — Яна хлопнула Руденко по плечу и пошла вниз по лестнице.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Казино «Большая игра» располагалось в самом сердце города. Это было дорогое, престижное заведение, оборудованное с учетом западных стандартов. Витрины были оформлены со вкусом, броско, но не аляписто. Кроме собственно игральных залов, разделенных высокими изящными арками, здесь были еще бильярдные, бар и ресторан. Затянутые имбирно-бежевым атласом стены создавали ощущение несказанного уюта и легкости. Поздоровавшись со швейцаром и миновав закрытый гардероб, Яна вошла в первый зал. Не останавливаясь у бара, она пролетела дальше — прямо к игровому столу. Здесь отправляла игру наряженная в белую блузку и ярко-красную жилетку девушка-крупье. За столом в ленивых позах восседали три шкафоподобных братка, помятые лица которых наводили на мысль, что они здесь околачиваются со вчерашнего вечера. Они подняли на Яну ословелые рассеянные взгляды, уравнивающие ее с предметами обстановки.

— Добрый день, — поздоровалась Яна, когда девушка объявила о результате очередного кона, и все трое игроков сделали кислые мины. — С кем я могу поговорить о Жене Галкиной?

Девушка с удивлением посмотрела на Яну.

— Она не вышла вчера на работу. Дома ее нет, — пожалала она плечами, — никто не знает, где ее искать.

— Вот именно об этом я и хотела поговорить, — слабо улыбнулась Яна.

— Пройдите прямо, вон из второго зала дверь ведет в коридор. Выйдете и увидите дверь справа. Это комната крупье. Там девчонки...

— Спасибо! — Яна пошла в указанном направлении.

— А вы кто ей будете? — бросила вдогонку крупье.

— Знакомая, — на ходу ответила Яна, выбегая в коридор.

Она постучалась в обитую светлым деревом дверь. Не дождавшись ответа, потянула за латунную ручку. И очутилась в просторной комнате, две стены которой были заставлены шкафами, у другой, под закрытыми жалюзи окнами стоял длинный кожаный диван, а в центре поместился журнальный столик и пара широких кресел с округлыми спинками. На них сидели две одетые в форменные блузки и жилетки девушки и весело о чем-то болтали. При этом они затягивались сигаретами, стряхивая пепел в большую темную пепельницу из небьющегося стекла, стоящую на столике.

На коленях у одной девицы лежал раскрытый журнал с красочными страницами. Яна заметила небольшую дверь, расположенную меж шкафами. Она поздоровалась, девушки ответили заторможенно-робким «здрасьте».

— Я пришла поговорить о Жене Галкиной. С ней случилось несчастье.

— Проходите, — пригласила ее блондинка, на лице которой замерло настороженное выражение.

Яна поблагодарила и села на диван.

— Женю нашли сегодня мертвой в ее квартире.

Не успела она договорить, как обе девушки издали испуганные возгласы.

— Вы из милиции? — спросила брюнетка.

— Нет, я веду частное расследование. Незадолго до смерти Женя обратилась ко мне. Ей казалось, что за ней следят. Когда вы видели ее в последний раз?

Девушки быстро и озадаченно переглянулись.

— В воскресенье, — сказала брюнетка, — она ушла раньше. Она торопилась, сказала, что у нее назначена встреча.

— Дома? — уточнила Яна.

— Она не сказала, — вздохнула брюнетка, — просто ей позвонили.

Яна заметила на стене миниатюрный настенный аппарат.

— У нас параллельный телефон, — пояснила блондинка, перехватив Янин взгляд, — один аппарат здесь, другой — у Галкиной в кабинете.

— Там ее кабинет? — кивнула Яна на дверь меж шкафов.

— Да, она ведь была старшим крупье, — ответила блондинка.

— Вам ничего не показалось странным в ее поведении в воскресенье. Может, она говорила что-то особенное, была возбуждена?

— Немного, — печально улыбнулась брюнетка, — мне кажется, ей звонил мужчина. У нее глаза блестели, это я точно помню.

— На какое время у нее была запланирована встреча?

— Не знаю, — брюнетка достала сигарету из пачки и крутила ее между пальцами, — но ушла она где-то около четырех.

— А Антон к ней в тот день не заходил? — Яна достала сигареты.

— Вам и об этом известно? — неловко улыбнулась блондинка.

— С некоторых пор поговаривали, что они больше не встречаются, — с тоскливой интонацией добавила брюнетка и, загасив сигарету в пепельнице, пододвинула ее Яне.

Та закурила, держа пепельницу в руках.

— А вы не знаете причину размолвки?

Девушки как по команде пожали плечами.

— Галкина всегда держалась немного особняком, — сказала блондинка, — так что...

— Понятно, — кивнула Милославская и повернулась в сторону брюнетки. — Вы тоже не знаете?

— Нет, — та кинула взгляд на подругу и уткнула его в пол.

— Ладно, спасибо, — Яна бросила окурок в пепельницу и поставила ее обратно на стол, — значит, — ей все-таки удалось перехватить взгляд блондинки, — Женя была не слишком-то общительна?

— Не то чтобы не общительна, — она выпятила ярко накрашенные губы, — просто, держалась ото всех на расстоянии.

— Может, у нее были на это причины?

— Вы имеете в виду, — пренебрежительно передернула плечами блондинка, — ее университетское образование? Так здесь не она одна такая.

— А кто еще?

— Да хоть Томка Карпунина, — она снова посмотрела на подругу, — она в баре работает.

Милославская вышла за дверь и, пройдя коридором, оказалась в зале. Оглядевшись, она направилась в бар, который оказался в конце дальнего зала. За стойкой в одиночестве скучала миловидная барменша, на бэйдже у которой Милославская прочла ее имя и фамилию.

— Что-то, Тамара, не густо у вас сегодня с посетителями, — улыбнулась Милославская.

— К вечеру начнут подтягиваться, — в ответ ей улыбнулась Карпунина. — Вам что-нибудь налить?

— Красное вино, — кивнула Милославская, устраиваясь на банкетке.

— Сухое, сладкое? — поинтересовалась барменша. — Есть хорошее грузинское.

— Можно, — согласилась Яна. — Вообще-то, я хотела у вас кое-что спросить о Жене Галкиной.

— Я уже давно ее не видела.

— Ее убили примерно два дня назад.

Тамара как раз наливала вино в бокал, когда Яна произнесла эту фразу, да так и застыла, как замороженная. Вино потекло через край бокала.

— Черт, — опомнилась Карпунина, и принялась вытирать стойку, — что вы такое говорите?

— У нее был приятель — Антон, — не ответив на ее вопрос, продолжала Милославская. — Вы его знаете?

— Сынок нашего хозяина, — пододвинув бокал Яне, — ответила Тамара.

— Кажется, вы о нем не слишком высокого мнения?

— Кого интересует мое мнение? Я всего лишь бармен.

— Бармен с высшим образованием, — Яна сделала несколько глотков, — хорошее вино. Так что вы думаете об Антоне?

— Образование сейчас не очень-то помогает устроиться, — с горечью в голосе произнесла Тамара, — а насчет Антона... Умный парень, но работать не слишком-то любит. Да и зачем работать, если папаша снабжает деньгами, кормит и одевает?

— У них с отцом хорошие отношения?

— Наверное, раз он ни в чем ему не отказывает, — Карпунина на секунду задумалась, — хотя, как-то я слышала, что они разговаривали на повышенных тонах. Я проходила по коридору мимо кабинета Засурского...

— Мимо чьего кабинета?

— Ну, Якова Засурского — папаши Антона Засурского. Вы что, не знаете?

— Знаю, знаю, — смущенно улыбнулась Мирославская и допила вино, — и что же вы услышали?

— Ничего конкретного, — покачала головой Тамара, — просто... Ну, мне показалось, что они ругаются из-за чего-то.

— А из-за чего именно, не поняли?

— Нет. Я просто проходила мимо, а не стояла под дверью, — пояснила Тамара. — Так кто же все-таки убил Женьку?

— Это как раз я и выясняю.

— Вы думаете, это Антон?

— Не могу судить, так как еще не встречалась с ним. А вы считаете, что он способен на убийство?

— Не зна-аю, — протянула Карпунина.

— Ну, а все-таки? — настойчиво спросила Мирославская.

— Наверно, мог бы, — после долгой паузы ответила Тамара.

— Два дня назад, в воскресенье, была ваша смена?

— Моя.

— В тот день вы видели Галкину, разговаривали с ней?

— Она подходила пару раз, выпить сока, ну, мы перекинулись несколькими фразами. Так, ничего существенного.

— В этот день она должна была с кем-то встретиться. Вы не знаете с кем?

— С Антоном, наверно, с кем же еще?

— У нее больше не было поклонников?

— Ну почему? — усмехнулась Карпунина, — к ней многие клинья подбивали, но, по-моему, ни с кем ничего серьезного у нее не было.

— А в тот день, перед уходом, какое у нее было настроение?

— Обычное, — Тамара слегка наморщила лоб, — хотя... мне кажется, перед самым уходом она была как-то возбуждена. Может, мне просто показалось.

— Ну, ладно, спасибо вам, — Яна оставила на стойке деньги за вино и свою визитную карточку. — Если вспомните, что-нибудь еще — позвоните мне.

— Экстрасенс? — Карпунина подняла глаза от карточки и с удивлением посмотрела на Милославскую. — А я думала, вы из милиции.

— Нет, — усмехнулась Яна, — но милиция в лице лейтенанта Руденко, я уверена, еще посетит вас с расспросами.

* * *

Выйдя из казино, Милославская решила немного прогуляться, но тут вспомнила об обещанном лейтенанту праздничном столе. Ей пришлось заглянуть в ближайший супермаркет, где она купила свежих фруктов и консервированных салатов, потому как заниматься их приготовлением сейчас не было никакого желания. Вдобавок она прихватила большую курицу, чтобы запечь ее в духовке. Такой стол не отнимет много времени, — подумала она, — а выглядеть будет на все сто. Семеныч не будет разочарован.

Собственно, Яна пригласила к себе лейтенанта не для того, чтобы потчевать его разносолами или советовать, как ему отчитываться перед начальством, хотя и для этого тоже. У нее была вполне определенная задняя, так сказать, мысль — разузнать побольше об обстоятельствах гибели Жени Галкиной.

Вернувшись домой на такси с двумя большими пакетами, она первым делом закинула в духовку курицу, быстренько открыла консервные банки, разложив их содержимое в вазочки, вымыла фрукты и поставила все это на стол в гостиной. «Сойдет», — она критическим взглядом окинула то, что у нее получилось и опустилась в кресло с удовлетворенным выражением на лице.

Руденко явился около восьми вечера. Он устало ввалился в прихожую, гремя бутылками в пластиковом пакете. Обдав Яну запахом пота и сигарет, он прошел в гостиную и устало плюхнулся в кресло перед столом. Яна выставила на стол полуостывшую к тому времени курицу и устроилась напротив.

— Богато, богато, — похвалил лейтенант угощение и выставил из пакета две бутылки семьсот семьдесят седьмого портвейна.

Сослуживцы за его пристрастие к этому напитку между собой называли его Три Семерки. У Яны оставалось еще полбутылки коньяка и она плеснула себе немного в большую пузатую рюмку. Руденко откупорил портвейн и наполнил большой фужер до краев.

— Ну, с праздничком, — чокнувшись, он осушил его до самого дна, закусил маринованным огурчиком и с жадностью набросился на салаты.

— Может, сначала курицу разделаешь? — с усмешкой спросила Яна, глотнув немного коньяка.

— Благодаря тебе, — с набитым ртом произнес Руденко, — я сегодня весь день на двух пирожках.

— Вот и поешь как следует, — Яна пододвинула ему блюдо с курицей.

Руденко засучил рукава, взял нож и ловко разделил румяную птицу на несколько частей. Он ел, обильно запивая пищу портвейном и вытирая пышные усы салфеткой. Они выпили еще за День солидарности, за труд, черт бы его побрал, за здоровье — куда же без него? — за мир во всем мире и за что-то еще. И только когда Семен Семеныч насытился и развалился в кресле с сигаретой в зубах и блаженным лицом, Милославская принялась за расспросы.

— Ну что, Семеныч, какие новости? — как бы между прочим поинтересовалась она.

— А-а, — пьяно махнул он рукой, — пока не слишком много.

— А все-таки? — Милославская тоже закурила.

— Ладно уж, скажу, — хитро посмотрел на нее Руденко, словно говоря, что он понимает, чем обязан такому столу, — врач говорит, что смерть наступила примерно сорок восемь часов назад, точнее можно будет сказать после вскрытия. Скорее всего, смерть наступила от перелома шейных позвонков, почти мгновенно, но жертву ударили еще раз, когда она уже была мертва. Орудием убийства явилась, опять же предположительно, — уточнил он, — тяжелая чугунная сковорода, на

которой остались частички крови, кожи и волос. Да, — добавил Руденко, — в квартире, как я и думал, полно отпечатков пальцев. Мы прогнали через компьютер — ничего — в нашей картотеке не числятся.

— Что это значит? — поинтересовалась Милославская.

— Это значит, — словно читая лекцию, продолжил Три Семерки, — что убийца никогда не привлекался к уголовной ответственности. Кстати, — заметил он, подняв указательный палец, — основная часть отпечатков, кроме отпечатков Галкиной, разумеется, принадлежит одному человеку. Из этого можно предположить, что убийца был один, — резюмировал лейтенант.

— Это точно?

— Ну, — лейтенант глубокомысленно улыбнулся, — если только сообщники не были в перчатках, но это навряд ли. Вообще, все сделано непрофессионально.

— Ты не думал над тем, что могли искать в квартире Галкиной? — Яна стряхнула пепел с сигареты и плеснула себе немного коньяка.

— А черт его знает, — откровенно признался Руденко, — ясно только, что не деньги и не драгоценности.

— Может быть, наркотики?

— Нет, — покачал головой Руденко, — ребята из лаборатории сделали спектральный анализ некоторых вещей из квартиры Галкиной — никаких следов. Слушай, — он наполнил себе бокал из второй бутылки с портвейном, — а чего ты, вообще, этим делом так интересуешься? Клиента, как я понимаю, у тебя нет. Ты что, собираешься работать бесплатно?

— Я получила от Галкиной аванс, — Яна глотнула немного коньяка и положила в рот маленькую дольку лимона, — так что мне нужно его отработать.

— Не пудри мне мозги, Яна Борисовна, — Руденко поморщился как от зубной боли, — твою клиентку, — он развел руками, — отправили к Богу в рай. Чего теперь тебе беспокоиться об авансе? Кстати, — Руденко с лукавой провоцирующей улыбочкой склонил голову на бок, — много получила?

— Триста, — резко бросила Милославская, — только какое это имеет значение?

— Долларов? — Руденко чуть не поперхнулся портвейном.

— Рублей, Сеня, — успокоила его Милославская.

— Господи, — растаял лейтенант в виду незначительности суммы, — да плюнь ты на это дело и разотри. Подумаешь, три сотни!

— Дело не в деньгах, Семен, — с серьезным видом произнесла Яна, —

я чувствую, что косвенным образом виновата в ее гибели. Если бы я начала немного раньше, возможно, несчастья бы не случилось.

— А-а, — протянул Три Семерки и в несколько глотков опорожнил бокал, — делай как знаешь. Ты ведь если упрешься — тебе хоть кол на голове чеши. Только ко мне со своими проблемами не приставай — у меня и так дел по горло. Сегодня уж так и быть — спрашивай, — он нацепил на вилку соленый грибок и отправил его в рот. Потом крякнул от удовольствия, закинул ногу на ногу и раскинулся в кресле как большой толстый кот на солнышке. Яне даже показалось, что она слышит, как лейтенант мурлычит в усы.

— Ты решил что-нибудь с рапортом? — спросила Милославская, чтобы еще больше расслабить своего собеседника.

— Не переживай, — усмехнулся он, но Яна заметила, что ему приятно ее участие. — Не первый раз — придумаю что-нибудь.

— У Галкиной остался кто-нибудь из родных? — пользуясь случаем, спросила Яна.

— Родители, — вздохнул Руденко, — только они далеко живут — под Москвой.

— Ты проверил номер машины, который я тебе дала?

— Машина не имеет к Галкиной никакого отношения, уверяю тебя, — Руденко закурил и попытался пустить сигаретный дым кольцами, но у него ничего не получилось.

— Сеня, — настойчиво повторила свой вопрос Милославская, немного изменив формулировку, — кому принадлежит эта машина?

— Ты настаиваешь? — пьяно ухмыльнулся лейтенант.

— Девушке казалось, что за ней следят, — мягко произнесла Милославская, — ей даже удалось записать номер машины, из которой, по ее мнению, за ней вели наблюдение. Почему бы не проверить эту версию?

— Я так и знал, что ты от меня не отстанешь, — лейтенант вынул и положил на стол небольшой клочек бумаги, — здесь координаты хозяина машины — ребята из ГИБДД пробили по компьютеру.

— Копелев, Сергей Павлович, — прочитала Яна вслух.

— Майор налоговой полиции, между прочим, — усмехнулся Руденко. — Не думаешь же ты, что он...

— Я ничего не думаю, Сеня, — перебила его Милославская, — просто хочу сама во всем убедиться.

— Убеждайся, убеждайся, — Руденко выпятил губы, — можешь даже на картах погадать, только предупреждаю, меня сюда не припутывай. Учти — я тебе ничего не давал.

— Не волнуйся, Семен Семеныч, — не без иронии посмотрела на него Милославская, — все будет — шито-крыто. Ты вообще, как домой-то будешь добираться? — намекнула она лейтенанту, что пора бы уже и честь знать.

— На машине, как же еще? — он растянул губы в улыбке, — а может, ты мне постелишь где-нибудь на коврике?

— На коврике спит Джемма, — осадила его Яна, — а тебя дома жена ждет.

— Жена еще два дня на даче будет, — мечтательно произнес лейтенант, — так что, может...

— Не может, Сеня, — решительно покачала головой Милославская, — если хочешь, могу тебе такси вызвать, — она потянулась к телефону, но он остановил ее.

— Е-мое, какое такси, Яна Борисовна?! — возопил лейтенант, — да я на своей «шестерочке» в любом состоянии до дома доберусь. Кстати, не такой уж я и пьяный, — он резко встал, но не удержался и, взмахнув руками, словно подбитая палкой ворона крыльями, и снова упал на кресло.

— Сейчас, я приведу тебя в чувство, — сказала Яна и отправилась на кухню.

Она сварила крепкий кофе и принесла его лейтенанту.

— Пей, Сеня, — приказала она, поставив перед ним чашку, — а потом, я потру тебе уши, и ты будешь как огурчик.

— Вот уши не надо, — едва не расплескав кофе на себя, Руденко сделал маленький глоток.

Минут через пятнадцать он был уже почти в порядке. Во всяком случае, до машины добрался сам, ни разу даже не упав. Он сел за руль, запустил двигатель и закурил. Яна, возле которой нарезала круги Джемма, стояла рядом, с усмешкой глядя на лейтенанта.

— Может, мне лучше остаться? — жалобно пропел лейтенант, пытаюсь смотреть Яне в глаза.

— Езжай домой, Семеныч, и хорошенько поспи, — напутствовала его Милославская, — только смотри, столбы не посшибай по дороге.

— Не боись, — лейтенант лихо, по-гусарски закрутил усы, но они почему-то снова обвисли, как у Тараса Бульбы. — Чао, — пробормотал он на прощанье и нажал на газ.

— Цыга-анка гада-ала, цыга-анка гада-ала, — услышала Яна пьяный голос Руденко из открытого окна удалявшегося автомобиля.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Она вернулась в дом, убрала грязную посуду в раковину и, оставив ее там до утра, устроилась в гостиной с чашкой кофе и сигаретой. Поискав глазами пульт дистанционного управления, включила телевизор и стала переключать каналы. Праздничная программа отличалась от будничной лишь молодящейся Аллой Пугачевой на главной телевизионной кнопке и ее супругом — на второй. На НТВ последнее время крутили одну развлекаловку, а новостные программы ничем не отличались от программ ОРТ и РТР. «Это чтобы у народа голова не болела, какую кнопку нажать», — подвела итог Милославская и выключила телевизор. Ну, не смотреть же в конце концов пафосные американские боевики десяти-пятнадцатилетней давности со Шварцем, Ван Даммом и Дудикоффым в главных ролях, которые крутили по всем восьми каналам, принимавшимся в городе. Все эти ленты прямо-таки выдавливали слезы умиления, когда правда в лице отважного пуле-гранатонепробиваемого героя побеждала ложь в лице грязного, зажавшегося мафиози или все на своем пути крушащего монстра с далекой планеты.

Правда, нет-нет, да и по нашему телевидению проскальзывали неплохие французские фильмы типа «Последнего танго в Париже», анонсированного как эротика, или «Салон красоты „Венера“» с Натали Бей, название которого почему-то перевели как «Красота Венеры». Короче, по ящику смотреть было нечего. Пришлось подняться и найти в книжном шкафу томик Генри Миллера. Но и замечательная, грубовато-сочная проза Миллера почему-то не усваивалась. Отложив книгу в сторону, Милославская потянулась всем телом и посмотрела на часы. Половина первого. «Нужно принять ванну и ложиться спать», — сказала она себе и собралась уже встать, чтобы выполнить намеченное дело, как ее остановил телефонный звонок.

«Наверное, Семеныч добрался домой и решил меня успокоить», — подумала она, снимая трубку, но оттуда прозвучал довольно приятный, но вовсе ей не знакомый голос, который принадлежал немолодому уже мужчине. Во всяком случае, так показалось Яне.

— Прошу прощения за поздний звонок, — сказал мужчина. — Яна Борисовна, если не ошибаюсь?

— Да, это я, — ответила Милославская, — но...

— Засурский, Яков Григорьевич, — перебил ее абонент, — еще раз

прошу прощения, если разбудил вас, но я боялся, что могу не застать вас завтра утром, а мне бы хотелось встретиться с вами как можно быстрее.

— Это как-то связано со смертью Жени Галкиной? — поинтересовалась Милославская.

— Думаю, мы сможем поговорить об этом завтра у меня, — не ответил на вопрос Засурский. — В десять вас устроит?

— Вообще-то, завтра у меня выходной, — соврала Милославская, но Якова Григорьевича не так-то просто было смутить.

— Можете не сомневаться, ваш труд будет щедро вознагражден, — твердо произнес он.

— Хорошо, в одиннадцать, — согласилась Яна, — если вы так настаиваете.

— Спасибо. Я буду ждать вас у себя в кабинете. До свидания, — сказал Засурский и положил трубку.

«Какого черта нужно от меня этому толстосуму? — подумала Яна. — Наверно, ему доложили, что я интересовалась его отпрыском». Больше она ни о чем не стала сегодня думать. Она приняла душ, смывая с себя заботы и хлопоты сегодняшнего дня, растерлась большим махровым полотенцем и легла спать.

* * *

Утром она вымыла посуду, выпила кофе, закусила холодной курицей и салатами, оставшимися от вчерашнего праздничного ужина и отправилась в казино. Джемму, которая видя, как она собирается, крутилась под ногами, норовя ухватить за лодыжку, она решила оставить дома.

— Охраняй, — приказала она собаке, выйдя за калитку.

Казино «Большая игра» было еще закрыто, но, видимо, Яну ждали, потому что охранник, увидев ее, открыл стеклянную дверь и, поинтересовавшись, не Милославская ли она, любезно пригласил пройти.

Яна не стала выпяливаться, но не могла отказать себе в удовольствии одеться элегантно и модно. На ней был деловой костюм из серого твида, состоявший из стильного однобортного пиджака со слегка округленным лацканами и узких брюк. И теперь ступая по светлым, в тон стенам, коврам, она чувствовала себя вполне комфортно и свободно. У нее было такое ощущение, что она представляет некую проверяющую организацию — так безупречно сидел на ней английский костюм, и такой отстраненной от окружающего блеска и хищных амбиций она себе казалась. Чувствуя, с

какой мягкой и настойчивой нежностью льнет к ее плечам, талии и коленям шерстяная ткань, Яна все же не могла подавить лукавую усмешку — этот костюм, несмотря на деловой стиль и некую таящуюся в нем холодность, все же был слишком тонок, мягок, чувственен, чтобы иллюзия лица проверяющей организации, поселившаяся в ее сознании, могла существовать отдельно от насмешливой поправки на юмор.

Эта мысль развлекала Яну и отвлекла ее от того беспокойства, которое вызвало в ней приглашение Засурского. Она была заинтригована и все-таки на душе у нее было беспокойно, как если бы она ожидала какого-то подвоха. Значит, Засурский заинтересован в том, чтобы Яна расследовала это дело. Почему? Потому что это касается его сына? Или потому что предмет, из-за которого убили Женю, имеет в его глазах ценность. Возможно, он захочет, чтобы Яна нашла это таинственное нечто и вручила ему за кругленькую сумму. Руденко будет расстроен, — Яна улыбнулась кончиками губ, как бы стыдясь этой улыбки, считая ее чересчур инквизиторской. Когда ее рука легла на ручку двери, ведущей в кабинет владельца казино, она была так далека от окружающих ее реалий, переключившись мысленно на Руденко и на массу мелких приятных вещей, о которых стала думать исключительно из психотерапевтических целей, чтобы побороть волнение, и которыми незаметно для себя увлеклась, что кабинет Засурского показался ей четвертым измерением.

Сам Засурский сидел в кожаном кресле, вальяжно откинувшись на спинку и глядя на вошедшую Яну из-под тяжелых полуопущенных век. Полноватый, с большими руками, чем-то похожий на медведя, Засурский выглядел лет на сорок пять. Его открытое, красивое лицо было несколько анемичным, но живые карие глаза под почти сросшимися черными бровями излучали бездну лукавства. Тонкие, почти невидимые губы и огромные глаза делали его похожим на те изображения поздней античности и византийской поры, в которых именно таким контрастом было подчеркнута возрастание духовности и угасание чувственности. Вот только чудовищно узкий рот Засурского, который был к тому же плотно сжат, будил скорее впечатление чего-то порочного и мстительно-плотоядного. Правильный нос ничего не добавлял этому примечательному лицу, он стал, выражаясь метафорически, невидимкой и в виду этого контраст между большими глазами с ленивым прищуром и нитеобразным ртом достигал своей потрясающей силы.

Засурский напустил на себя меланхолично-разочарованный вид, который приобрел с появлением Яны флер равнодушно-оценочного пренебрежения. Это действительно был толстосум, по крайней мере, его

гримаса, его поза красноречиво говорили об этом.

— Доброе утро, — ровным голосом сказала Яна.

— Доброе, — слабо улыбнулся Засурский и тихонько крутнулся в кресле. — Про-ошу.

Последнее слово он произнес с интонацией обкомовского работника. В нем, этом коротком слове, проявилось все его презрение к простым смертным, смягченное толикой снисходительной иронии. Он указал глазами на стоявшее перед овальным столом кресло. Одной этой фразы хватило, чтобы Яна поняла, что ее ждет что-то непредвиденное, что-то, что ее разочарует, если не рассердит. Она опустилась в кресло со смешанным чувством потерянности и недовольства.

— А я вас не так себе представлял, — иронично улыбнулся он.

— Этакой бабой-ягой? — усмехнулась Яна.

— Не то чтобы бабой-ягой, — шире улыбнулся Засурский, демонстрируя мелкие острые зубы, — скорее пожилой женщиной, вроде тех народных целительниц, о которых пишут в газетах и показывают по телевизору в рекламе.

— Это комплимент? — хитро улыбнулась Яна.

— Да, — Засурский еще раз крутнулся, перенес центр тяжести вперед и, облокотившись на стол, пронизал Яну долгим пристальным взглядом. — У меня к вам деловое предложение.

— Слушаю вас. У вас курить можно? — Яна покосилась на бронзовую пепельницу, стоявшую справа от Засурского на столе.

Это была раритетная вещица, выполненная, без сомнения, талантливым мастером отгремевшей эпохи. Она изображала разметающуюся на ложе, напоминавшем створку ракушки, девушку, может быть, богиню.

— Конечно, — он пододвинул пепельницу Яне, — почувствуйте себя как дома.

Эта безобидно-гостеприимная фраза прозвучала вполне лицемерно — Засурский и разговаривал, и вел себя так, чтобы не дай Бог, посетитель, в данном случае Яна, не забыли, что он, Засурский, здесь хозяин, если не повелитель.

— Я слышал, вы взялись за это дело, — он выделил голосом «это» и замолчал, очевидно, ожидая подтверждения.

— Да, — Яна глубоко затаилась, ее удовольствие, вызванное игрой ума в те несколько минут, которые предшествовали визиту в этот холодный, заставленный громоздкой, «под старину» мебелью кабинет, улетучилось, подобно запаху нестойких духов, — меня к этому обязывает долг.

На губах Засурского заиграла язвительная усмешка.

— Долг? — насмешливо переспросил он. — Вы оперируете такими старомодными понятиями?

— В старомодных понятиях, также, как и в старомодной мебели, Яна обвела кабинет красноречивым взглядом, — есть свое особенное обаяние, — парировала она.

— Да-да, безусловно, — торопливо, с неохотой согласился Засурский. — Итак, я предлагаю вам неплохой гонорар.

— И что вы хотите мне поручить?

— Бросить все к чертям собачьим, — судорожно рассмеялся Засурский, словно показать себя таким вот беззаботно-веселым и фамильярным для него было знаком особой милости, дарованной собеседнику, — ну как вам идея?

Он наставил на Яну любопытный взгляд. Она молчала, сбитая с толку.

— Три тысячи — и никаких проблем! — полупрезрительно улыбнулся он.

— Я вас не понимаю, — отрезала Яна.

— Разве вы родились не в этой несчастной и по-своему счастливой стране, где население привыкло получать деньги ни за что? Не утруждая себя никакой работой? А? — теперь его взор был игриво-испытующим, он скользил по Яне, подобно ручной змее, которая тем не менее в любое мгновение могла ужалить.

— Допустим, — выжидательно смотрела на него Яна, словно хотела до конца исчерпать свое терпение.

— Ну так как? — тут Засурский заставил себя улыбнуться вполне благосклонно.

— А если я не приму вашего предложения? — капризным тоном спросила Яна, — если скажу, что у меня другие планы?

— Бросьте, — издал он издевательский смешок, — кто в наше хлопотное время отказывается от денег?

— Я отказываюсь, вернее, вы опоздали, я уже получила аванс и намерена его отработать, — спокойно сказала Яна, глядя в лицо Засурскому.

— И кто же вас нанял? — с наигранно равнодушным видом поинтересовался он.

— А вам какое дело? — Яну все больше раздражал этот слишком высоко себя ставящий богач.

— Я даю вам три тысячи, — сделал он упор на «три», отчего это числительное получилось у него по-французски раскатистым и каким-то

гневным, — а вы мне здесь ваньку валяете!

Засурский, видно, тоже начал терять терпение.

— Я не хочу огласки, понимаете? — грозно блеснули его темные глаза, — Галкина работала в моем казино, информация может просочиться в газеты, на телевидение.

— Она и так просочится, — меланхолично улыбнулась Яна.

— Смотря как ее подадут, — надменно взглянул на нее Засурский, — вы своими неадекватными действиями можете все испортить.

— Ваш сын и Женя Галкина...

— Замолчите! — неожиданно закричал Засурский. — Это вас не касается!

— Касается, коль скоро я расследую смерть девушки, — горячо возразила Яна.

Возразила, а про себя подумала: нет, так дело не пойдет, этак мы ни о чем не договоримся. Показания Засурского ей были бы как никогда кстати, ведь он знал Галкину, его сын был ее бой-френдом. Если он сейчас вконец на нее обозлится, она навсегда потеряет его в качестве лица, способного снабдить ее нужной информацией. Яна незаметно, пока Засурский смотрел в окно, достала из сумочки карты, выбрала «Внушение» и, накрыв ее ладонью, влажной от волнения и горячей, сосредоточилась на эмоциях, которую хотела заставить испытать Засурского.

Он сейчас уязвим, — нашептывал ей внутренний голос, ибо впал в гнев и ярость, ибо говорит о вещах, в которых кровно заинтересован.

— Может, ваш сын...

— Я не хочу, чтобы мое грязное белье полоскала желтая пресса, понятно вам? Чтобы мусолили имя моего сына! Я изначально был против этого союза. Это была блажь, блажь, блажь, — с неистовым ожесточением повторял он, — и ничего больше! А мне теперь расхлебывать!

— Я вас понимаю, но пойти у вас на поводу не могу, — с горечью сказала Яна, — и потом, в том, с какой готовностью вы мне предлагаете деньги ни за что, есть что-то подозрительное.

— Чушь! — закричал Засурский, — вы сами не понимаете что говорите. Если бы вы имели мое положение, мой статус, вы бы знали что такое подобная огласка! Пять тысяч, — свирепо глянув на Яну, выдавил он.

— Нет, — Яна вздохнула и прикрыла веки, по-прежнему манипулируя с картой.

Что ему внушить? Успокоение, приветливость, податливость? Нет, это слишком сложно, — ее мозг работал как барометр, — надо сосредоточиться на каком-то простом движении, жесте, действии. А если

вызвать до ужаса, до банальности простое желание немедленно сделать что-то? Она достала карту «Да. Нет.»

Надо же ее внедрять! С внушением сложных чувств ничего не получается, так почему бы не внушить эмоцию попроще?

— Чем вы занимаетесь? — с раздражением спросил Засурский.

— Ничем особенным, — рассеянно улыбнулась Яна, шепча про себя: «Если я прикажу ему захотеть пить или открыть окно, он сделает это?»

Ее ладонь, лежавшая на карте «Да. Нет.», потеплела.

— Выпить не хотите? — облизал сухие губы Засурский, и Яна поняла, что карта «сработала».

— Не откажусь, — сдержанно улыбнулась, радуясь, что новая карта не подвела ее.

Засурский встал, подошел к шкафу, выполненному в стиле «ретро» и, открыв бар, достал оттуда изящную, расширяющую книзу, с вытянутым горлышком бутылку и пару объемных коньячных рюмок.

И тут Яну пронизало ощущение *deja vu*. Конечно, этот затылок, эти каштановые с проседью волосы, мощная, в складках шея... Это же он занимался любовью с Галкиной! Мужчина из видения, посетившего Яну в квартире убитой. Может, он напрямую связан с этим убийством, поэтому и предлагает деньги? Яна побледнела, но собрала все силы, чтобы унять дрожь, пробежавшую по телу.

— Вы любите коньяк? — с лицемерно-дружеской улыбкой спросил Засурский. — Это отличный коньяк, «Отар», настоящая Франция.

— Простите за замечание, но вы не кажетесь шокированным или удивленным случившимся, — усмехнулась Яна.

— А почему я должен быть шокирован? — поставил на стол бутылку и рюмки Засурский. — Потому что Галкина была любовницей моего сына и работала в моем казино?

Он изобразил недоумение, смешанное с изрядной долей скепсиса и презрения.

— Хотя бы поэтому, — Яна снова закурила. — Но есть и еще причина, в виду которой эта смерть должна бы вас затронуть.

— Какая же? — с надменной гримасой приподнял брови Засурский.

— Вы ведь тоже были любовником Галкиной, — ровным голосом проговорила Яна.

— Что-о?! — возмущению Засурского не было предела.

— Вы спали с ней, — твердо сказала Яна, — может быть, поэтому и были против ее союза с вашим сыном.

Яна пристально, но спокойно смотрела на Якова Григорьевича.

Засурский слегка смутился, но, быстро справившись с растерянностью, перешел в атаку.

— Кто вам дал право так разговаривать со мной? И откуда вы вообще взяли, что я, как вы выразились, спал с Галкиной? Или вы считаете, что она была пупом Земли?

Теперь в его глаза горела откровенная ненависть. Углы Яниных губ тронула ироническая усмешка. Она не могла удержаться от этой несмелой, но выразительной улыбки, которая должна была показаться так дорожающему своим престижем Засурскому верхом оскорбительной непочтительности.

— Что вы смеетесь? — грубо одернул он Яну, приходя в бешенство. — Я сказал что-то смешное?

— Нет, ваша реакция вполне адекватна, с учетом вашего характера, — процедила Яна, гася сигарету в пепельнице.

Она уже поняла, что мирного, конструктивного разговора не получится, и более того, она сомневалась, что такой разговор мог вообще состояться. Априори, так сказать. То обстоятельство, что Засурский спал с Женей, хотела Яна того или нет, бросало на него тень подозрения. Мотивов было хоть отбавляй. Ревность, например. А если принять во внимание тот факт, что в квартире было все перерыто, то можно предположить другой вариант. Возможно, Галкина завладела чем-то ценным, принадлежащим Засурскому, помимо его воли и он, желая отобрать это таинственное нечто и будучи человеком темпераментным, саданул ее сковородой по голове. Как ни была бы мрачна и трагична эта картина, нарисованная перед Яной ее подвижным воображением, она вызвала у Яны тонкую ироническую усмешку. Зрелище хватающегося за сковородку Засурского было до того комичным и нелепым, что она рассмеялась бы, если бы была одна. У нее защекотало переносицу, как в детстве. Это было знаком того, что она может допустить что-то запретное, неприличное, но в то же время неплохо контролирует себя, чтобы упредить этот порыв.

— Что вы хотите этим сказать? — чуть более спокойно, но все с таким же презрительным апломбом спросил Засурский.

— Только то, что вы человек взрывчатый, самолюбивый, легко ранимый. Удивляюсь, как вы могли преуспеть в бизнесе! — воскликнула Яна.

— Ну уж это не вам судить! — снова взъерепенился Засурский.

— Вы спали с ней, Яков Григорьевич, — с наигранной жалостью вздохнула Яна, — вы лежали на ней, у нее было отсутствующее выражение на лице, простыни были голубые, в розовато-сиреневый цветочек, помните

такие?

Засурский приоткрыл рот.

— Вы копались в белье? — с брезгливым отвращением наконец процедил он.

— Нет, я вас видела, — равнодушно сказала Яна, — у вас крупная родинка под правой лопаткой. Вы же знаете, что я — экстрасенс.

— Знаю, — угрюмо согласился Засурский, видимо, упустивший из виду Янин дар, который ему, привыкшему все контролировать и всем повелевать, был как кость в горле.

Лицо его приняло суровое выражение. Глаза бегали, мышцы застыли от напряжения.

— Шесть тысяч, — прошипел он, поднимая угрожающе-нетерпеливый взгляд на Яну.

— Я же сказала, что нет, — снисходительно улыбнулась Яна, — дело не в деньгах, а в принципах. Яков Григорьевич, где вы были в воскресенье вечером, между шестью и десятью часами? Это длинный промежуток, но попробуйте все-таки вспомнить.

— Я не обязан отвечать на ваши вопросы, — презрительно поджал он губы, которые в силу этого движения едва не исчезли — таким на удивление тонким был его рот, — вы не из милиции. Если меня спросят, я отвечу. Но не вам.

— И вы скажете милиции, что предлагали мне деньги, чтобы бы я прекратила расследование? — Яна бросила на Засурского хитрый провоцирующий взгляд.

— Вы ничего не можете доказать, — нахальная усмешка тронула его поджатые губы, — и не смотрите на меня так!

— Я не обвиняю вас ни в чем, — непринужденно улыбнулась Яна, — я лишь хочу разобраться в этой истории. Вы хотели бы, выражаясь словами Жени, входить в жизнь других людей, как испанский гранд входит в собор. И потому малейшее несогласие с вами или настойчивость рассматриваете как покушение на свое достоинство. Но ведь могут быть обстоятельства...

— Довольно! — поднял в протестующем жесте руку Засурский, — знать ничего не желаю! Нечего мне читать проповедь! У меня больше нет повода вас задерживать.

Он отвернулся, полный негодования и досады. Яна медленно поднялась с кресла.

— Жаль, — сказала она, — вы могли бы помочь расследованию, но не хотите, тем самым заставляя меня подозревать вас. В квартире у Жени все было перевернуто вверх дном. Возможно, она украла у вас что-то, и вы...

— Хватит! — взревел Засурский, сделав резкий жест рукой.

Яна была уже у двери. И практически столкнулась с высоким худощавым брюнетом, входящим в кабинет.

— Простите, — инстинктивно отшатнулся он, придерживая Яну за локти, — вы не ударились?

— Нет, спасибо, — Яна приветливо улыбнулась.

Брюнет, чьи густые волнистые волосы у висков были уже основательно прихвачены сединой, придававшей им пепельно-мглистый оттенок, хитро улыбнулся в ответ. У него были внимательные глаза-буравы серого цвета, изломанные, красивого рисунка брови, правильный длинноватый нос и тонкие губы. Острый, приподнято-закругленный подбородок напоминал восточную туфлю.

— До свидания, — усмешкой Дождь Жуана проводил он Яну.

Она ограничилась слабым кивком.

— Что еще? — недовольно буркнул вошедшему Засурский — Яна услышала эту реплику из неприкрытой двери.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В баре сегодня работала другая девушка. Яна заказала бокал белого вина и орешки. Устроилась у стойки. Потягивая вино, она навела справки о мужчине, с которым столкнулась в дверях кабинета Засурского. Он оказался менеджером казино. Ваксмахер, — «обкатывала» Яна губами эту экзотично звучащую фамилию. Зовут Михаилом Анатольевичем. Яна заказала еще один бокал, болтая со словоохотливой девушкой.

Потом, решив подождать менеджера, пересела за круглый столик, накрытый зеленой скатертью. Она была слегка разочарована неудачной беседой с Засурским. Но если посмотреть с другой стороны, она все же кое-что для себя выяснила. А именно, то немаловажное обстоятельство, что Засурский был Жениным любовником. Поэтому ли он был против серьезных отношений Жени со своим сыном, была ли это ревность, или он просто считал, что Женя недостойна Антона? А сам решил попользоваться девушкой, может, еще и приплачивал. Судя по бурлящей в нем спеси он должен был бы избрать именно такую модель поведения. Женя занимала более низкую ступень на социальной лестнице, и такой загруженный предрассудками субъект никак, ну никак не мог рассматривать ее в качестве равного партнера. Если только Засурским не овладела страсть. Ведь Женя была привлекательной, даже очень привлекательной. К тому же не глупой. Ведь тупость и скудоумие могут навсегда отвратить от человека, какой бы прекрасной ни была его наружность.

Может, Засурский по-настоящему увлекся? Может, это он следил за Женей, ревнуя ее к собственному сыну? Ну, не он персонально, а его люди, например. Женя его не любила, это очевидно. Значит, она пошла на эту связь, руководствуясь исключительно меркантильными или тщеславными соображениями. Или что-то хотела доказать Антону? Или решила поиграть в опасную игру, деля постель между отцом и сыном. Была ли она так извращенно-изощрена, чтобы испытывать радость от стравливания отца и сына? Или это была месть? Или ей просто льстило, что выбор и отца, и сына пал на нее, следовательно, она отвечает вкусам мужчин любого возраста. Или боялась Засурского? Знал ли Антон, что она изменяла ему с его отцом? И что искали у нее в квартире?

Нет, Засурский, по всей видимости, не дорожил Женей. А значит, не испытывал безудержной страсти к ней. Иначе он по-другому бы отреагировал на ее смерть. Или просто он такой эгоист и себялюбец, что

неспособен даже женщину, вызвавшую в нем страсть, рассматривать как некий достойный заботы объект. Ну, убили, ну, заведу другую. Ни тени потрясения, удивления, сожаления. Сплошной гонор! А может, он лелеял надежду, что Женя полюбит его, или уже любит, что его положение и деньги здесь ни при чем, а потом вдруг узнал досадную истину и плюнул на неблагодарную любовницу? И если сам он не причастен к убийству, то все же, возможно, испытывает мстительное удовлетворение, горькое, но все-таки достаточно приятное для человека, чьей сатанинской гордости был нанесен значительный ущерб?

Яна допила вино и вышла на воздух покурить. Она глубоко затянулась, нежась под мягкими лучами солнца. Жарить начнет часам к двум. Яна зевнула, прикрыв рот ладонью и повернулась, чтобы вновь войти в казино. Она уже было сжала в ладони медно поблескивающий шар, заменяющий ручку, как дверь открылась. Яна почувствовала, что не ее усилие, которое только-только начало уплотняться и оформляться, стало причиной этого распаивания. И точно — перед ней как по мановению волшебной палочки выросла знакомая фигура.

— Мы обречены с вами сталкиваться, — услышала она шуточный голос Ваксмахера, выходящего из помещения.

— Да, — улыбнулась Яна, еще не до конца избавившись от того мечтательно-заторможенного состояния, которое вызвало в ней майское тепло и напоенный золотом лучей воздух, — это становится общим местом.

— Вы пришли по делу или развлечься? — вежливо осведомился Ваксмахер.

— Вы видели меня в кабинете Засурского, — насмешливо посмотрела на него Яна, — сами, наверное, догадались. Он вам не сказал, кто я?

— И кто же? — таинственно понизил голос Ваксмахер и рассмеялся.

— Экстрасенс, занимающийся исследованием смерти Жени Галкиной, — на одном дыхании произнесла Яна, неотрывно глядя на Ваксмахера.

— «... и я проник в могилы, Стремясь постичь загробный мир, и много Извлек в те дни я дерзких заключений Из черепов, сухих костей и тлена... Я предался таинственным наукам, Что знали только в древности, и годы Моих трудов и тяжелых испытаний Мне дали власть над духами, И властен я стал, как чародей, как маг...»

Он декламировал зловещим голосом, при этом его серые глаза потемнели, в них зажглось пламя дикого азарта, которое сразу же, как только он замолчал, разбилось об острые края его ироничной усмешки.

Веселые лохмотья этого магического костра, разожженного на поленьях актерского эпатажа, еще сверкали, слетали, осыпались длинными, косматыми бликами на витрину, крыльцо и тротуар, когда он печально выдал из себя:

— Мне бесконечно жаль Женю, она была замечательной девушкой. Не думайте, что я смеюсь, это просто защитная реакция.

— Я понимаю, — Яна была сбита с толку такой подкупающей откровенностью.

И тут в его взгляде, усталом и снисходительном, мелькнуло что-то такое, что заставило Яну усомниться в его искренности. На нее пахло фальшью и кокетством.

— Я бы хотела побеседовать с вами, — Яна кашлянула, прогоняя неприятный осадок, словно у нее першило горло от людского комедианства, — о Жене, о вашем шефе.

— Вам не нравится «Манфред»?

— Мне очень нравится перевод Бунина, — ответила Яна, — ну так как?

— Я не против, если только действительно могу быть вам полезен, — миролюбиво улыбнулся Ваксмахер, — я решил перекусить, не составите компанию?

— С удовольствием, — Яна сочла необходимым улыбнуться. — Но почему вы не обедаете здесь, в казино? У вас же, кажется, неплохой ресторан.

— Знаете ли, — приподнял правое плечо и склонил к нему голову Ваксмахер, — не люблю, чтобы за мной присматривали, — он бросил на Яну выразительный взгляд. — В своем ресторане не расслабишься.

— И где вы предпочитаете обедать?

— Здесь за углом есть милый ресторанчик, — Ваксмахер махнул рукой.

— «Таиланд»? — спросила Яна.

— Да. Любите восточную кухню?

— Очень, — Яна едва поспевала за Ваксмахером, хотя он и шел не ускоряя шаг.

— Рекомендую утку с черными грибами, — мечтательно улыбнулся Ваксмахер, — или свинину. Они как-то там по-своему ее готовят. Хотя ресторан и называется «Таиланд», там подают не только блюда тайской кухни, есть и японское суши, и китайские выкрутасы.

— Когда вы в последний раз видели Женю? — перешла к интересующей ее теме Яна, чем вызвала неудовольствие Ваксмахера.

Но будучи человеком воспитанным, он посчитал за обязанность скрыть свою досаду и разочарование под маской снисходительно внимающего бреда неофитки прославленного служителя культа.

— В воскресенье утром, — беззаботно ответил он.

— А что вы делали в воскресенье вечером?

Ваксмахер вздохнул так, словно этот разговор невероятно тяготит его и более того — оскорбляет его эстетическое чувство. В его глазах читалась тоска.

— Боже, какая проза, — уголки его губ поползли вниз.

— А все-таки? — не отставала Яна.

— Был со своей девушкой, — улыбнулся он через силу, — у нее на даче.

— Она может подтвердить это?

— Если захочет.

— Как ее зовут, где она живет?

— Не думал, — зевнул Ваксмахер, — что экстрасенсы занимаются такой неинтересной ерундой. — Вот мы и пришли.

Он толкнул дверь ресторана. Яна столько раз проходила мимо, но так и не представился случай, чтобы заглянуть сюда. Внутри было тихо и прохладно. Красная драпировка стен, по-восточному расписанные вертикальные панно на стенах и гигантские веера сразу погружали в стародавние времена. Сюда прилетались и те мистические представления, которые при слове «Таиланд» возникают в мозгу романтически настроенного обывателя. Вереницы тайских красоток, заманивающих в притоны, кишачие подозрительными личностями со всех концов света, казалось, чудесным образом развоплотилась в висящие всюду фонарики и бумажные бабочки. Искушающие чары Востока прятались в крохотных букетиках живых цветов, разноцветными островками плывущих сквозь огненно-алые водоросли. На каждом столике, под стеклом была помещена картинка, на которой женщина с раскосым, кукольным лицом, увенчанная высокой пышной прической, держала пальчиками тонкие веточки с едва распустившимися нежно белыми цветами.

— Прошу, — Ваксмахер выдвинул стул, приглашая Яну сесть.

К ним устремился по-европейски одетый юноша. Единственное, что наводило на мысль о его родстве с Таиландом, это смуглость кожи и узкий разрез глаз. Он положил перед ними меню.

— Я думала, здесь более оживленная атмосфера, — Яна обозревала напоенный красным сиянием зал.

— Основная публика подтягивается к вечеру, — Ваксмахер с видом

знатока рассматривал меню. — Что вам заказать?

— Утку, — улыбнулась Яна.

— Хорошо. На закуску рекомендую блинчики с креветками и острым соевым соусом.

Официант с молчаливой восточной грацией склонив голову в знак почтительности вправо, плес выслушал заказ и скрылся.

— Рис, надеюсь, прилагается? — Яна с интересом разглядывала пластиковые палочки в прозрачной упаковке. — Не знаю, смогу ли я этим пользоваться? — она скептически пожала плечами.

— К вашим услугам обычные приборы, — Ваксмахер взял в руки вилку и нож.

— Это успокаивает. Но я все-таки сначала попробую управиться с этим, — она помахала палочками.

На столах стояли опрокинутые вниз фужеры для вина. Розовые, с белой каймой салфетки были красиво свернуты и гордо возвышались на тарелках, напоминая полураскрытые бутоны экзотических цветов.

— Тут не подают рисовую водку? — удивленно приподняла брови Яна.

— Как видите, влияние Востока еще не в полной мере нас затронуло, — мягко и игриво улыбнулся Ваксмахер.

— Итак, давайте вернемся к Жене, — сказала Яна. — Кто та девушка, которая может подтвердить?..

Ваксмахер поморщился.

— Простите, но я не могу ее назвать, — твердо произнес он, — это ее может скомпрометировать.

— Но тогда можно считать... — вздохнула Яна.

— Что вы еще хотели узнать? — нетерпеливо спросил Ваксмахер, которому уже успел наскучить едва начавшийся разговор.

— Расскажите мне о вашей работе, о казино, о ваших отношениях с сотрудниками, — попросила Яна. — Вы ладите с Засурским?

— Ладим, если вместе работаем, — нехотя ответил Ваксмахер, — существуют, конечно, разногласия, но... Бизнес есть бизнес, — закончил он банальной фразой.

— Вы знаете, что Женя и Засурский были любовниками? — Яна вперила в Ваксмахера пытливым взглядом.

— Это он вам сказал? — издал короткий смешок Ваксмахер.

— Нет, но мне известно из достоверных источников. Так да или нет?

— Не знаю, — с насмешливой жалостью посмотрел на Яну Ваксмахер, — я не интересуюсь личной жизнью своего шефа. Это мне

кажется не совсем корректным, да и не интересно мне. И потом у меня нет времени.

— Ну, в ресторан вы нашли время прийти, — возразила Яна, — часто для того, чтобы что-то узнать о личной жизни начальника или коллеги не нужно тратить массу времени и сил, особенно, если его любовник или любовница работают вместе с вами. Достаточно повнимательнее приглядеться. А вы, Михаил Анатольевич, мне кажетесь умным и проникательным человеком.

— Польщен, — довольно улыбнулся Ваксмахер, — только я не приглядывался. Может, что-то и было, а может, и не было. В любом случае, если допустить, что Засурский и Галкина... ну, вы понимаете, — вкрадчиво и намекаяюще понизил он голос до шепота, — то они все так умело скрывали.

— Вы знаете, не могли не знать, — улыбнулась Яна улыбкой школьной учительницы, которой нерадивый ученик вешает лапшу на уши, и которого она видит насквозь, — признайтесь. К чему ложный стыд?

— Не люблю сплетничать, — со вздохом произнес Ваксмахер. — Допустим, они были любовниками, что дальше?

Что-то он не очень разговорчив, — подумала Яна.

Принесли их заказ. Парень с гладким широким лицом выставил с серебряного подноса на стол небольшие продолговатые тарелки с блинчиками, опустив их на плоские тарелки, пиалушки с соусом, наполнил фужеры вином и, пожелав приятного аппетита, удалился.

— Казах или киргиз? — шутливо улыбнулась Яна.

— Что-то вроде этого, — устало прокомментировал Ваксмахер, — ну, берите палочки. Надо есть вот так, — он ловко высвободил палочки из упаковки и начал орудовать ими.

Ваксмахер быстро подцепил блинчик, макнул в соус, надкусил и сощурил глаза от удовольствия. Пока он проделывал эту приятную процедуру, Яна достала незаметно из сумки, которую держала на коленях, под столом, карты. Она снова выбрала «Внушение».

Хотела разговорить собеседника. Она чувствовала, что никак не может пробить броню, выставленную этим загадочным типом.

— Чем вы там занимаетесь, — заинтересовался Ваксмахаер, — колдуете?

— Экстрасенсы колдовством не занимаются, — усмехнулась Яна, найдя нужную карту.

Она спрятала колоду в сумочку и, положив карту на колено, направила взгляд в невидимую точку, расположенную меж глаз Михаила

Анатольевича. Она видела, что плечи собеседника расслабились, руки застыли на столе, но палочки он продолжал держать. Яна решила, что карта начала действовать, но сделала еще одно небольшое усилие, чтобы окончательно привести Ваксмахера в нужное состояние. После этого задала ему самый элементарный вопрос:

— Вы давно работаете в «Большой игре»? — спросила она мягким вкрадчивым голосом, продолжая смотреть в выбранную точку на лице Михаила Анатольевича.

— Второй год, — почти не задумываясь ответил Ваксмахер.

Яна решила, что все в порядке — карта «заработала», но на втором вопросе произошла осечка.

— Когда вы узнали, что Галкина и Засурский любовники? — спросила она, но Ваксмахер, вместо того чтобы ответить, принялся водить головой из стороны в сторону.

«Отвечай, — внушала ему Милославская, — когда ты узнал об этом?»

Но он лишь рассеянно моргал. Когда она задала этот вопрос в третий раз, Ваксмахер откинулся на спинку стула и выронил из рук палочки. Приказав ему оставаться в таком положении, Яна попыталась усилить действие гипноза. «Если сейчас не получится, — подумала она, — придется оставить эту затею».

Милославская уже не один раз с большим или меньшим успехом проверяла действие этой карты, но такое явное сопротивление встречала впервые. Она знала, что разные люди по-разному поддаются внушению. Это зависело от многих причин: от психологического состояния обоих участников этого действия, например, от желания «клиента» идти на контакт, да мало ли еще от каких причин. Теперь ей в лице Михаила Анатольевича попался человек, которого просто так, с наскока не возьмешь. Возможно, он даже знает, что на него пытаются воздействовать. «Жаль, — подумала она, — второго раза может и не представиться». Но, тем не менее, Яна ослабила силу взгляда и плавным движением убрала карту в сумочку. «Раз человек, пусть даже и подсознательно, оказывает такое упорное сопротивление, — сделала Яна вывод, — значит, ему есть что скрывать». Оставалось надеяться, что позже она воспользуется помощью других карт, чтобы как-то раскрыть личность Ваксмахера, а пока действовать обычными способами.

— Михаил Анатольевич, — Яна слегка повысила голос, чтобы Ваксмахер услышал ее.

— Вы о чем-то меня спрашивали? — он очнулся и приложил ладонь ко лбу. — Кажется, я немного устал сегодня.

— Думаю, что расспрашивать вас о чем бы то ни было — бесполезно, — улыбнулась Яна, — вы не ответили ни на один из моих вопросов.

— Не может быть, — Ваксмахер снова ухватился за палочки, как за спасительную соломинку, и принялся сосредоточенно жевать блинчик, не забыв обмакнуть его перед этим в соус.

— Вы что-то скрываете, это очевидно, — Яна тоже продолжила обед, — только вам все равно придется обо всем рассказать, если не мне, то милиции.

— Не смешите меня, Яна Борисовна, — Ваксмахер налил себе и Яне сок из кувшина и поставил его на стол, — и не нужно играть в сыщиков и воров. Я, ей-богу, готов отвечать на ваши вопросы, если они не касаются моей личной жизни. Неужели вы не можете понять, что не каждый человек готов вывернуться перед своим ближним наизнанку. Женя была неплохой девушкой, по моему мнению, даже, может быть, одной из лучших, которые работали в нашем казино. Мне очень жаль, поверьте, что она погибла, но я не верю, что сыщик-любитель, извините за прямоту, может раскрыть это преступление.

— За прямоту, как вы выразились, спасибо, — кивнула Милославская, которая не особенно прониклась «откровением» Ваксмахера. — Так вы, наверно, считаете, что раскрывать преступления — дело милиции?

— Милиции, прокуратуры, даже частных детективов, если хотите, но профессионалов, — многозначительно улыбнулся Михаил Анатольевич, отправляя в рот очередной кусочек блинчика, не забыв обмакнуть его в соевый соус, — а никак не дамочек, пускай даже и симпатичных, да к тому же еще и экстрасенсов. Еще раз прошу прощения.

— Не за что, — Милославская пожалала плечами, — только ведь вам все равно предстоит ответить на эти вопросы, когда их будет задавать следователь.

— Пусть задают, — согласился Ваксмахер, — мне бояться нечего, я никого не убивал.

— Об этом речь не идет, — попыталась раскрутить его Милославская, — но вы хоть можете сказать, где вы были в момент убийства Жени Галкиной?

— Старый ментовский прием, — усмехнулся Ваксмахер. — Я не знаю, когда ее убили.

— В воскресенье вечером.

— Я же, кажется, уже говорил. В это воскресенье, я как всегда, был на работе, примерно с двенадцати часов дня, — спокойно ответил

Ваксмахер, — освободился часам к десяти вечера и отправился на дачу со своей подругой.

— Вы все время работаете по воскресеньям?

— Да, — кивнул Михаил Анатольевич, — это один из самых сумасшедших дней. Обычно я отдыхаю по понедельникам.

— Вы знаете Антона Засурского?

— Я с ним знаком, — Ваксмахер выпятил губы. — Он иногда заходит в казино.

— Что он за человек?

— Я не настолько близко с ним знаком, чтобы судить о его характере, — снова ушел он от ответа.

— Но вы знали, что он и Женя были близкими друзьями?

— Знал, — кивнул Михаил Анатольевич. — Этого трудно было не заметить — Антон заезжал за Галкиной на работу.

Пока они разговаривали, официант убрал грязную посуду и подал две порции утки.

— В воскресенье Женя отпросилась с работы, — Милославская продолжала почти бесполезные попытки выудить что-то у Ваксмахера. — С этой просьбой она обращалась к вам?

— Ко мне.

— Как она это объяснила?

— Сказала, что у нее какая-то важная встреча.

— С кем?

— Понятия не имею, — Ваксмахер осторожно брал кусочки утки палочками и отправлял себе в рот. — Сказала только, что свое время отработает в другой раз.

— В какое время она ушла?

— Думаю, часа в четыре.

— Антон в этот день не встречал ее?

— Я его не видел.

— Что вы сделали, когда Женя на следующий день не вышла на работу?

— А что я могу сделать? — усмехнулся Ваксмахер. — Позвонил ей домой, но телефон не отвечал. Я поручил ее обязанности другому крупье, вот и все.

— Последний вопрос, Михаил Анатольевич, — Яна подняла глаза на Ваксмахера. — Как мне найти Антона Засурского?

— Он живет с отцом, — Ваксмахер допил сок и поставил бокал на стол, — на углу Советской и Чапаева в новом элитном доме. Пятнадцатая

квартира. Если пойдете прямо сейчас, возможно, что вы его еще застанете.

— Вы знаете его расписание дня? — спросила Яна с улыбкой, так как поняла, что невольно «расколола» Ваксмахера. Во всяком случае, ей так показалось.

— Он как-то обмолвился, что спит почти до обеда, — выкрутился Михаил Анатольевич и подозвал официанта. — Счет, пожалуйста.

— Мне посчитайте отдельно, — предупредила Милославская официанта, но Ваксмахер не позволил ей платить и сделал это сам.

— Это ведь я вас пригласил, — улыбнулся он, — и потом, с вами было очень приятно побеседовать.

Яна сдержанно улыбнулась в ответ.

— Заходите к нам в казино, — совсем по-приятельски предложил ей Ваксмахер. — Может быть, вам улыбнется удача.

— Не бойтесь, что я вас разорю? — пошутила Милославская.

— Буду этому только рад, — Ваксмахер даже поцеловал на прощанье ей руку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

До дома Засурского Яна добралась пешком за двадцать минут. С виду это был ничем не примечательный девятиэтажный дом, стоявший в глубине двора. Уже потом, войдя внутрь, Яна поняла, что все квартиры в нем, кроме располагавшихся на первом этаже, были в двух уровнях. Внутренняя отделка подъездов поражала своим великолепием. Кроме того, каждая лестничная площадка, напоминая своими размерами скорее футбольное поле, была застелена коврами. Возле входных дверей стояли кадки с пальмами, журчали фонтанчики с подсветкой, придавая помещениям вид тропических отелей.

Внизу же Яну встретила металлическая дверь с электронным замком, отпиравшимся из квартиры. Ни ручки, ни замочной скважины, в которую можно было бы вставить ключ и открыть дверь, Яна не увидела. Она набрала на сенсорной панели номер пятнадцать, и замок отозвался мелодичными переливами.

— Кто это? — раздался молодой мужской голос, когда в квартире сняли трубку.

Яна назвала свои фамилию, имя и отчество.

— Сделайте шаг назад, — попросили в микрофон. — Я вас плохо вижу.

Милославская подчинилась и, подняв глаза, заметила красный огонек, горевший рядом с глазком видеокамеры. «Техника на грани фантастики, — подумала она. — Где я, на Манхэттане или в Беверли Хилз? Неужели у нас тоже такое бывает?»

— Я вас не знаю, — перебил ее мысли электронный голос. — Что вам нужно?

— Вы Антон, — решительно произнесла Милославская. — Я была знакома с вашей подружкой — Женей Галкиной.

Повисла пауза, грозившая затянуться надолго. Яна решила, что абонент отключился, и собиралась повторить попытку, но голос Антона вновь появился.

— Заходите, — в замке что-то почти неслышно щелкнуло и дверь медленно распахнулась перед Яной, — в лифте нажмите кнопку с цифрой три.

«Выйти отсюда, может быть, так же непросто, как и войти», — подумала Яна, когда сделала несколько шагов по мягкому ковру, и дверь за

ней бесшумно закрылась.

В отделанном красным деревом лифте она поднялась на третий этаж, все же не забыв внимательно осмотреть свое отражение в огромном тонированном зеркале. Она провела рукой по своим блестящим черным волосам и помадой слегка подправила губы, успев спрятать ее в сумочку до того, как откроются двери.

На лестничной площадке было всего две двери с противоположных сторон, и Яна в нерешительности остановилась посреди холла, не зная, куда направиться. В этот момент распахнулась дверь справа, и на пороге появился высокий худощавый парень в оранжево-коричневом махровом халате до колен и шлепанцах на босу ногу. В одной руке он держал зажженную сигарету, а второй провел по темным взлохмаченным волосам, выдавая тем самым некоторую растерянность. У парня было вытянутое лицо, которое еще больше визуально удлинляли тонкие ухоженные бакенбарды, острый прямой нос и большие, глаза, по-итальянски жгучий взгляд которых заставил ее вспомнить о колоритной характеристике Браницкого, данной последним Антону. «Итальянский мафиози», — сказал он. Антон внимательно смотрел на Милославскую.

— Привет, — улыбнулась Яна.

— Привет, — Антон слегка растянул в улыбке тонкие, хорошо очерченные губы. Не такие узкие, как у отца. Потом пригладил чуть заметные усики.

Он еще раз поправил волосы, стильными сосульками спадавшие до самых глаз и пригласил Яну войти.

— Спасибо, — Яна шагнула через порог и оказалась в огромном, ярко освещенном холле, в который выходило несколько дверей.

Пока Антон закрывал замки и задвижки стальной двери, скорее походившей на дверь сейфа, Яна, остановившись посередине, успела осмотреться. Интерьер холла был выдержан в минималистском стиле нуворишей, предпочитающих отдых на Карибах всем остальным развлечениям. Здесь все было дорого, стильно и безо всяких лишних деталей. Небольшая гравюра на стене напротив высокого в полный рост зеркала и кованая винтовая лестница с изящными завитками, ведущая на второй этаж, только подчеркивали сдержанную изысканность обстановки.

— Антоша, кто там? — одна из дверей приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась голова, принадлежащая, насколько смогла определить Милославская, блондинке лет тридцати.

— Здравствуйте, — увидев Милославскую, блондинка ничуть не смутилась.

— Геля, это ко мне, я же сказал, — недовольно поморщился Антон, стряхивая пепел с сигареты прямо на кремовый ковер.

Запахнув тонкий шелковый халатик с драконами, Геля вышла в холл и, оценивая поспе посмотрев на Яну, снова скрылась за дверью.

Притворив дверь за блондинкой, Антон вошел в соседнюю комнату и устроился в большом кожаном кресле, закинув ногу на ногу. Не дождавсь приглашения, Яна пошла за ним и села в такое же кресло, стоявшее немного поодаль.

— Хотите чего-нибудь выпить? — неожиданно предложил Антон.

— Если можно, минералки, — попросила Яна.

— Как хотите, а я чего-нибудь покрепче, — он поднялся, подошел к бару, насыпал в два широких стакана по горсти колотого льда и наполнил один стакан виски из большой квадратной бутылки.

В другой стакан Антон налил «Перье» и, поставив на сервировочный столик, подкатил его к Янину креслу. Со стаканом в руке, он опустился в свое кресло, подогнув одну ногу под себя.

— Вы знали Женю, если я вас правильно понял? — он сделал большой глоток, слегка запрокинул голову, и прикрыл глаза.

— Она сама ко мне приходила, за несколько дней до своей смерти, — Яна с удовольствием выпила полстакана воды, продолжая держать его в руках, — с вами она не делилась своими проблемами?

— Смотря что вы имеете в виду, — Антон внимательно посмотрел на Милославскую и она поняла, что и с этим человеком будет разговаривать так же нелегко, как и с Ваксмахером.

«Вот черт, — ругнулась она про себя, — повезло мне с этими ребятами».

— Я имею в виду, — она решила говорить откровенно, — что за ней кто-то следил последние несколько дней.

— И кто же?

— Это я и собираюсь выяснить, может быть, с вашей помощью. Вам ведь не безразлично, что вашу невесту убили?

— Я бы хотел, чтобы ее убийца был наказан, — твердо произнес Антон и выпил еще виски, — но не понимаю, каким образом вы можете в этом помочь?

— Дело в том, Антон, что я обладаю некими способностями, которые помогают мне в расследовании преступлений, — пояснила Милославская. Если вам это интересно, могу сказать, — добавила она, — что уже раскрыла несколько убийств.

— Очень интересно, — произнес Антон безразличным тоном, — но от

меня-то вы что хотите?

— Я не всемогуща, мне нужна ваша помощь, — честно призналась Милославская. — Но если вы не хотите мне помогать, я могу уйти.

Она сделала вид, что собирается встать, но Антон остановил ее.

— Погодите, — поднял он руку. — Я сделаю все, что в моих силах.

— Отлично, — Яна закурила. — Мне удалось узнать, что в тот день Жене кто-то позвонил, и она ушла с работы примерно в четыре часа. Вы не знаете, кто это мог быть?

Ничего не ответив, Антон поднялся и быстро подойдя к двери, распахнул ее. За ней оказалась Геля.

— Прошу прощения, если помешала вам, — она протиснулась в гостиную мимо Антона и направилась к бару, — но у меня там кончилась вода.

Забрав бутылку «Перье», она ни слова больше не говоря, снова вышла за дверь.

— Это я звонил Жене, — Антон закрыл за ней дверь и опять устроился в кресле.

— Вы должны были с ней встретиться?

— Да, только позже, в шесть вечера, я пригласил ее в театр, — ответил Антон. — Не понимаю, почему она ушла раньше.

— Может быть, захотела переодеться? — предположила Яна.

— Теперь уже мы об этом никогда не узнаем, — вздохнул Засурский-младший.

— Где вы должны были встретиться с Женей?

— В «Мадриде» — Антон сделал еще глоток, поставил стакан на подлокотник и махнул рукой куда-то в сторону. — Это небольшое кафе неподалеку отсюда.

— Вас там знают?

— Меня? — усмехнулся Антон. — Конечно. И даже могут подтвердить, что я там был с трех и почти до семи часов вечера. Я же понимаю, — добавил он, — что вы имеете в виду, есть ли у меня алиби. Ведь это так называется?

— И кто это может подтвердить? — Яна проигнорировала его вопрос.

— Бармен Рустам, — Антон покрутил в стакане лед с остатками виски и опрокинул его в рот. — Я сидел прямо напротив его стойки.

— Вы знали об отношениях Жени и вашего отца? — неожиданно спросила Милославская.

— Я не хочу обсуждать эту тему, — после недолгого молчания ответил Засурский.

— Значит, знали, — с печалью в голосе сказала Яна. — И как вы к этому относились?

— Не собираюсь обсуждать эту тему, — повысил голос Антон. — Если у вас больше нет вопросов, тогда прощайте.

Он поднялся и подошел к двери. Яна тоже встала. Она остановилась почти вплотную к Антону и, глядя на него снизу вверх, потому что он был на полголовы выше, сказала:

— Вы могли убить ее и не сами, поэтому и устроили себе отличное алиби. А мотив у вас был очень сильный — ревность, разве не так?

— Не так, — глядя на нее с нескрываемой неприязнью, ответил Антон. — До свидания.

— Кстати, — Милославская вышла в холл, — эта занятная блондинка, Геля... Кажется, она ваша сестра?

— Ангелина моя мачеха, — Антон принялся возиться с замками, — а сестра сейчас на работе.

— И вы живете с мачехой под одной крышей, как я понимаю?

— Идите к черту, — сквозь зубы процедил Антон и его растянувшиеся губы стали почти такими же тонкими, как у отца.

Он захлопнул за Яной дверь, и она осталась стоять под пальмой, поглядывая на бегущую в фонтане воду, которая переливалась всеми цветами радуги, благодаря специальной подсветке.

Очень интересная ситуация, — думала она, замороженно глядя на мерцающую воду, — значит, у Засурского молодая жена и еще любовница, которую он делил со своим сыном. Сынок, без сомнения, знал о папиных шашнях. Веселая семейка!

Придя домой, Яна решила немного отдохнуть. Ей нужно было восстановить силы. Приняв ванну и выпив кофе, она растянулась с сигаретой на диване. Джемма лежала у ее ног. Сон все не шел — мешали мысли. Она закрыла глаза и попробовала расслабить тело — мышцу за мышцей. Есть у йогов такое упражнение, называется «труп». Яна пыталась проделать его равномерно и тщательно. В итоге ей удалось задремать.

Когда она проснулась, стрелки на часах показывали без четверти семь. Она протерла глаза, зевнула. Джемма радостно завиляла обрубок хвоста. Яна снова сварила себе кофе и устроилась с картами на диване. Она попробовала поработать с «Джокером».

Смежила веки и положила ладонь на карту. Тьму, омывавшую ее зрачки, вскоре наполнили слабые вибрации. Вначале Яна ощущала ее так, как ощущают запах, потом увидела тонкие, извивающиеся полоски лазури. Пульсация усилилась. Полоски растекались, превращаясь постепенно в

голубое светящееся озеро. Потом вдруг озеро приняло вполне четкие границы, застыло, словно внутри него возникла твердая основа. Это уже не была вода или какая-то жидкость, или рассеянный свет. Свечение не исчезало и на нем стали проступать быстро бегущие белые загогулины. Вначале Яна не могла разобрать их: они прыгали, сливались, разбрызгивались, вновь устремлялись навстречу друг другу, наслаивались друг на друга. Затем магические знаки стали приобретать более ясные контуры, выпрямляться, выстраиваться в ряды, и Яна поняла, что это цифры. Теперь они, по-прежнемудвигающиеся в ускоренном темпе, напоминали построенные к бою войска. Взгляд Яны скользил вниз-вверх и повсюду были эти стройные подвижные колонны. Ровная лазурь под ними чуть заметно дрожала, ее все еще наполняла странная дрожь. Яна даже слышала приглушенное жужжание. Она попыталась сосредоточиться на одном ряде цифр, но они поплыли у нее перед глазами, смазанные невесть откуда появившейся влагой. Яна почувствовала под веками слезы, вызванные тем, поняла что она слишком пристально «глядела» на цифры. Нестерпимая резь в глазах походила на сильный ожог. Будучи больше не в состоянии «смотреть», Яна распахнула глаза. Слезы мигмом исчезли, выпитые мягким дневным светом, робко проникавшим сквозь занавески и населявшем комнату тусклым чародейством майского вечера.

Телефонная трель окончательно вывела Яну из забытья. Звонил Руденко, интересовался что новенького. Яна не стала рассказывать ему о цифрах, для него это была чистой воды тарабарщина. Для нее самой цифры представляли загадку — зачем еще нагружать «чудесами» мозг Руденко! Яна лишь вкратце рассказала лейтенанту о своих визитах в казино и к Антону. Руденко прореагировал довольно вяло, сказав напоследок в своей комично-серьезной манере, что дело запутанное. Яна и без него понимала, что дело непростое, что здесь намешано всего помаленьку и что единственное, что может помочь — это прояснение отношений между людьми, с которыми она уже успела пообщаться и с которыми ей еще придется разговаривать и встречаться. Думая так, Яна повесила трубку со смешанным чувством признательности и нелепости. Да, она была благодарна Руденко, он в меру своих возможностей и разумения заботился о ней, но часто эта забота раздражала ее, ибо лейтенант придавал ей статус ответственной, квазигосударственной миссии и был нестерпимо навязчив и серьезен.

Яна отхлебнула из чашки и, выбрав карту «Взгляд в будущее», накрыла ее ладонью и опустила веки.

Эта карта, собственноручно изготовленная Яной, как впрочем и все

остальные, не была безупречной в силу того, что уголок глянцевого картонного прямоугольника был обуглен. Сама Яна, когда бывала в хорошем настроении, уподобляла мысленно эту карту псу с одним ухом. Обгоревший угол осыпался и это стало причиной различных сюрпризов, а также того, что картина будущего, возникавшая в результате манипуляций с картой, получалась смазанной, половинчатой, а то и вовсе хаотичной. Все зависело от конкретного случая. С этой картой возникала и другая проблема. Яна называла ее «быстро мотает». Видение напоминало киноленту, которая то скользила перед Яниным взором с молниеносной скоростью, не позволяя ничего рассмотреть, то на мгновение застывала, и тогда Яна могла различить на ней прихотливый узор будущего. Порой она видела будущее расплывчато, аллегорически и символически, что в свою очередь ставило задачу интерпретации. Но зачастую она видела фрагмент, выпадающий как бы из канвы готовящихся событий, но видела его так отчетливо, так ясно и по-житейски конкретно, что это позволяло, как говорится, оказаться в нужном месте в нужное время или благодаря ничтожной детали, явленной в момент предвидения, повернуть ход развития ситуации. Порой это помогало спастись ей самой или спасти кого-то еще.

Лента шуршала и летела перед Яниными глазами, едва касаясь их острым краем, пока не замерла. Вначале Яна не могла различить ничего, кроме темных и бронзовых кругов, которые мерцали и разбегались. Вслед одним устремлялись другие, пока из этого центробежного движения не родилось некое сумрачное пространство, по которому осторожно шарили танцующие блики. Один из таких бликов упал на лицо... Антона. Яна узнала Засурского-младшего и это ее совсем не удивило. Бледность кожи скрадывалась вечерним освещением. Она заметила, что его губы улыбаются, время от времени складываются в горькую усмешку. Напротив него сидел Ваксмахер. Он был оживлен, хотя не было понятно: какого рода это оживление, нервное или приятное, связанное с интересной беседой или поглощенным вином. Бутылка вина темно-рубиновой башней плыла в огненно-розовых сумерках, возвышаясь над накрытым столом. Все как-то медленно кружилось. Затянутая в русло это движения, Яна хотела оказаться позади Антона, чтобы рассмотреть сидящего рядом с Ваксмахером мужчину. Она чувствовала, что он ей не знаком. Она скользила подобно бликам, но ей никак не удавалось перейти грань, за которой она смогла бы увидеть лицо незнакомца.

Заинтригованная открывшимся ей зрелищем и раздосадованная этой непреодолимой преградой, Яна вдруг посмотрела наверх, туда, где на

стене, поблескивая сапфировым циферблатом и золотыми стрелками, висели часы. Она ясно различила, что толстая маленькая стрелка застыла на латинской цифре десять, чуть сместившись вправо, а тонкая и длинная — на цифре три. Под часами располагалась стойка бара. Яна увидела бармена, парня в черном, расшитом красными узорами болеро. Он наливал в фужер бледно-лимонную жидкость, стараясь непринужденной улыбкой выказать кому-то, стоящему к Яне спиной, свою гостеприимную благожелательность. Это была женщина внушительной комплекции. Яна снова захотела взглянуть на того, кто сидел за одним столом с Антоном и Михаилом Анатольевичем. Но не могла, их силуэты расплылись, став частью сумеречного фона.

Когда Яна открыла глаза, сердце ее билось в груди с пугающей частотой. Так, значит это кафе или ресторан. Время — десять пятнадцать. Что же это за заведение? Яна улыбнулась. Ну, конечно! Бармен в куртке-болеро... Это «Мадрид». И Антон говорил об этом кафе!

* * *

Когда стрелки часов показывали девять, Яна стала собираться. Она надела бежевый костюм с юбкой, на голову — парик, сделала заново макияж и, приказав Джемме сторожить дом, вышла на улицу. Она гнала от себя любые мысли, стараясь сохранить чистоту сознания. Просто рассеянно наблюдала из окна маршрутного такси за бегущим пейзажем. Теперь она была шатенкой со средней длины волосами, и этот невинный маскарад доставлял ей некоторое удовольствие. На лбу ее смешно, как казалось ей самой, колыхалась густая ровная челка. Яна покрасила губы бледно-абрикосовой помадой, подвела глаза так, чтобы скрыть их обычный контур, в общем, сделала все, чтобы изменить свою внешность. Таящаяся в этом банальном, в принципе, изменении наружности толика предательства и провокации заставляла Яну морщить нос — она чувствовала знакомую щекотку на переносице. Ей на миг почудилось, что она маленькая девочка и прячется не за челкой, а за диваном в ожидании ищущей ее по всему дому бабушки, и все ее тело приятно покалывает от предвосхищения встречи с ней, от того радостного испуга и удивления, которые та обязательно проявит, как только внучка вылезет из своего укрытия.

* * *

Разбуженный весной город принарядился и зазеленел. Толпы людей устремлялись в центр гулять по проспекту, поесть мороженое, пить пиво, заводить знакомства, сидеть подолгу на террасах открытых кафе, нарушать общественный порядок или тихонечко сплетничать, расположившись на свежесоставленных неухоженных лавках. Урчали джипы, шуршали «мерседесы» и «опели», унося хозяев к чудесным волжским берегам, к пикникам-шашлыкам и не обремененным строгой моралью девушкам, готовым, подобно цветам, раскрыться навстречу случайной улыбке, приглашению отобедать или скромной купюре. Эта столикая чехарда, обмен оценивающими взглядами, насмешливыми или завлекающими улыбками действовал на Яну не возбуждающе, а усыпляюще. Она зевала, недоумевая по поводу напавшей на нее сонливости. Вот не вовремя-то!

Не спасала и щекотка, ускользнувшая, как и воспоминание о прятках. Яна заплатила за проезд и вышла. Она шла по говорливым улицам, мимо тусклых витрин бутиков — освещения еще не было, банков и кафе, пока на одной из вывесок на противоположной стороне дороги не заметила синих букв: «Мадрид». Рядом, кое-как притулившись на обочине, замерли в ожидании владельцев иномарки, «девятки» и «стодесятые».

Яна вошла в кафе, вспугнув мелодичный колокольчик. Ее сразу окутал лучащийся огнями, пьяными улыбками и возбужденными взглядами полумрак. Справа, за стойкой стоял бармен, русоволосый парень с широкоскулой, истинно русской физиономией, но в изящной курточке-болеро, расшитой красной узорчатой тесьмой. Тот самый, которого Яна «видела». Она невольно вздрогнула — ее видения не успели ей, что называется, прискучить. Они по-прежнему будили в ней интерес и некоторое даже благоговение. Ибо она считала себя лишь проводником энергии, эманлирующей из некой высшей сущности.

Пройдя вдоль барной стойки, Милославская «определила» столик, за которым в ее видении сидели Антон, Ваксмахер и незнакомец и устроилась за соседним столиком. «Тот» стол был занят другими людьми — румяная блондинка лет двадцати пяти о чем-то мило беседовала со своим спутником, лица которого Яна видеть не могла, так как он сидел к ней спиной. Время подходило уже к десяти, так что Яна начала уже волноваться, не обманула ли ее карта. Возможно, это был не этот день, а следующий, а может, и еще более поздний или ранний, смотря с какой стороны считать. Как бы то ни было, Яна решила подождать намеченного часа и, обратившись к подошедшему «тореро», на котором было такое же как и у бармена болеро, заказала порцию камбалы с виноградом и сухое белое вино.

Время шло, а те, кого поджидала Яна, не показывались. Милославская проглотила ужин — она была голодна, а Антон с Ваксмахером так и не появились. Яна просидела до закрытия ресторана и, разочарованная, покинула его. Поймала машину и вернулась домой. Сразу же завалилась спать. Она чувствовала себя жутко усталой.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Утром ее разбудила телефонная трель. Надоедливая донельзя, она заставила Яну протянуть руку и взять трубку. Звонил Руденко. Он был разочарован Яниным молчанием. Яна в свою очередь поинтересовалась, как идет следствие. Руденко бубнил какой-то вздор, что, мол, есть кое-какие сдвиги, намечается определенный прогресс и тому подобное, и Яна поняла, что ничего у него не выходит. Наконец она сжалилась и сообщила ему, что стало ей известно. А что, собственно, было ей известно? Засурский теперь был ее основным подозреваемым. Он предлагал денег, чтобы Яна бросила все к чертям. Эта информация не оставила Руденко равнодушным.

— Ты бы по своим каналам навел о нем справки, — намекнула Яна.

— Об этом не беспокойся, — немного приободренный, ответил лейтенант. — Ты — молодец!

— Да я не при чем, — Янина улыбка переросла в бесконечный зевок, — он сам мне позвонил, назначил встречу. Ясно одно, Сеня, девушку убили из-за того, что у нее оказался некий предмет, которым Засурский страшно дорожил. Если только здесь не замешана ревность.

— Ревность? — удивленно спросил Руденко.

— Видишь ли, Сеня, Засурские, и папа, и сын, спали с Женей.

— Ничего себе раскладец! — воскликнул тот.

Этим словом Руденко именовал нечто такое, что будило в нем интерес, нечто диковинное, что вот-вот должно было упасть к нему в руки и что доказывало сложность человеческой жизни. Но был еще один оттенок у этого слова. Оно выражало его восторженное недоумение и крепчающую с каждой минутой надежду овладеть таинством бытия, ибо если такой, простой, безо всяких умных заскоков парень, каким был, в сущности, Руденко, может так близко подобраться к великой разгадке, то, значит, жизнь не настолько запутана, трудна для понимания, увертлива, какой ее предсталиают разные там интеллигенты, а следовательно, есть повод для оптимизма.

— Откуда ж ты все это узнала? — смеялся он.

— Все оттуда, Сеня, оттуда, — многозначительно сказала Милославская.

— Работают, сферы-то, — с мечтательно-благоговеющей нотой в голосе произнес Руденко, чем вызвал искреннее удивление у Яны.

Обычно, когда Руденко говорил о сферах, как он называл Янины

видения, проскальзывала слабо завуалированная насмешка. Часто Руденко позволял себя открыто насмехаться над «чудесами». Правда, все его шуточки тут же сходили на нет, когда эти самые «чудеса» подтверждались на практике и более того, выводили запутанное следствие на прямую, светлую дорогу, ведущую к окончательному разоблачению преступника.

— Ну, я этим займусь, — деловито и грозно пообещал напоследок Руденко.

Яна опустила трубку на рычаг и не смогла удержаться от смеха — Руденко, когда не злил и не раздражал, всегда забавлял ее. Яна сварила кофе, накормила Джемму и взялась за гадание. Что-то сегодня ей скажут карты? Она снова выбрала «Взгляд в будущее», потому что ее страшно интриговало вчерашнее видение и она хотела максимально приблизиться к его воплощению, хотела поподробнее рассмотреть интерьер кафе, где должны были встретиться Ваксмахер, Антон и некий третий. Может, ей повезет, и она увидит лицо последнего? Яна накрыла ладонью карту и, смежив веки, откинулась на диванные подушки. Ей пришлось сидеть в такой полурасслабленной позе несколько минут, прежде чем она почувствовала привычное тепло под рукой. Это означало, что пора переходить к максимальной концентрации внутренних сил на поставленной задаче.

Тепло нарастало и когда руку стало жечь, перед глазами Яны за клубились мглистые сумерки. Она увидела задернутый пологом сизых облаков небосвод, крыши домов, влажно мерцающие под морозящим дождиком, черный тротуар, редких прохожих. Это были пасмурные сумерки. Ветер раскачивал кроны деревьев. Только их яркая, омытая дождем листва могла сказать, что сейчас не осень, а весна. Яна спускалась, как на парашюте. У нее было даже такое чувство, что она не узнает город и его обитателей, на миг она представила себя вынужденной космической переселенкой. Летающая тарелка потерпела крушение, но ей удалось спастись и вот она, чужая земле, на которую опускается, пробует настроить свои чувства, свои зрение и слух на восприятие незнакомой реальности. Это вольтижирование, томительно медленное в силу того, что другой, живущей здесь и сейчас Яне, не терпелось выяснить для себя некоторые конкретные вещи, грозило затянуться на неопределенно долгое время, не принеся чаемой разгадки.

Сумерки стали быстро густеть, так, что Яна уже с трудом различала земной пейзаж. Люди вообще исчезли. Теперь это была ночь, хмурая, сырая, враждебная. И тут Яна увидела себя, словно ее единое «я» распалось, рассеялось, стало множественным, раскололась на десятки

других «я». И вот один из таких осколков, воплощавший Яну земную, обычную, блуждал в потемках, ничего не зная о том, что там, в небе, мерцая, подобно одинокой звезде, парила некая тень, наблюдающая за его движением.

Земная Яна вышла из казино «Большая игра» и изумленно застыла. Ошеломленная, она стояла и смотрела на белую машину. Полная тревожного предчувствия, Яна шагнула и присела, стараясь рассмотреть номер. Она уже как бы знала, что он, номер, совпадет с тем, что был написан на обороте визитки Жени Галкиной. Так и есть! Вернуться или... У Яны перехватило дыхание, она заметалась, открыла глаза. Видение тут же исчезло. Яна вскочила с дивана, подбежала к окну — день был пасмурным. Так, — лихорадочно работали ее мысли, — значит, сегодня!

От этой уверенности сердце в ее груди подскочило так, что едва не вылетело через рот. Во сколько же ей надо пойти в казино? Вечером — это понятно. Чтобы успокоиться, Яна сделала несколько специальных упражнений, после чего отправилась в ванную. Сделав температуру воды примерно равной температуре тела, она наполнила ванну, разделась и опустилась в нее, словно в невесомость. Почти никаких ощущений! Если бы ни стенки этого чугунного корыта, могло бы показаться, что тела у нее вообще не существует, а есть только мозг — средоточие мысли. Иногда такое «плавание» в невесомости помогало Милославской решить какую-то важную проблему или сосредоточиться на поставленной задаче. Сегодня она просто парила, позволяя мыслям перетекать одна в другую, не пытаясь остановить ни одну из них.

Около девяти она вышла из дома. Поймала машину и уже через двадцать минут была у казино. К ее удивлению, никакой белой машины рядом с ним не стояло. Зато демонстрируя богатство и могущество посетителей «Большой игры», всюду сверкали полировкой иномарки, от «мерседеса» до «крайслера» и «доджа». Яна подождала минут пятнадцать, провожая взглядом входящих и выходящих людей. Беспокойно переминаясь с ноги на ногу, она испытывала одновременно досаду и облегчение. Может, это тоже должно случиться не сегодня? Само то обстоятельство, что она «увидела» белую машину, из которой следили за Галкиной, у казино, было знаком того, что она на правильном пути и найдена та ниточка, которая способна привести к разгадке. Кто ездил на этой машине? Ах да, некий налоговый полицейский...

Яна постояла еще немного и вошла. На этот раз казино изобиловало публикой. Залы плыли в золотистом свете и мерном жужжании. Голоса крупье раздавались с отчетливостью колокольного перезвона. Перед Яной

функционировала странная машина, механизмами которой служили желание обогащение и продуманная технология отбирания денег у клиентов. Научная фантастика, — определила для себя жанр этого заведения Яна. Она миновала игральные зал номер один, протиснулась к бару. Отсюда была видна уходящая под арку часть другого зала. Она рассеянно следила за лицами склонившихся над столом игроков. На них, этих озаренных белесоватым освещением лицах, читались самые разнообразные эмоции. От тревоги и отчаяния до сытого спокойствия и космического безразличия. Рядом с погруженным в хищное созерцание вращающегося шарика мужчиной, чьи короткие, тронутые сединой волосы казались почти белыми от падавшего на них зеленоватого света, замерла длинноволосая брюнетка с восточным разрезом глаз и родинкой на щеке. На ней было декольтированное платье из тонкого трикотажа. Черное, с капроновыми вставками, оно очень шло ей, подчеркивая ее соблазнительную худобу и изящный контур бедер. Почти безгрудая, она напоминала одновременно подростка и роковую женщину. В руке брюнетка держала бокал с шампанским.

Мужчина, казалось, был с ней знаком, но не настолько, чтобы запросто, по-дружески делиться связанными с игрой опасениями и надеждами. Он сдвигал свои густые, наседающие на глаза брови, шмыгал крупным носом и нервно поглаживал лоб. Видимо, был азартным игроком.

Яна сделала глоток вина, которое тут же заказала, с удовольствием отметив, что за стойкой та самая словоохотливая девушка, у которой она осведомлялась о Ваксмахере. А вот, кстати, и он! Яна с интересом воззрилась на подошедшего к столу Михаила Анатольевича. Он был несколько озабочен. Не удостоив вертящуюся рулетку взглядом, он обратился к брюнетке. Та напряженно улыбалась ему, делая вид, что внимает ему исключительно руководствуясь требованиями гуманности. Видимо, он ей надоел, но открыто сказать об этом она не решалась. Михаил Анатольевич сделал нетерпеливый жест рукой, словно приглашая девушку последовать за ним, но та проигнорировала его, неловко отмахнувшись.

Крупье объявил о конце очередного кона, и короткостриженный седоватый мужчина в синей рубашке с расстегнутым воротом поднял глаза на Ваксмахера. Тот скривил губы, что-то цедя сквозь них. Мужчина, сохраняя самообладание, ответил презрительной усмешкой и что-то сказав, видимо, не особенно приятное для Ваксмахера, отвернулся на миг, а потом еще ниже склонился над столом, ожидая объявления крупье. Тут Яна увидела Засурского-старшего. Он стремительно подошел к брюнетке и

резко заговорил с ней. Его лицо конвульсивно дергалось, он снова был на взводе. Брюнетка бросила короткий, полный недоумения взгляд на Ваксмахера и, отдав ему бокал, пошла с Засурским. Они удалились, но вскоре Засурский вновь появился. Мужчина-игрок обменялся с ним многозначительными взглядами — Яна уловила между ними (мужчинами) некую тонкую связь — потом отозвал Ваксмахера в сторону и стал с ним энергично трепаться. Затем, видимо, не встретив должного понимания, Засурский ушел, не преминув перед уходом одарить своего зама раздраженным, припечатывающим взглядом.

Яна с любопытством смотрела на этот спектакль. Она забыла про вино, целиком отдавшись зрелищу, пока у самого ее уха не раздался насмешливо-недружелюбный голос Засурского, попавшего в бар через другую, располагавшуюся с противоположной стороны арку.

— Шпионите?

Начальный шипящий звук лишь подчеркнул змеиную ядовитость замечания. Яна вздрогнула — столь тесное соседство Засурского было для нее неожиданно.

— Отдыхаю, — выдавила она улыбку. — Или не имею права?

— Имеете, — недоверчиво усмехнулся Засурский. — А как насчет игры?

— Я еще не готова, мне нужен определенный градус, чтобы доверить свои сбережения вашему казино, — иронично откликнулась Яна.

— То есть, — напрягся Засурский, — вы полагаете, что вас здесь надуют?

— Ну, не так грубо, — кокетливо поморщила нос Яна, — но ведь не благотворительностью вы здесь занимаетесь!

— Нужно мастерство, тогда в накладе не останешься, — назидательно сказал Засурский.

— Я вот все думаю, — с затаенной садистской радостью улыбнулась Яна, — что понадобилось кому-то в квартире Галкиной?

— Вы были у меня дома, — уклонился от ответа Засурский. — Кто вам позволил?

— Я же не вломила без приглашения, — возразила Яна. — Яков Григорьевич, как ваша супруга относилась к тому, что у вас была любовница? Если она, конечно, знала о ее существовании...

Засурский нахмурился. Его тонкогубое лицо стало неприступным и суровым как никогда.

— Не ваше дело! — злобно процедил он.

— А ваш сын, он охотно делил с вами свою невесту? — Яна решила

дожать папочку.

— Никакая она не невеста! — гневно блеснули глаза Засурского, — она была просто шлюхой, с которой порой спят ради удовлетворения грубых инстинктов.

— Не очень-то любезно так говорить об умершей, — Яна сделала брезгливую гримасу, — хотя... За той нарочитостью, с которой вы отрещиваетесь от Жени и принижаете ее, как мне кажется, скрывается ваше былая зависимость от нее. Это была страсть? Извините за нескромный вопрос.

— Нет, — раздраженно прохрипел Засурский, — это было то, что я сказал!

— Удовлетворение похоти? — уточнила Яна.

— Вот именно, — на бритвенно-узких губах Засурского появилась мефистофельская усмешка, — не более того.

— Что Женя взяла у вас, Яков Григорьевич? — Яна вперила в дрожащее от негодования лицо Засурского острый взгляд. — Ведь за это ее и убили.

— Понятия не имею, о чем вы говорите, — угрюмо сдвинул брови Засурский.

— Вам не знакома белая «стодесятка» номер... — Яна по памяти назвала номер автомобиля, из которого следили за Галкиной.

Засурский картинно приподнял брови, выказывая изумление.

— Что это?

— Так вам знакома эта машина?

— Нет, — Засурский сделал резкое движение, дернув за узел галстука, словно тот жал ему.

— Хорошо, — вздохнула Яна. — И вы никогда не видели ее у казино?

— Нет, — сердито повторил Яков Григорьевич.

— О! — услышала Яна за спиной голос Ваксмахера. — Я тебя везде ищу!

Он обращался к Засурскому.

— Да-да, — заторопился последний. — Ты знаком с частным детективом?

Тут впервые, кажется, Засурский почувствовал что-то кроме тревоги и раздражения. Его лицо озарила насмешливо ироничная ухмылка сознающего свое могущество человека. «Может, он всегда так преображается в присутствии подчиненных?» — мелькнуло у Яны в голове. Она тонко улыбнулась. Мужчины приняли эту улыбку за ответ.

— Я вас оставляю, — церемонным тоном произнес Засурский, — у

меня дела.

— Не смею задерживать, — кивнула Яна.

От нее не укрылся полный недоумения взор Ваксмахера — он, как и Засурский, не ожидал встретить здесь Яну. Оставшись одна, она продолжила наблюдение за игровым столом. Мужчина с короткими серыми волосами куда-то исчез, теперь с фортуной мерились силами два широкоплечих молодца в фирменных трикотажных майках и еще несколько человек, среди которых выделялась наружностью пышнотелая блондинка лет тридцати, одетая в сливовое платье с блестками, которое явно скрипело на ее мощных телесах, но которым та безумно гордилась, хотя и без конца одергивала его. Яна взяла фужер и стала прохаживаться по залам. Она лениво обозревала кадки с пальмами, старинное оружие, развешанное на стенах, живописные сундуки, выполнявшие роль столиков, на которых вперемешку стояли стаканы и рюмки разных форм с жидкостью разных цветов, картины со сценами из вольной жизни русского дворянства. В калейдоскопе бликов мелькали потные лица игроков и наблюдателей.

Она скорее почувствовала, чем увидела две быстрых фигуры, устремившиеся к выходу. Словно на ее кожу легло дыхание некоего урагана или подхватило теплое подводное течение. Яна успела обернуться — это был Ваксмахер. За ним семенила длинноволосая брюнетка. Узкое платье не давало ей двигаться так быстро, как она того хотела, не спасал и огромный боковой разрез. Яна метнулась к выходу. Она сбежала со ступенек, сталкиваясь с вышедшими подышать свежим воздухом посетителями. Ваксмахер, держа за руку брюнетку, спешил к двухдверному красному «мерседесу». Поняв, что у казино машину она не поймает, она решила добежать по перекрестку. «Мерседес» уже стартанул, до перекрестка оставалось около пятидесяти метров. Яна преодолела их с легкостью тигрицы, преследующей добычу, пересекла дорогу, и, затормозив недалеко от светофора, подняла руку. К ней стремительно приближались горящие, похожие на двух огромных светляков, фары. Даже не снизив скорость, автомобиль пронесся мимо Милославской, мягко шурша шинами по ночному асфальту, мигнул красными габаритными огнями и исчез в конце улицы.

«Вот черт!» — в этот момент Милославская пожалела, что не имеет личного автомобиля.

Шансы поймать в этот поздний час тачку были катастрофически малы. Теперь, даже ей это и удастся сделать, догнать красный «мерседес», на котором укатил Ваксмахер с брюнеткой, будет практически невозможно. Она медленно развернулась и неторопливо пошла по направлению к

казино, вход которого сиял неоновыми огнями. Осмотрев еще раз стоянку и не обнаружив белой «стодесятки», Яна вошла внутрь казино. «Неужели, — думала она, бродя по залам и скользя рассеянным взором по игрокам, — снова осечка?» Такого с ней давно уже не случалось. «Может, эта машина и ее владелец будут здесь позже?» — спросила она себя, устроившись на мягком диване в укромном уголке. Она провела в казино еще почти час, периодически выходя наружу, чтобы осмотреть стоянку, но «стодесятка» так и не появилась.

Решив, что далее оставаться здесь не имеет смысла, Яна на прощанье подошла к барменше.

— Добрый вечер, — кивнула Яна, пристроившись у стойки.

— Здравствуйте, — улыбнулась Карпунина, — только уже ночь на дворе... Красное сухое?

— Нет, спасибо, — покачала головой Милославская. — Хочу кое о чем спросить у вас. Вы знаете постоянных клиентов казино?

— Не всех, конечно, — улыбнулась Карпунина, — но кое-кого знаю.

— Меня интересует Сергей Павлович Копелев, налоговый полицейский. С ним вы знакомы?

— Налоговый полицейский... Не знаю, — задумалась Тамара. — Хотя какой-то Сергей Павлович частенько здесь бывает. Только вот где он работает и как его фамилия, я не знаю.

— Можете описать, как он выглядит?

— Лет сорок, плотный такой, с короткой стрижкой «ежиком», — задумчиво произнесла Карпунина. — Извините, — она принялась обслуживать толстого лысого мужика, подошедшего промочить горло.

Милославская терпеливо дождалась, пока барменша освободится. Но тут подтянулась еще одна парочка, разгоряченная игрой, затем два парня в майках, которых Яна видела за игрой. Карпунина освободилась минут через десять.

— Кстати, — сказала она, словно что-то вспомнив, — этот Сергей Павлович был сегодня здесь, я видела его примерно часа полтора назад.

— Как он был одет? — Милославская почему-то сразу подумала о мужчине с серо-седыми волосами, которого она видела в обществе брюнетки.

— Какие-то темные брюки и синяя рубашка, кажется.

— Он ездит на белой «Ладе-сто десять»? — торопливо спросила Яна.

— Я же не выхожу на улицу, — с грустной улыбкой ответила Тамара.

— Спасибо, — Милославская резко отошла от стойки и направилась по залам в поисках мужчины в синей рубашке.

Нигде его не обнаружив, она вышла на крыльцо. Некоторые машины уехали, их место на стоянке заняли другие, а белой «стодесятки» так и не было. Яна постояла немного на краю тротуара в надежде поймать такси, но машин не было и она, закурив, пошла вдоль дороги в сторону дома. Возле Детского парка можно было попасть на дежурный трамвай.

Быстрым шагом Милославская преодолела большую часть расстояния до парка, размышляя об увиденном и услышанном в казино. Вскоре она поймала себя на какой-то странной мысли, еще не оформившейся, но настойчиво торкавшей в мозг. Другие мысли как-то незаметно пропали, и осталась только одна, бившая словно струя из брандспойта. Она несла в себе что-то тревожное и необъяснимое, что держало Милославскую в постоянном напряжении. Яна резко обернулась и остановилась, ожидая увидеть нечто странное или страшное, но дорога позади была так же пустынна как и впереди и только в конце улицы, как показалось Яне, она заметила что-то темное, грудой возвышавшееся на мостовой. Хоть она и не особенно глядела по сторонам, когда проходила по этому участку пути, но точно помнила, что в том месте на дороге ничего не было. Единственно возможным объяснением этому явлению было то, что подъехавший только что автомобиль погасил фары и габаритные огни. Милославская хотела было вернуться, чтобы удостовериться в этом и избавиться от навязчивого ощущения страха, некоторое время преследующего ее, но потом решила этого не делать. До парка, где могли быть люди, так же как и она собирающиеся попасть на дежурный трамвай, оставалось каких-то двести-триста метров. Там же была и диспетчерская, где уж наверняка кто-нибудь был.

Яна снова пошла вперед по дороге, освещенной редкими фонарями, стараясь держаться ближе к тротуару. Все ее чувства обострились, и она слышала, как выводят свои брачные песни соловьи, и ветер шелестит листьями пирамидальных тополей, вонзившихся в чернильно-фиолетовое небо. Мягкий хруст мелких камешков под колесами автомобиля и слабый ровный звук двигателя заставил ее снова оглянуться. Она вздрогнула, увидев позади, метрах в ста от себя, автомобиль. У него горели только габаритные огни, и двигался он, если он вообще двигался, очень медленно. Слыша, как сердце выбивает в груди барабанную дробь, Милославская шагнула на тротуар и спряталась за толстым стволом огромного тополя.

«Черт побери!» — едва не вскрикнула она, в свете фонаря увидев белую «стодесятку», медленно, со скоростью пешехода проехавшую мимо места, где она скрывалась. Номерной знак она разглядеть не смогла: освещавшие его лампы давали слишком мало света, к тому же, как ей

показалось, он был заляпан грязью. Милославская проводила автомобиль взглядом, все же ни секунды не сомневаясь, что это именно та «стодесятка», о которой ей рассказывала Женя Галкина и которую она, Яна должна была увидеть на стоянке, у входа в казино «Большая игра». «Значит, не у входа в казино, — сама себе пояснила Милославская, — а в связи с казино, что в принципе дела не меняет». Она хорошо знала, что карты зачастую изъясняются не картинками из реальной жизни, а символами. И хотя символического в данном видении было не много, Милославская поняла, что в нем просто совместились казино и белая «стодесятка». Причем, — чувствовала Яна, — была здесь кроме материальной, физической и еще какая-то связь, которую ей еще предстояло раскрыть. Но сейчас нужно было подумать, как избавиться от этого преследования. «Стодесятка» (Милославская увидела это, выглянув из-за дерева) достигла перекрестка, над которым возвышалась башенка трамвайного депо, развернулась и, врубив дальний свет, двинулась в обратном направлении. Яна снова спряталась за деревом и, как только машина проехала мимо, быстро пошла к остановке.

Если бы она немного повременила, возможно, ей бы удалось остаться незамеченной. К сожалению, она была слишком взволнована, чтобы действовать сообразно сложившейся ситуации. Из машины заметили ее. «Стодесятка» уже не пыталась скрываться. Взревев мотором, она резко развернулась, оставляя на асфальте резину и, быстро набирая скорость, понеслась за Милославской. Яна бросилась бежать, но расстояние между ними сокращалось как шагреновая кожа, и если бы она не метнулась в последнее мгновение на тротуар, под защиту деревьев, то наверняка попала бы под колеса. «Господи, что она делает?!» — мелькнуло у нее в голове, хотя она давно уже поняла намерение водителя.

Взвизгнув тормозами, машина остановилась и на большой скорости двинулась задним ходом. Яна кинулась бежать по тротуару, куда, как она надеялась, автомобиль не поедет. Но и на этот раз она ошиблась. Найдя просвет между редко стоящими деревьями и легко преодолев низкий бордюр, «стодесятка» вывернула на тротуар и помчалась следом за Яной. До диспетчерской, горящее окно которой уже было видно, оставалось не так уж далеко — только пересечь проезжую часть и вбежать в распахнутую дверь. Снова спасло дерево, до которого Яна сумела добежать быстрее, чем белый монстр на колесах догнал ее. Присев на мгновение за шершавым стволом, Милославская снова услышала визг колес об асфальт, и ей даже показалось, что ветер донес до нее запах паленой резины. Не дожидаясь, пока машина успеет развернуться, Яна кинулась через дорогу к

спасительному входу в диспетчерскую. Она неслась изо всех сил в ярком свете фар, ощущая на спине между лопатками предательский холодок и слыша позади рев двигателя. Все происходило как в страшном сне, только было на самом деле. Прятаться было негде. Она была один на один с воющим металлическим зверем. Еще мгновение, и бампер автомобиля ударит ее в ноги, переломав бедренные кости, швырнет на мостовую, подомнет под себя, оставив на пыльной дороге изуродованное тело. «Нет! Никогда!! Ни за что!!!» Еще всего несколько шагов. Напрягая все жилы, Яна сделала последний отчаянный рывок и запрыгнула на крыльцо диспетчерской. Спасена! Она едва не сбила с ног мужика в оранжевой жилетке дорожного рабочего, который неожиданно возник в дверях.

— Помогите! — едва выдавила из себя Милославская, упав ему на грудь.

Она обхватила руками его шею и прижала к себе, как, наверное, никогда и никого больше в жизни не прижимала, чувствуя, что свет фар «стодесятки» уже не светит ей в спину. Через какие-то доли секунды она снова услышала уже знакомый ей вой двигателя, но уже не приближающийся, а звучащий все дальше и дальше и, наконец, затихший совсем.

— Эй, гражданка, чего ты? — мужик попытался расцепить Янины руки, чтобы высвободиться из ее объятий. — Напьются, блин, понимаешь! Сейчас милицию вызову, — пригрозил он.

Наверно, упоминание о милиции немного привело Милославскую в чувство. Она ослабила хватку и только теперь решилась обернуться на улицу. В нескольких десятках метров от диспетчерской она заметила одинокий трамвай, стоявший на кольце, свет из окон которого падал на кудрявившиеся вдоль полотна кусты сирени. И ни одного автомобиля.

— Простите, — переведя дыхание произнесла Яна, — мне нужно позвонить.

— Вроде не пьяная, — поведя носом, мужик в жилетке недоуменно смотрел на Милославскую. — Откуда ты такая взялась?

— Из казино, — машинально бросила она. — Мне нужно срочно позвонить. Здесь есть телефон?

— Проигралась, что ли? — продолжал недоумевать мужик, который был, скорее всего, вагоновожатым а не дорожным рабочим. — Будешь теперь знать, — удовлетворенно добавил он после небольшой паузы.

— Да пошел ты, — Милославская слегка отпихнула его, освобождая себе путь и длинным коридором пошла в глубь помещения.

— Ты давай не это... — крикнул вслед вагоновожатый, который,

видно, не ожидал от нее таких резких действий после того, как они были какое то время так близки, — а то я того, мать твою.

Милославская уже не слышала его. В небольшой комнате, которой заканчивался коридор, две дамочки среднего возраста сидели за столами, заваленными бумагами. Кроме своего прочего на одном из столов громоздилась рация, рядом с которой примостился телефон. Яна кинулась к нему, присев на свободный стул и схватила трубку.

— Мне нужно срочно позвонить, — она принялась крутить телефонный диск, но дама в зеленой вязаной кофте среагировала очень быстро.

— Куда? — она положила руку, на пальце которой сверкнул золотой перстень с малиновым камнем, на рычаг телефона. — Ты что здесь распоряжаешься?

— На меня напали, — акцентирую каждое слово произнесла Яна, глядя тетке прямо в глаза. — Мне нужно позвонить в милицию.

— А, ну давай, звони, — растерялась та и убрала руку с рычага.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Яна торопливо набрала номер домашнего телефона Руденко.

— Лейтенант Руденко, — сонным голосом произнес Три Семерки, схватив трубку после второго гудка. — Тьфу ты, черт, — опомнился он. — Кто говорит?

— Семен Семеныч, это я, — быстро сказала Яна. — Жду тебя в диспетчерской у Детского парка. Объясню все потом. Это срочно.

В трубке повисла короткая пауза, видно, Руденко смотрел на часы.

— Третий час ночи, е-мое, или утра, — он сладко зевнул в трубку. — Ты что, Яна Борисовна, очумела или грибов объелась?

— Семен, на мою жизнь покушались, ты понимаешь? — крикнула Милославская, чтобы взбодрить сонного лейтенанта. — И захвати адрес Копелева, он должен у тебя быть.

— Копелева? — переспросил Руденко уже более серьезно. — Это налоговый майор, что ли?

— Он самый. Все. Я тебя жду, — Яна бросила трубку, чтобы прервать поток возможных расспросов.

Откинувшись на спинку стула, она достала сигареты и посмотрела на даму в зеленой кофте.

— Можно?

— Вообще-то у нас не курят, — ответила та, хотя все помещение пропахло сигаретным дымом, причем дымом сигарет не высшего качества, — но так уж и быть, — она выудила откуда-то из-под стола пустую консервную банку и поставила ее перед Яной, — кури. Чего у тебя случилось-то? — с участием поинтересовалась она.

— Какой-то псих пытался меня переехать, — не вдаваясь в подробности ответила Милославская.

Она с удовольствием сделала несколько глубоких затяжек, выпуская дым к потолку.

— Номер-то хоть запомнила? — продолжала расспросы тетка.

— Номер есть, — кивнула Милославская.

Ей не слишком-то хотелось вступать в разговор с диспетчершей. К счастью, в депо появилась еще одна дама, которая отвлекла на себя внимание тетки в кофте. В руках она держала путевой лист и большой черный ключ, которыми пользуются водители трамваев, чтобы отключать питание. Милославской пришлось освободить стул и она, снова преодолев

длинную кишку коридора, вышла на крыльцо. Трамвай с прицепом замер прямо перед зданием диспетчерской. Парочка запоздалых пассажиров с тоской смотрела на Яну сквозь запыленные окна вагона. Милославская успела выкурить еще одну сигарету, прежде чем перед ней затормозила старенькая «шестерка» лейтенанта.

— С тобой все в порядке? — выскочил он на улицу.

— В порядке, в порядке, — она снова запихала Руденко за руль и устроилась рядом на месте пассажира. — Поехали быстрее.

Но Руденко даже не думал трогаться с места. Он не торопясь достал из кармана пиджака мятую пачку сигарет, утопил прикуриватель в гнезде и принялся ждать. Когда тот выпрыгнул, он, покручивая его в руке, прикурил и снова поставил на место.

— Если ты, Яна Борисовна, — произнес он после этого с угрозой в голосе, — не приведешь мне достаточно веских доводов, по которым ты подняла меня среди ночи...

— Поехали, Сеня, — Яна схватила его за локоть, — по дороге все тебе объясню.

Но Руденко, казалось, не слушал ее. Он продолжал курить, пуская дым в полуоткрытое окно, изредка подергивая себя за ус.

— Ладно, черт с тобой, — Яна поняла, что Руденко не двинется с места, пока она не доложит ему обстановку.

Она чувствовала, что они теряют время, что может оказаться слишком поздно, но сломить упрямство лейтенанта не могла. Пришлось рассказывать, почему она оказалась в казино, что видела там и как ее пыталась сбить белая машина.

— Ты запомнила номер? — спросил Руденко, когда она закончила.

— Нет.

— Тогда почему ты думаешь, что это была машина Копелева?

— У нее были тонированные стекла.

— Значит, водителя ты тоже не видела, — резюмировал Три Семерки.

Яна отрицательно покачала головой.

— И у казино ты его машину не видела?

— Не видела, — сказала Яна, — но он мог оставить ее где-нибудь поблизости. Засурский наверняка предупредил его, что я пытаюсь разобраться в этом деле и запретил оставлять автомобиль на стоянке.

— Что же ты хочешь от меня? — усталым тоном поинтересовался лейтенант.

— Нужно поехать к Копелеву и вытрясти у него признание, — умоляюще глядела на лейтенанта Милославская, чувствуя, что выглядит

все это не слишком убедительно.

— И как ты себе это представляешь? Без ордера, без фактов, вообще без каких-либо оснований. Между прочим, он майор. И хоть ведомства у нас разные... — лейтенант замолчал.

— Поехали, Семен, — Милославская тронула его за рукав пиджака, — что-нибудь придумаем. Я чувую, что он связан со старшим Засурским и Ваксмахером. Сама видела, как они разговаривали в казино. Наверняка он имеет отношение к убийству Галкиной. Не просто же так Женя дала мне номер его машины.

— Ну смотри, Яна Борисовна, — Руденко включил скорость и надавил на педаль акселератора, — если подставишь меня... — он покачал головой, так и не закончив угрожающее предупреждение.

* * *

Копелев жил в девятиэтажном доме, занимавшем целый квартал неподалеку от Политехнического университета. Лейтенант въехал во двор и, сверившись с записями на каком-то крохотном клочке бумаги, который выудил из нагрудного кармана пиджака, остановился у третьего подъезда.

— Вот его машина, — почему-то шепотом произнесла Яна, увидев напротив подъезда белую «стодешатку».

— Это ничего не доказывает, — пожал плечами Руденко и выбрался на улицу.

Он не спеша, вразвалочку подошел к «стодешатке» и положил ладонь на ее капот.

— Двигатель холодный, — констатировал он, когда к нему приблизилась Милославская.

— Сеня, — как можно убедительней сказала она, — ночи сейчас тоже не летние, а пока я тебя ждала, пока рассказывала свою историю, пока мы добирались сюда, прошло не меньше часа. Двигатель просто-напросто остыл.

— Что-то слишком быстро, — обходя машину кругом, ответил Руденко. — Следов никаких, стоит на асфальте, — пробормотал он себе в усы.

— Ну что, пошли? — не обращая внимания на причитания лейтенанта, предложила Яна.

— Куда пошли? — разъярился тот. — Что я ему скажу? Ты, мол, пытался сбить гражданку Милославскую. Да он в лучшем случае просто

пошлет меня на три веселых буквы, а в худшем — накатает на меня телегу в службу собственной безопасности. А они у нас только и ждут, чтобы разобраться со своими, мало им гражданских преступников, мать их.

— Если ты не пойдешь, — решительно произнесла Яна, видя его сомнения, — я это сделаю сама.

Развернувшись, она бодрым шагом направилась к подъезду.

— погоди, — попытался остановить ее Руденко. — Да стой ты, чертова баба!

Он догнал ее и резко дернул за руку.

— Во-первых, я, Сеня, женщина, а не баба, — как ты выражаешься, а во-вторых, какого черта тебе от меня нужно? — она отдернула руку и злобно посмотрела на него.

— Есть тут одна мыслишка, — он хитро улыбнулся и огладил усы. — Только ты сядь в машину и не высовывайся.

— Я сама должна с ним...

— Цыц, я сказал, — шепотом крикнул на нее Руденко. — Быстро в машину.

Он подошел к «стодесятке» и ладонью толкнул ее в бок. В то же мгновение переливисто и звонко завывала сирена противоугонной сигнализации. Звук эхом отражался от фасадов дома, закрывавшего двор с четырех сторон. Казалось, этот резкий протяжный гудок поднимет всех жильцов не только этого дома, но и соседних. В окне на седьмом этаже, где по подсчетам Милославской, должна была располагаться квартира Копелева, загорелся свет и через минуту в дверях подъезда появился хозяин «стодесятки». В шлепанцах на босу ногу и черном спортивном костюме с белыми треугольниками. Яна хорошо рассмотрела его в свете фонаря, висевшего на стене дома. Это был тот самый мужчина из казино. Он прямо от подъезда отключил сигнализацию, направив на машину пульт дистанционного управления. Сирена смолкла, и во дворе вдруг стало так тихо, что казалось, будто в уши плотными пучками набилась вата.

Копелев только теперь заметил Руденко, плотная фигура которого возвышалась рядом с его машиной, и медленно направился к нему. В его движениях читалась скрытая решимость. Неизвестно, что подумал Сергей Павлович, поэтому Руденко, чтобы предотвратить ненужные трения, предупредил его.

— Милиция, — громко сказал он, и выудив откуда-то удостоверение, сунул его в лицо Копелеву, — старший оперуполномоченный уголовного розыска лейтенант Руденко. Это ваша машина?

— Моя, а в чем, собственно, дело, лейтенант?

— Документики на машину имеются? — проигнорировав его вопрос, обратился к нему Руденко.

— Дома, — развел руками Копелев. — Что тут происходит-то?

— Уже ничего, — лейтенант спрятал корочки в карман. — Вашу машину только что пытались угнать. Я спугнул преступников, но догнать их не смог. Протокол будем составлять?

— Так не угнали же, — Копелев все же обошел вокруг своей машины, внимательно ее осматривая.

— За документиками все же сходить придется, — настаивал Руденко.

— Слушай, лейтенант, — проведя ладонью по ежику волос ото лба к затылку, Копелев заговорил на пониженных тонах, поэтому Яне приходилось прислушиваться, — я — майор налоговой полиции. Давай не будем разводить всякие там протокольные мероприятия. Мне завтра рано на службу, так что спасибо тебе и адью. Договорились?

— Предъявите документы, гражданин, — уперся Руденко.

— Да хватит тебе, лейтенант, — раздраженно усмехнулся Копелев.

— Значит, отказываетесь предъявить документы на машину? — голос лейтенанта стал сухим и суровым. — Машина припаркована в необорудованном для стоянки месте, это раз, — начал перечислять он нарушения, — уровень шума сигнализации превышает допустимый постановлением губернатора в несколько раз, это два, прозрачность стекол снижена в несколько раз, это три. Сейчас я вызову эвакуатор и будете искать свою машину на штрафной стоянке.

Он развернулся, подошел к своей машине и, дотянувшись через опущенное стекло до рации, вытащил трубку наружу.

— Девятый, ответь третьему.

— Не надо, лейтенант, — остановил его Копелев, — будут тебе документы.

— Одолжений мне делать не надо, — на секунду обернулся к нему Руденко. — Девятый, девятый.

— Хорошо, лейтенант, извини, — мягко, даже вкрадчиво произнес Копелев, — сейчас я сгоняю за документами. Подожди, пожалуйста.

— Пять минут, — посмотрел на часы Руденко.

— Спроси у него, где он был сегодня ночью, — нетерпеливо произнесла Милославская, оперевшись рукой на сиденье водителя.

— Да погоди ты, спрошу, — недовольно буркнул Руденко, — только что в этом толку-то?

— Он хотел меня убить, — чуть не крикнула Яна. — Голову на отсечение даю.

— Ты голову-то побереги, — осадил ее Три Семерки. — Лучше бы мне хоть одного свидетеля дала.

— Свидетель есть, — Яна вспомнила мужика в оранжевой жилетке, которому она бросилась на шею, — он подтвердит, что машина мчалась за мной, а потом развернулась, едва не снеся крыльцо диспетчерской.

— Да? — с интересом посмотрел на нее Руденко. — Какого черта ты не сказала об этом раньше?!

— Это что-нибудь меняет?

— Может быть.

Из подъезда вышел Копелев, неся в руках пухлую барсетку. Руденко шагнул к его машине, чтобы не привлекать его внимания к Мирославской.

— Так, — Руденко взял у него права, технический паспорт на машину и начал читать вслух: — Копелев Сергей Павлович, правильно?

— Да, это я, — кивнул Копелев. — Вот еще удостоверение.

— Майор налоговой полиции, — продолжал читать Руденко ровным тоном.

— Вы давно вернулись домой, товарищ майор? — поднял на него взгляд Три Семерки.

— Какое это имеет отношение?..

— Когда вы пришли сегодня домой? — перебил его Руденко.

— Ну, хорошо, — вздохнул Сергей Павлович. — Домой я пришел около часа ночи.

— Вы живете один?

— С женой.

— Она может это подтвердить?

— Она уже спала, — раздраженно ответил майор. — Не понимаю, к чему все это?

— Значит, подтвердить не можете, — констатировал Руденко. — Есть свидетель, который видел вашу машину в районе Детского парка сегодня в два часа ночи. Что вы на это скажете?

— Я был в казино «Большая игра», — торопливо заговорил Копелев, — ушел оттуда около половины первого ночи и сразу же отправился домой. Это могут подтвердить несколько человек.

— Вы были на своей машине?

— Да, я был на своей машине.

— Где вы оставляли машину, когда находились в казино? На стоянке ее не было.

— Откуда вы знаете?

— Отвечайте на вопрос, гражданин Копелев.

— Меня что, в чем-то подозревают? — повысил голос майор.

— Пока нет, — спокойно ответил Руденко. — Ваша машина сегодня около двух часов ночи, в районе диспетчерской, что у Детского парка, едва не наехала на одну гражданку, от которой поступило заявление. Есть также свидетель — водитель трамвая, который все это видел. Это можно расценивать как покушение на убийство. Что вы на это скажете?

— Я вернулся домой в час ночи и никуда больше не выходил... до сих пор, — резко произнес Копелев.

— Вы в этом уверены?

— Уверен.

— Может, кто-нибудь видел, как вы приехали домой? Соседи, например?

— Не знаю.

— Значит, никто не видел. Понятно.

— Да это он, он гонялся за мной по тротуару, — выскочила из машины Мирославская и кинулась к Копелеву, который, увидев ее, стал пятиться назад. — Кто тебе приказал меня убить? Засурский? А может, Ваксмахер или кто-то еще? Что ты молчишь, гад? — она схватила его за грудки.

— Уберите от меня это вздорную бабу, — он с трудом оторвал от себя Мирославскую. — Кто она? Я ее не знаю.

В окнах дома начал вспыхивать свет и разбуженные шумом жильцы выглядывали на улицу.

— Ты еще узнаешь, кто я такая, ублюдох, — кричала на него Яна. — Наемный убийца! Я тебе покажу, бабу! Ты мне за все ответишь!

— Сядь в машину, — Руденко подхватил ее за локти. — Ты же все испортишь! Как я потом объясню все начальству?!

— Объяснишь как-нибудь, — выплеснув злобу, Яна немного успокоилась и позволила лейтенанту проводить себя до машины, где нервно затянулась.

— Короче, гражданин Копелев, — Руденко вернул ему документы, — прошу вас никуда из города не выезжать, вы нам еще понадобятся. Скоро вас официально вызовут для дачи показаний.

Три Семерки быстро сел в машину, запустил двигатель и резко рванул с места.

— Ну ты в самом деле! — раздосадованно, по-медвежьки качнул головой Руденко. — Чуть все не испортила!

— Чуть не считается, — метнула в него уничтожающий взгляд Яна, — мало ты его тряхнул. С такими нечего антимонии разводить. Чтобы заставить их говорить, надо надавить на них основательно, припугнуть, а

ты...

— Ты прямо как мент какой зарвавшийся рассуждаешь, — Руденко неодобрительно взглянул на внезапно замолчавшую Яну. — Я привык дела корректно вести, — гордо добавил он.

— Вот-вот, корректно, — передразнила его Яна и отвернулась к окну.

— Что на тебя нашло-то? — удивленно пялился на Янин затылок Руденко. — Вредно, тебе, девушка по казино ходить одной.

— Прикажешь тебя с собой брать? — Яна не выдержала и рассмеялась.

С этим прорвавшимся сквозь кордон недовольства и упрека смехом выплеснулось отчаяние и страх, пережитый Яной в момент погони за ней белого автомобиля.

— Ты смейся, смейся, — удовлетворенно и немного свысока улыбнулся Руденко, уловивший психотерапевтический эффект Яниного хохота, — это помогает. Прижмем мы этого гада, будь спок.

— Теперь ты тоже видишь, что это гад, — с укоризной сказала Яна, — а еще...

— Я тоже кое-что в людях смыслю, — обиженно произнес Руденко, — хотя и от «сфер» далек.

Руденко чувствовал, что задета его гордость, и что в данном, конкретном случае защитить себя и свое достоинство необходимо, дабы не давать повода вновь оскорблять себя.

— Здесь какой-то заговор, — уже спокойно продолжала Яна, — Засурский, Ваксмахер, этот майор — все они что-то затеяли. Убийство Галкиной...

— Ты уже говорила, — нетерпеливо перебил ее Руденко, уязвленное самолюбие которого требовало реабилитации, разговоров, уговоров, извинений — ему не хотелось рассуждать обо всех этих господах, по крайней мере сейчас, до того момента, пока раскаявшаяся Яна не признается ему, что сдрейфила на все сто, что была не права и так далее.

— Тебя это не интересует? — снова напрыглась Яна.

— Интересует, но больше сейчас меня интересует твое отношение ко мне, — прозрачно намекнул Руденко на незаслуженный выговор.

— То есть, — Яна закашлилась, — ты хочешь знать, как я к тебе отношусь?

Она повернулась к нему всем корпусом и вперила в него удивленный, недоумевающий взгляд.

— Ну, Сеня, — вдруг заливисто засмеялась она, — я и не знала, что ты такой чувствительный.

— Да я не про то, — раздраженно отмахнулся Руденко. — Я вообще... Как человека к человеку отношение...

Он смущенно замялся.

— Чего ты себе вообразила? — скуксился он.

— Ваксмахер дружит с сыном Засурского, — сделавшись задумчивой, сказала Яна.

Руденко, поняв, что разговора по душам не получится, и достоинство придется восстанавливать в другое время и в другом месте, решил подхватить нить Яниных размышлений, переключившись с проблемы межличностных отношений на людей, шашни которых непосредственно привели к обострению последней. Теперь они уже были врагами, ибо их нерадивая деятельность привела к тому, что такая вежливая и корректная женщина, как Яна, обрушила на него поток упреков. И все-таки он попытался придать этим рассуждениям и догадкам фривольно-несерьезный оттенок, дабы намекнуть, что все, что связывает этих людей и делает их такими подозрительными в глазах Яны, не стоит его, Руденко, личного интереса.

— А может, они гомики? — хохотнул он в усы.

— Может, — растянула Яна рот в рассеянно-мечтательной улыбке, — хотя Ваксмахер вроде был в девушкой в казино, по крайней мере, с ней ушел. — Причем и Засурский-старший эту девушку знает.

— Что за девушка? — оживился Руденко.

— Не знаю пока, но узнаю, — решительно произнесла Яна и выбросила бычок в приоткрытое окно.

— Так и малец там был? — спросил Руденко.

— В казино? Нет, его не было.

— А ты откуда про Засурского и Ваксмахера знаешь? — удивленно спросил Руденко.

— «Видела», — многозначительно сказала Яна.

— В «сферах», — также многозначительно произнес лейтенант, хотя Яна расслышала в его голосе насмешку.

Между тем «шестерка» лейтенанта уже въезжала на гору. Ее окружала гулкая тьма, которая не давила, а, казалось, ширилась, ускользая от рокота мотора и расходясь во всех направлениях подобно кругам на воде. Особую звонкость и прозрачность ей придавали соловьи, певучие речитативы которых раздвигали пределы мрака, делая пространство бесконечным. Две расширяющиеся светлые полосы, идущие от фар, шарили по асфальту, выхватывая его неровности, казавшиеся миниатюрным ландшафтом Дантова ада.

— Ну вот, — Руденко затормозил у знакомой калитки, — приехали.

— Спасибо тебе, — сжала Милославская его тяжелую руку.

Он еще не успел остыть от упреков, брошенных ему Яной, как новый ее жест, на этот раз выражающий признательность и благодарность, поверг его в хаос приятных и почти ностальгических ощущений. Почему ностальгических? Потому что он на секунду подумал о том, что как хорошо было бы несколькими минутами назад не ссориться, а доставить друг другу приятное, в платоническом смысле, конечно. Можно ведь все было обсудить более спокойно и, как говорят в судах, выслушать обе стороны. Сожаление об упущенной идиллии подрывало основу жизненного оптимизма Руденко. Человеком он был наивным, а потому любой мелочи придавал колоссальное значение. Янин выговор был проявлением метафизическим для него, в силу того, что он усложнял философский расклад, имевший место быть в его голове. То, чего лейтенант не понимал, он склонен был считать неким опасным феноменом, будь то эмоция, мысль, поведение другого человека. И потому всегда был напряжен, начеку, как бы защищая право жизни быть простой, неиспорченной, ясной в своем источнике.

Поэтому он ничего не ответил Яне, а лишь трагически и всепрощающе улыбнулся, лелея в груди сладкую грусть, что родилась от сознания того, что он, Руденко, прав как всегда, но, к сожалению, не может донести это до всех.

Яна была далека от того, чтобы корпеть над интерпретацией этой прощальной улыбки лейтенанта. Она чувствовала себя усталой и разочарованной. Она мимоходом приласкала обрадовавшуюся ее появлению Джемму и, сняв с себя костюм, уселась в кресло, разминая ноги. Потом накинула халат и, зная, что так скоро не уснет, принялась готовить кофе. Ясность ее сознания, минуту назад затуманенного, взбаламученного эмоциями, теперь, кажется, достигла пугающей остроты. Яна намеревалась поработать с картами. Она чувствовала, что не успокоится, не уснет, пока не прояснит для себя хоть что-то. Раздражение против Копелева, вообще против любого, кто легко может лишить жизни себе подобного, придало ей энергии и странным образом освежило. И хотя ее тело протестовало, разламываясь на части от усталости, сознание функционировало бодро, живо, целеустремленно.

Перелив кофе из джезвы в чашку и вставив в угол рта сигарету, Яна расположилась с картами в кресле перед журнальным столиком. Она выбрала карту «Взгляд в прошлое».

Возможно, думала она, ей посчастливится увидеть, как все еще только

складывалось в мозгу убийцы. Она накрыла карту рукой, опустила веки. Тепло долго не шло. Яна уже стала тихонечко проклинать себя за это судорожное желание ясности, императивом вставшее перед нею. Ей нужно было расслабиться, уснуть, забыться хоть на время, вместо того, чтобы сидеть вот так с закрытыми глазами и видеть только ночную тьму, тьму внутреннюю, так похожую на ту, что окружала ее дом, ее город, ее планету, медленно вращающуюся в ночном космосе, вместе с галактикой, вместе со звездами, созвездиями, с черными дырами, перетекающими неслышно в эту ночь, в ее домом, в ее мозг...

И тут жутким контрастом этому мраку и обмороку, расплавляющему мозг, превращающему его в мягкую паутину слабо шевелящихся извилин, вырастающих в плавники и водоросли, взлетел столб белого огня. На фоне мрака он выглядел чудовищно, нестерпимо ярким. Когда же этот молниеносно взмывший гейзер поутих, разлился, полностью подчинив себе темное пространство, его накал стал быстро ослабевать, и волны, исходящие от него, становились с каждой секундой все более прозрачными, теряли силу свечения, успокаивались, и вскоре Яна уже смогла различить предметы обстановки, плывущие в волнах полуденного света. Это была просторная комната, наполненная лучами и смехом. Яна ясно слышала смех. Часто ее видения проходили в гробовом молчании, а тут этот звонкий шаловливый голос! Женский. И вслед за ним, из белесоватых клубов света выплыл стройный гибкий силуэт. Тонкая голубая материя текла с бедер на пол, застеленный ковром. Яна узнала девушку. Это была Женя. Полуобнаженная. Ее маленькая грудь задорно торчала, увенчанная розовыми сосками, рот смеялся. Запрокинутое лицо озаряла беззаботная радость. За ее нагой спиной убежал вдаль неприхотливый сельский пейзаж, с едва оперившимися первой листвой деревьями. Яна отвлеклась от пейзажа, затягивавшего ее взгляд как в воронку. Ей стоило огромных усилий перевести его на девушку. Яна видела Женю сквозь тонкую дымку, очертания ее фигуры то и дело растекались, лицо расплывалось. Яна немного опустила взгляд. И тут перед ней, напоминая диковинный лес, выросли мольберты с холстами и листами бумаги. На них угадывались знакомые контуры и черты — везде была изображена одна и та же девушка. Рисунки, картины, робкие эскизы, законченные работы. Яна увидела рисующую руку, мужскую, несколько суховатую, но с изящными, длинными пальцами и наманикюренными ногтями. Яна не могла отделаться от ощущения, что уже где-то видела эту руку. Интерьер не отличался шиком. Наоборот, это была скромная хижина, то ли специально, то ли в силу каких-то причин обставленная сдержанно и просто. Внимание

Яны привлек стол, заваленный бумагами и книгами. Она пробовала прочитать название хоть одной. И ей это удалось. Буквы были латинские. «Rutebeuf. Poemes de l'infortune et autres poemes». На белой глянцевой обложке. Чуть ниже располагалась фиолетово-голубая вставка, на которой схематично было изображено одутловатое лицо мужчины в парике. Завитые букли, которые носили в восемнадцатом веке. Яна «посмотрела» вправо, увидела уголок зеленой книги, с золотой каймой, названия она прочесть не смогла — на книге высилось еще несколько фолиантов. Обложка самого верхнего была скрыта под взрыхленным морем исписанной бумаги.

Яна перевела дыхание — видение требовало много сил. Она снова подняла взгляд, но девушки на месте не было. Яна хотела «повернуться», чтобы найти ее, но картинка стала опадать волнами, тускнеть и через минуту глаза Яны не различали ничего, кроме размытых очертаний комнаты, которые погасали с поразительной скоростью и легкостью.

Яна открыла глаза. Заливающий комнату бронзовый свет казался теперь темнее и гуще. Словно видение, прорубив окно в другой, воздушный и лучезарный мир, оттенило гнетущую тяжесть настоящего, всего, что видится земным зрением.

Яна выкурила еще одну сигарету, допила кофе и, полная легкой досады и недоумения, решила «поработать» с «Джокером» Это потребовало бы от нее половины тех сил, что она затратила со «Взглядом в прошлое». Яна достала карту, на которой хитро улыбающийся полумесяц выдувал ветер, и, накрыв ее рукой сосредоточилась на поставленной задаче. Она не могла сформулировать ее предельно ясно и детально. Ибо «Джокер» всегда приносил ей сюрпризы. Яна задавалась целью узнать что-то такое, что сдвинет с мертвой точки расследование. Она запрокинула голову, стараясь ни о чем не думать, а только ждать. И дождалась.

Лазурный небосклон сиял так, как он может сиять только в тропиках. Эта догадка подтвердилась, потому под его палящей голубизной возник рыжий берег, усеянный бамбуковыми хижинами и пальмами, качающимися на ветру, подобно огромным зеленым опахалам. Вдалеке, на истошной синеве залива, окаймленного мягкой линией пляжа, мелькали серфингисты. У самого горизонта, похожие на замерших чаек, белели яхты. Яна ощутила во рту свежий и прохладный вкус мартини. Кубики льда мелодично звякнули в стакане. Потом вдруг она очутилась на залитом светом пляже, оживленном, изобилующем бикини и весело беснующимися детьми. Бармен, улыбчивый мулат смешивал коктейли и было так трудно уследить за его ловкими, стремительными пассажами, что у Яны даже закружилась

голова. Лицо парня виделось неясно, словно сквозь влажную горячую дымку испарений. На нем была цветастая рубашка, он что-то суетливо говорил. У стойки разлеглась жирная, истекающая потом тетка, в шортах, трикотажной футболке и с ярким венком на груди. А кругом визжали и смеялись дети...

Дама под широкополой белой шляпой, касаясь плечом плеча своего мускулистого загорелого друга, вальяжно полулежала на шезлонге. Яна видела выбившуюся белокурую прядь, сбегаящую на спину женщины и ее четкий, настороженный профиль. Парень был в бейсболке. От смотрел вдаль, не обращая внимания на подружку. Порой его ленивый взгляд падал на девушек, затеявших волейбольный матч возле пенной кромки, которую море с тоскливым постоянством выбрасывало на берег.

Яна зевнула — ей казалось, что она видит сон и она с удивлением обнаружила, что явленные ей Гавайи или Ямайка — очередной сюрприз «Джокера». Она не знала, что делать с этой причудливой и при этом такой лубочной картинкой. Она зевнула, усмехнулась банальности виденного и отправилась спать.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Но настоящим сюрпризом для нее стало то, что на следующий вечер, придя в «Мадрид», как и в прошлый раз в парике и с несвойственно-ярким макияжем, Яна встретила там Ваксмахера, сидящего за столиком в компании с брюнеткой, которую Яна видела в казино. Столики были все заняты и Яне пришлось расположиться за стойкой. Она села на высокий табурет с кожаным сиденьем, заказала выпивку и стала ждать. Слышать Ваксмахера она не могла, поэтому ограничилась наблюдением. Настроение у парочки, видно, было не ахти какое. Энергично обсудив что-то, они застыли в гордом молчании. С напряженными лицами они поглощали ужин. Ваксмахер порой кидал вокруг короткие, нетерпеливые взгляды, словно царящая в кафе бездумная сосредоточенность на еде и всеобщий, способствующий хорошему пищеварению интерес к приятным пустякам, обсуждаемым за столами, повергали его в глубокое раздражительное недоумение.

Яна в эти мгновения отводила взгляд, беззаботно крутя носком туфли и обозревая ровные, сверкающие стеклом ряды бутылок, в которых дремала драгоценная влага. Яна ждала перемены декораций, предчувствуя их повергающую ее в отчаяние неизменность. С чего бы это Ваксмахеру пересаживаться за другой столик, а девушке уходить? Зал битком, да и бармен не тот, что виделся Яне. Теперь это был костлявый шатен с острым подбородком и бегаящими глазками. Он тоже был облачен в болеро, но это не меняло дела.

Джемма, взятая Яной на всякий случай, скучала на улице. Яна мысленно разговаривала с собакой, успокаивая ее и обещая в скором времени ею заняться. Джемма великолепно понимала Яну, она могла идти по улице вдаль, на таком расстоянии, на котором ей мысленно приказывала Яна. И как только та давала ей команду приблизиться, мигом подлетала. Вот и сейчас Яна чувствовала нерушимую связь с собакой.

Не прошло и получаса, как Ваксмахер, расплатившись с официантом, потянул за собой свою спутницу. Яна поспешила за ними. Пара села в красный «мерс», а Яна, быстро поймав машину, двинулась следом. Она не знала, даст ли эта слежка положительный результат, просто решила сделать максимум от нее зависящего в данной ситуации. Она думала, что «мерседес», попетляв по городу, остановится у какого-нибудь бара или особняка. На худой конец — у элитной пятиэтажки. Но красный конь

стремительно неся за город. Шофер, сидящий за рулем остановленной Яной «девятки», который и так боязливо косился на Джемму, стал подавать признаки беспокойства, видя, что маршрут следования увеличивается. Яна утешила его, пообещав щедрый гонорар. Мужчина воспрял духом и сильнее вдавил педаль в пол. «Мерседес» по мере удаления от города прибавлял скорость. Трасса была пустынная и ему было, где показать, на что он способен. Он летел подобно птице и у Яны было такое чувство, что «девятка» еле поспевает за ним. То, что тому давалось легко и как бы играючи, «девятка» выполняла с надрывом. Яна скосила глаза на спидометр. Они ехали со скоростью девяносто километров.

— Если так оно пойдет, — покачал головой мужик, — я не смогу за ним угнаться.

— Думаю, скоро все это кончится, — уверенно сказала Яна.

На самом деле, доехав до густого, высокого ельника, «мерс» повернул направо и еще через минуту остановился у одного из свежестроенных дач, Задняя стена недостроенного забора упиралась в покатый склон холма. Над ним жутковато чернел лес, загораживая небо с плавающей в серой рассоле туч луной.

Яна расплатилась с водителем и вышла, дав Джемме установку на абсолютное молчание. «Мерседес» въехал в ворота, которые автоматически закрылись за ним. Особняк возвышался в ночи непроницаемой громадой, не было никакой возможности различить его очертания, архитектурный рисунок. Яна видели лишь, что минимум в нем два этажа, что он огромен, отнесен к самому лесу. Но она же в конце концов не архитектурой этого строения приехала восторгаться. Она пробралась поближе, света в окнах так и не загорелось. Ей был виден второй этаж, возможно, Ваксмахер с брюнеткой разместились на первом.

Яна обогнула забор и стала подниматься на холм. С него, была уверена Яна, она сможет заглянуть во двор. Поднявшись достаточно высоко, она действительно увидела свет внизу, и более того, рассмотрела интерьер холла. Он был выполнен под «дерево» и лучился золотистым теплом. На барной стойке замерли дорогие бутылки, на столе, плавные контуры которого наводили на мысль о его ретро-стиле, стояла красивая голубая ваза с бордовыми розами. Видимость была отличная. Ваксмахер сидел на диване, в профиль к Яне. Брюнетка что-то налиwała в стаканы, загораживая угол стойки. С бокалами в руках она села рядом с Ваксмахером. Подала ему выпивку и, откинувшись на диванные подушки, заложила ногу на ногу. Они лениво перебрасывались репликами, пока Ваксмахер, поставив стакан на стол, не потянулся к брюнетке. Она вначале отбросила его руку и Яне

показалось, что это отнюдь не был шутливый, провоцирующий жест кокетки. В этом жесте сквозила еле сдерживаемая неприязнь. Потом она все-таки дала себя приласкать. Ваксмахер полез ей под юбку. Потом вдруг резко встал с дивана, схватил девушку и, быстро приподняв ее, опустил на стол. Его бокал полетел на пол. За ним бы последовала и голубая ваза, если бы он не отодвинул ее. Ваксмахер задрал ноги брюнетке, притянул ее на себя и, расстегнув ширинку, дернул ее черные трусики. Швырнул их на пол и углубился лицом в пах девушке.

Брюнетка легла на спину, расставив ноги и разбросав руки. Яна тоскливо отвернулась. Ей было не то чтобы стыдно, просто она чувствовала себя не вправе наблюдать за интимными ласками людей.

Когда Яна вновь повернулась, Ваксмахера уже не было. Брюнетка хлебнула из бокала и вдруг, быстро сев на диван, стала лихорадочно рыться в карманах пиджака своего любовника. Она обыскала пиджак, потом принялась за барсетку, которая лежала на кресле. И тут в комнату вошел Ваксмахер. Брюнетка отдернула руку от барсетки, как ошпаренная. Но Ваксмахер уже заметил, что она рылась в его вещах. Минуту он молчал, буравя злым и недоуменным взглядом свою подружку, потом набросился на нее с бранью. Он махал руками, тесня брюнетку к окну. Та неловко оправдывалась. Ваксмахер все больше кипятился, Яне даже показалось, что он вот-вот ударит девушку. Та, видимо, тоже чувствовала, что он может перейти к рукоприкладству, потому что, согнув руку в локте, все время держала ее у лица в целях защиты. Ваксмахер не унимался. Тогда, доведенная до отчаяния его злобным возмущением и нападками, брюнетка сама перешла в наступление. Она что-то ожесточенно выкрикивала, едва не налетая на своего любовника, который, не ожидая такого, стал даже пятиться. Слова kloкотали на губах девушки, как морская пена, взлохмаченная внезапно обрушившимся ураганом.

Яна следила за происходящим, затаив дыхание. Наконец это жестокое кино неожиданно завершилось потоком слез. Девушка упала на диван, согнувшись, спрятала лицо. Ее тело сотрясали рыдания. Ваксмахер растерялся. Он сел с измученным видом на диван и устремил усталый взгляд в потолок. Его бледное лицо было тусклым и опустошенным. Он приложил ко лбу ладонь, то ли проверял, нет ли у него жара, то ли утирал пот. Потом положил голову на спинку дивана и закрыл глаза. Девушка не затихала, наоборот, видимо, уязвленная хладнокровным молчанием любовника, она стала рыдать еще сильнее, потом закашлялась, скатилась на пол. Яна увидела ее искаженное страданиями лицо, по которому ручьем текли слезы. И тут Ваксмахера снова прорвало — он не терпел женского

плача. Он стал что-то быстро говорить, едва открывая рот. При этом лицо его не выражало ничего, кроме холодного презрения. По мере того, как он вещал, девушка плакала все отчаяннее. И тут он встал, раздраженно дернул пиджак, явно собираясь уходить. Брюнетка внезапно замолчала, испугавшись собственному бессилию. Ее слезы пробудили в любовнике не жалость, а презрение. Она утерла рукой лицо и теперь удивленно и подавленно смотрела на него, надевающего пиджак. Он молчал и тогда заговорила она. Она стала что-то капризно, словно делая одолжение, объяснять. Ваксмахер смотрел на нее с презрительной жалостью, потом иронично, без язвительности улыбнулся, очевидно, решив снизить к слабостям девушки. Она вскочила, вцепилась в его пиджак. Тут он снова начал проявлять раздраженное нетерпение, ему совсем не улыбалось продолжение этой мелодрамы. Он резко оторвал девушку от себя, что-то отрывисто и решительно сказал и, прихватив барсетку, направился к выходу.

Тут Джемма ткнулась холодным влажным носом Яне в руку. Милославская потрепала ее по спине, на минуту отвлекшись от дома, за которым вела наблюдение, но собака была чем-то встревожена. Она тихонько поскуливала, глядя в сторону дороги. Яна посмотрела туда и увидела качающийся свет фар, прорезавших ночной мрак. Какой-то большой автомобиль — Яна не могла различить его марку на таком расстоянии — медленно подъехал к дому и его фары осветили ворота. В их свете Яна заметила, как из машины вышел высокий мужчина. Он подошел к забору, подтянувшись на руках, заглянул внутрь двора и, удовлетворенно кивнув, снова сел в автомобиль, фары которого тут же погасли. Как раз в это время из дома вышел Ваксмахер и направился к своему «мерсу». По-видимому, он не заметил ничего подозрительного, потому что спокойно, насколько это было возможно после ссоры с брюнеткой, сел за руль и запустил двигатель.

Дав команду Джемме следовать рядом, Яна двинулась вдоль забора к воротам, туда, где застыла неизвестная машина. Милославская понимала, что приехавшие на ней ждут появления Ваксмахера, и решила поинтересоваться, чего именно они от него хотят. Несколько раз она едва не упала, в темноте споткнувшись о кочки, но благополучно добралась почти до самых ворот. Теперь в слабом свете луны она смогла рассмотреть, что приехавшая машина была джипом, в плавных обводах которого она узнала «Тойоту Лендкрузер». Рискую быть замеченной пассажирами «Тойоты», Милославская прокралась вдоль забора и спряталась за стволом огромного клена, росшего почти у самых ворот. Она успела присесть, обхватив

Джемму рукой за шею, до того как включился электродвигатель, открывающий ворота. Джип рванул с места, и пока Ваксмахер начал что-либо понимать, уже стоял, почти упершись мощным бампером в передок «мерседеса». На «Тойоте» зажглись все огни, включая те, что были закреплены на специальном кронштейне на крыше, и во дворе стало светло как днем. Милославская заглянула туда и увидела, как высокий мужчина и еще один поменьше ростом, но плотный и шустрый, выскочили с двух сторон из салона джипа и подбежали к «мерсу», перекрыв Ваксмахеру пути отступления. Высокий рванул левую дверку «мерина», но она оказалась заблокированной. В это время «мерседес» дал задний ход, и парни, державшиеся за ручки дверок, едва устояли на ногах. Но деваться «мерседесу» было все равно некуда, так как в воротах громоздилась «Тойота», сдвинуть которую с места, легкому «мерседесу» было как минимум проблематично. Ваксмахер и не стал этого делать, но из машины не вышел.

Парни, зная свое преимущество, спокойно достали из-за поясов один пистолет ТТ, другой — израильский УЗИ, подошли к машине Ваксмахера и направили стволы на водителя.

— Вылезай, гнида, — громко приказал тот что был пониже, — и заглуши двигатель. Ну, живо!

Ваксмахеру пришлось подчиниться. Он открыл дверцу, вышел на улицу и тут же получил стволом пистолета в солнечное сплетение. Он согнулся пополам, глотая ртом воздух, словно рыба выброшенная морем на берег, но не успел отдышаться, как высокий добавил ему коленом в лицо. Удар сперва распрямил Ваксмахера, но потом он упал на колени, схватившись руками за голову. Парни спокойно ждали, пока Ваксмахер очухается.

— Где? — спросил тот, который был пониже, когда Ваксмахер поднялся на ноги.

— Что? — непонимающе уставился на него Михаил.

— Объясни ему, Колян, — приказал низкий, который, судя по всему, был старшим, высокому.

Колян, не заставляя себя упрашивать, сунул УЗИ за пояс и, схватив Ваксмахера рукой за шею, кулаком другой снова ударил в живот. На этот раз он не дал ему упасть, держа за шиворот.

— Эй, что вы делаете? — на крыльцо выскочила брюнетка.

Она была почти полностью одета, только кофточка на груди была застегнута не на все пуговицы.

— Зайди в дом, — низкий направил на нее ствол пистолета, — и не

высовывайся, если не хочешь, чтобы тебя поймали во все дырки. Ну, быстро, — прикрикнул он на нее.

Дрожа от страха, брюнетка спряталась в доме и захлопнула за собой дверь.

— Ну как, вспомнил? — старший повернулся лицом к Ваксмахеру, которого Колян держал сзади за горло.

— Гарик, — Колян тряхнул как следует Михаила и посмотрел на старшего, — может, ему еще выписать?

— Погоди пока, — отозвался Гарик, пытаясь заглянуть Ваксмахеру в глаза. — И поверни его к свету, чтобы его рожу было лучше видно.

Колян развернул Михаила Анатольевича лицом к «Тойоте», продолжая сжимать его шею.

— Ну как, — Гарик приставил ствол ТТ к щеке Ваксмахера, — будешь говорить?

— Буду, — Михаил сглотнул кровь, которая натекла в рот из разбитой губы.

— Замечательно, — удовлетворенно хмыкнул Гарик. — Тогда я жду.

— Того, что вы ищете, у меня нет, — покачал головой Ваксмахер, — но я постараюсь достать... дня через три-четыре.

— Бля буду, врет, — Колян сдавил горло Ваксмахера, отчего тот захрипел, тщетно пытаясь высвободиться.

— Если врет, ему же хуже, — пожал плечами Гарик. — Да отпусти ты его, он же задохнется, — приказал он Коляну.

Тот повиновался, отшвырнув Ваксмахера на капот его же «мерседеса». Гарик подошел к нему сзади и, перехватив пистолет в левую руку, правой ударил по спине. Когда Михаил Анатольевич упал, он принялся бить его ногами.

«Черт побери, — пронеслось в голове Милославской, — они ведь могут убить его! А если убьют его, то не оставят в живых и брюнетку, которая видела их». Возможно, конечно, что эти двое не собирались убивать Ваксмахера, потому что хотели от него что-то получить, но Милославская уже решила действовать.

— Джемма, фас, — шепнула она собаке, которая стояла у ее ноги.

Джемма в несколько прыжков преодолела расстояние до Гарика и вцепилась в руку, в которой он держал оружие. Взвыв от боли и неожиданности, тот выпустил пистолет и упал на землю, пытаясь вырвать руку из пасти. Колян был ошарашен не меньше своего начальника и в первый момент просто стоял с раскрытым ртом, наблюдая, как собака терзает вопящего Гарика. Потом он все-таки выхватил из-за пояса УЗИ, но

стрелять не решался, боясь попасть в своего приятеля. Оставив на время поверженного противника, который уже перестал сопротивляться, Джемма бросилась на Коляна. Он снял оружие с предохранителя, но выстрелить не успел. В тот момент, когда он уже почти надавил на курок, Джемма всей массой ударила его в грудь и сбила с ног. Ночной воздух прошила длинная очередь. Яна подбежала к месту сражения, когда почти все уже было закончено. Она собиралась поднять пистолет, выроненный Гариком, но увидела его в руках у Ваксмахера, сидевшего рядом с капотом своего «мерседеса», с удивлением глядя на непонятно откуда взявшуюся Милославскую.

— Добрый вечер, — произнесла она и пояснила: — Это моя собака.

— Не такой уж он и добрый, — Ваксмахер сунул ТТ в карман пиджака, тыльной стороной ладони вытер кровь с лица и посмотрел на корчащегося под Джеммой Коляна, плашмя лежащего на земле. УЗИ валялся в двух шагах от него. — Как вы здесь оказались? — Ваксмахер поднял УЗИ и сунул его за пояс.

— Решила прогуляться на ночь глядя, — ответила Милославская. — Кто эта девушка в доме?

— Ольга. Дочь Якова Григорьевича, — Михаил Анатольевич открыл багажник «мерседеса» и достал оттуда кусок провода.

Яна с интересом наблюдала за его действиями. Он действовал методично, как запрограммированная машина. Связал сначала Гарику руки за спиной, потом тоже самое проделал с его подчиненным. Потом приказал им подняться и выйти за ворота. Затем, оставив их на попечении Джеммы, сел за руль джипа и выгнал его со двора. Яна приказала Джемме охранять, а сама вернулась к дому вместе с Ваксмахером. Он вошел в дом и вышел оттуда вместе с Ольгой.

— Ну что, поехали? — сказал Михаил, после того как представил женщин друг другу. — Вас подвезти, или вы на машине? — повернулся он к Милославской.

Несмотря на небольшие внешние размеры, внутри «мерседес» оказался довольно вместительным. Ольга села на заднее сиденье, а Яна устроилась рядом с Ваксмахером. «Мерс» плавно выкатился за ворота, осветив живописную группу. Гарик с Коляном отдыхали на траве спинами друг к другу, рядом со своим джипом, а Джемма с независимым видом сидела рядом, широко раскрыв пасть и поглядывая на приятелей. Михаил Анатольевич не выходя из машины, закрыл с пульта ворота и высунулся в окно. Он бросил оружие рядом с машиной, на всякий случай протерев его тряпкой.

— Больше не попадайтесь мне на глаза, придурки, — крикнул он бандитам. — Когда развяжетесь, можете забрать свои пушки.

Гарик открыл было рот, чтобы ответить, но тут же передумал, когда увидел рядом со своей головой оскаленную собачью пасть. Милославская позвала Джемму, и собака с видимым сожалением и радостью бросилась к машине. С сожалением, что ей не дали дальше позабавиться с этими кретинами, и радостью от близости с хозяйкой. Она устроилась на коврике и засопела, тычась мордой Яне в ноги.

— Что хотели от вас эти уроды? — Милославская закурила и повернулась к Ваксмахеру, который вел машину по трассе.

— Понятия не имею, — пожал он плечами.

— Может быть, то же самое, что искала в ваших вещах Ольга?

— Не понимаю, о чем вы, — Михаил Анатольевич тоже достал сигарету, но курить ему было не слишком-то удобно из-за разбитой губы.

— А вы, — Яна обернулась назад, к Ольге — вы тоже не понимаете?

— Почему вы об этом спрашиваете? — вопросом на вопрос ответила та.

— Потому что я ищу убицу Жени Галкиной. Ее убил кто-то, кто хотел у нее что-то найти. Возможно, то же самое, что требовали от Михаила Анатольевича эти типы. Так вы не хотите мне сказать, что это такое?

Ольга молчала, зато заговорил Ваксмахер.

— Лучше бы вам бросить это расследование и не заниматься самодеятельностью, — Ваксмахер со злостью выкинул недокуренную сигарету в открытое окно, — а то и с вами может случиться тоже самое, что с Женей.

— Не могу, — покачала головой Милославская, — она мне заплатила аванс, поэтому я найду ее убийцу.

— Бросьте, — поморщился Ваксмахер, — Галкина мертва и отчитываться вам не перед кем. К тому же, она не могла поручить вам расследовать свое собственное убийство.

— Конечно, нет, — снисходительно улыбнулась Милославская, — но она была уверена, что за ней следят, и как оказалось, не ошиблась. Я вас спрашивала уже про белую «стодешатку», ведь так?

— Не знаю я никакой «стодешатки», — раздраженно посмотрел на Яну Михаил, — что вы ко мне прицепились?

— Будь повежливее, — сделала ему замечание Ольга, — человек нас спас, а ты...

— Я сыт по горло твоими капризами, — презрительно бросил он ей, — не доставай меня.

— Так что вы искали у вашего друга? — Яна повернулась к Ольге.

— Что-что, — скривил Ваксмахер рот. — Доказательства, что я ей изменяю! Или я вру?

Теперь уже он обернулся назад. Ольга подавленно молчала.

— Я вам не верю, — покачала головой Милославская. — Вы предлагаете мне бросить расследование, предупреждая, что оно не доведет до добра, а сами, утаивая правду, ставите близких под удар!

— Давайте тихо-мирно доедем до дома, — отмахнулся Ваксмахер, — у нас у всех был нелегкий день. А вот шпионить нехорошо! — язвительной добавил он.

— Приходится, — с притворным сожалением вздохнула Яна, — вы сами вынуждаете меня...

— Вам понравилось? — колко спросил он.

— Не очень, — вполне искренне ответила Милославская.

— Слишком слезливо, да? — жестким голосом произнес он.

В углах его губ притаилась ехидная, вызывающая усмешка.

— Я запрещаю тебе так говорить обо мне! — вскипела брюнетка.

— Я говорю не о тебе, — с безжалостной назидательностью процедил он, — а о спектакле. Наша гостья видела все через окно и долго будет еще находиться под впечатлением от увиденного.

Он провоцирующе усмехнулся, скосив глаза на Яну.

— Интимные подробности меня мало занимают, — быстро нашлась она, — я не вуайеристка...

— Правда? — с фамильярным недоверием перебил ее Ваксмахер. — Что же вам тогда понадобилось здесь?

— Я ищу то, что вы прячете, — не моргнув глазом сказала Яна, — из-за чего убили Женю. И я узнаю, кто ее убил.

— Боже, — воскликнул Михаил, — сколько патетики! Слышишь, дорогая? — он немного повернул голову в сторону.

Ольга неодобрительно молчала.

— Вы могли бы мне очень помочь, Ольга, — проникновенно заговорила Милославская, — вы сами убедились, к чему может привести ваше нежелание говорить.

— Оставьте ее, ей сейчас не до этого, я прав, дорогая? — с притворным участием сказал Ваксмахер.

— Заткнись! — злобно бросила Ольга. — Не желаю тебя больше слушать!

— О, наша беби показывает зубки, — нагло вато ухмыльнулся Ваксмахер. — Видите, она не в себе. Искала-искала, да ничего не нашла. Я

верен тебе, крошка, а ты подняла такую бучу! — вкрадчиво улыбнулся он напоследок.

Его голос дрожал от ласкового упрека.

— Вы поможете мне? — спросила Яна у Ольги.

— Не понимаю, что вы от меня хотите? — Ольга похоже тоже заразилась фальшью.

— Не прикидывайтесь, — разочарованно вздохнула Милославская. — Что вы искали?

— Миша вам все уже сказал, — резко ответила Ольга, — я лишь могу подтвердить его слова.

Яна замолчала. Она осторожно достала из сумки карты и, проявляя чудеса ловкости — в салоне бело темно — нашла «Внушение». Накрыла карту ладонью и попробовала сосредоточиться, мобилизовать свою внутреннюю энергию. Но у нее ничего не выходило, никакого тепла она не чувствовала. «Я слишком устала для гадания, — подумала Яна, — нужно будет попробовать в другой раз».

Они уже въезжали в город. Он спал, укрытый серым тяжелым воздухом, чреватый дождем. Редкие придорожные огни на миг слепили, потом ускользали в ночь, словно захлебывались в ее чрених свинцовых водах. Уныние пейзажа усилило Янино разочарование. Конечно, она не ожидала, что именно сегодня решит проблему, но все-таки она претендовала на небольшой шаг, на мизерное продвижение вперед по пути расследования. И что же она выяснила? Ваксмахер является любовником дочери Засурского. Она тоже в поисках. Ищет некий предмет, который искали у Жени? Что тут можно предположить? Зачем Ольге понадобилось нечто, что, возможно, скрывала Женя? Если Ольга обшаривала одежду Ваксмахера, значит, она догадывается, что вожделенный предмет у него. Но откуда она узнала об этом и почему хотела завладеть им тайно от любовника? Чем может обладать Ваксмахер, что жизненно важно для Ольги? А те двое, они ведь едва не убили Ваксмахера, требуя у него что-то. Кто они, на кого работают? На Засурского? Что за возня происходит в этом казино?

— Здесь в гору, — Яна вынуждена была прервать поток своих мыслей, потому что они уже подъехали к «Газавтоматике».

— Окей, — с оттенком самодовольства улыбнулся Ваксмахер, — эк вас занесло, — почти весело качнул он головой.

Дома Яну ждало сосредоточенное молчание стен, комнаты, похожие на аквариумы забвения и тишины. Она медленно разделась, и, оставив одежду на кресле, легла в кровать. Джемма растянулась на своем коврике. Яна и не

заметила, как голубой поток ее мыслей, несущий ее сквозь ночь, выплеснулся в широкое, бескрайнее море сна.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На следующее утро Яна позвонила в квартиру Засурских. Она хотела поговорить с мачехой Антона. Решила, так сказать, зайти с другого фланга. Трубку продолжительное время не снимали, потом Яна услышала заспанный женский голос.

— Да-а, — похоже, это «да» переросло в зевоту.

— Доброе утро, извините, если разбудила вас, — Яна поняла, что у телефона Геля.

— Обычно я в это время еще не встаю, — капризно протянула мачеха Антона.

— Я была у вас, меня зовут Яна... Мне нужно с вами поговорить. Вы не могли бы уделить мне полчаса?

— Даже не знаю, — голос с сибаритскими интонациями выделявал прихотливые вензеля, — я, честно говоря, не представляю, чем могу помочь вам.

— Мне нужно просто поговорить с вами, — Яна говорила предельно мягко, поняв, что с ней беседует избалованная женщина.

— Даже ума не приложу, — воркующим голосом произнесла Геля. — Хорошо, давайте встретимся через два часа в каком-нибудь приятном месте.

— Может, мне проще приехать к вам?

— Нет-нет, — быстро сказала Геля, — мне все равно в город. Кафе «Ривьера» вас устраивает? Это на проспекте.

— Да, я знаю. Что ж, я вам очень благодарна, что согласились поболтать со мной.

— Господи, какие мелочи! — засмеялась Геля, и Яна различила в этом смехе нотки сытого довольства и пренебрежения.

Яна приняла ванну, сварила кофе, выкурила сигарету и устроилась с картами у журнального столика. Она выбрала карту «Взгляд сквозь пространство».

Положила на нее ладонь, все еще пахнущую лавандовым гелем, и, прикрыв веки, стала медитировать. Она хотела для себя намека — что это за загадочный предмет, который никому не дает житья, где его можно найти, у кого. Из черноты, застлавший поначалу Янин взор, выплыли очертания комнаты, в которой не было ничего от домашнего жилища. Яна поняла, что это какой-то офис или контора, что-то в этом роде. Тусклыми

экранами на нее смотрели выключенные мониторы компьютеров, занимавшие два длинных стола, вытянувшихся вдоль прикрытых наполовину белыми жалюзи окон. Яна видела встроенные в стены шкафы, коричневый кожаный диван, два кресла, овальный стол, на одном углу которого лежали цветные, толстые папки, а ближе к центру — принадлежности для письма. Особенно выделялась резная деревянная вазочка для карандашей. Она казалась забредшей сюда невесть откуда, ее желтое дерево не вязалось с черными поверхностями столов, строгими контурами дивана и шкафами.

Комната была пуста, но Яне не давало покоя чувство, что это временное явление. Предметы замерли, будто их, минуту назад кружащих в вихре, остановил чей-то грозный взгляд. Воздух был спрессован в тоскливое облако ожидания. Являясь частью этого заряженного ожиданием пространства, Яна застыла, предвосхищая некое событие, которое должно было одеть эту комнату смысловой оболочкой. Яну забавляла отчетливость, с которой она видела интерьер, такой пронзительной ясности видения ей часто не хватало. Едва она успела подумать об этом, как дверь в кабинет распахнулась и она к своему удивлению увидела Ольгу с озабоченным, даже расстроенным видом, папкой в руках. Она была одета как секретарша, в черный костюм и белую блузку. Уголки блузки были аккуратно выложены на лацканы пиджака. За ней следом появился Яков Григорьевич. Было очевидно, что разговор они начали еще за пределами комнаты, Яна видела их шевелящиеся губы, их искаженные гримасами лица. Разговаривали они на повышенных тонах, Засурский, похоже, в чем-то упрекал дочь. И внутри Яны шевельнулась холодная насмешка, полная недоумения и неодобрения. Вчера Ваксмахер отчитывал Ольгу, в видении это делал ее отец. Она, что, — проскользнула у Яны мысль, — вечно должна обороняться?

Засурский уже кричал на дочь, его лицо покраснело, взгляд метал молнии, он бегал по кабинету, наплевав на свою солидность, потом с трагически поднятыми руками остановился у сейфа, открыл его и заглянул в его зияющую черной пустотой пасть. Затем резко, как марионетка выпрямился, и указывая на сейф, что-то сказал Ольге. Она с каменным лицом опустилась в кресло. Это видение, как большинство из Яниных видений, проходило в молчании. Но на этот раз у Яны была возможность думать об этой неестественной тишине, как о компенсации за полную ясность. Эта мысль делала досаду от разлившегося перед Яной безголосья не такой острой, словно Яна была слепцом, чьи пальцы обрели чудовищную силу осязания и это примиряло с жизнью.

Но это продолжалось не долго. Вскоре видение исчезло, причем не

просто погасло, растаяло, а выключилось молниеносно, как телевизор. Яна открыла глаза — кофе остывал на столике. Она взяла чашку трясущимися от напряжения руками, поднесла ко рту, отхлебнула и, поставив чашку на место, положила голову на диванную спинку. Сердце тарабанило как оглашенное. Яна попробовала сделать несколько специальных упражнений, чтобы привести себя в норму. Но бросила это занятие, решив, что лучше просто посидеть в расслабленной позе. Взгляд ее уперся в потолок, стал медленно блуждать по нему, не задерживаясь ни на какой точке.

Что это за кабинет? Это ведь не кабинет Засурского в казино, если, конечно, он не извращенец и не держит пару кабинетов. И что там делала Ольга. Что за папку держала? Речь шла, — Яна не сомневалась в этом, — о той вещице, которая исчезла. Что это могло быть? Что секретное и важное, что в случае исчезновения сулило большие неприятности Засурскому. Это очевидно. Засурский, по всему виду, упрекал Ольгу в краже. А та на даче стала обыскивать карманы Ваксмахера. Это значит, что Ольга или передала предмет Ваксмахеру, а потом опомнилась и захотела вернуть отцу, так как последний разоблачил ее, или не имела к похищению никакого отношения, но, выслушав от отца упреки и наводку, решила прошмонать карманы Ваксмахера. Так она была уверена в том, что предмет у ее любовника, или действовала наугад?

Те люди, приехавшие на дачу Ваксмахера... Видимо, Засурский послал их, чтобы изъять у Ваксмахера этот ценный таинственный предмет. Значит, Засурский убежден, что драгоценное нечто находится у Ваксмахера? Выходит, что так.

Яна перевела дыхание. Дрожь в руках унялась. Она выпрямилась, закурила и стала прихлебывать из чашки кофе осторожными глотками. Покончив с кофе, Яна занялась завтраком. Ограничившись консервированными артишоками и стаканом апельсинового сока, она снова села за карты. Но дело не шло. Тогда она достала «Джокера». Работа с ним требовала вдвое меньше сил, поэтому у Яны была слабая надежда, что он ответит. Она мысленно сформулировала вопрос, а именно: где, у кого находится предмет, похищенный у Засурского, и вообще что это такое?

И тут Яну постигло глубокое разочарование. «Джокер», с которым она решила поработать, опять посмеялся над нею, явив на этот раз какой-то средиземноморский пейзаж. Она словно плыла на яхте по лазурной лагуне, а вдалеке на фоне абсолютной небесной синевы чеканился контур ослепительно-белой виллы. С верхней террасы взгляд Яны соскользнул к подножью, к увенчанной зубцами геометрически правильной стене, вставшей у самой воды. За виллой высоко поднималась покрытая лесом

гора, яркая зелень которой добавляла разнообразия в сине-белый колорит панорамы. Солнечный свет омывал это грациозное и простое по форме сооружение, розовые крыши обеих террас, венчающих квадратные зубчатые башни. Яна различала перила изящных лесенок, соединявших их, горку камней, собранных у стены. Блистательный силуэт виллы беломраморными колоннами висел в чуть дрожащем зеркале залива. Яна даже залюбовалась. Но как только в ее мозгу возник законный вопрос: какое это имеет отношение к делу, видение исчезло.

Яна усмехнулась полумесяцу, изображенному на карте. Взглянула на часы. До встречи с Ангелиной оставалось чуть меньше часа. Яна стала собираться.

Выйдя из дома, она с удовольствием отметила, что значительно потеплело. Она ненароком вспомнила только что явленный ей пейзаж. И улыбнулась. Без пятнадцати двенадцать она была в кафе. Заказав белое вино, она удобно устроилась у окна. К тому времени, когда стрелки на ее наручных часах замерли на цифре двенадцать, она выпила полный фужер.

Ангелина опоздала на десять минут. Яна в принципе ждала от нее чего-то такого. Та вошла высоко держа голову и чуть скосив глаза вниз. Высокая, стройная, тщательно накрашенная, в облегающей юбке цвета свежераспотрошенной горбуши и красной блузке со стильно увеличенными манжетами, огромными треугольниками спадавшими на кисти рук. Но, видимо, на прическу у нее не хватило достаточно времени, она подвила лишь длинную косую челку, остальные пряди прямыми полосками падали на плечи. Как только она, сухо поздоровавшись, села за стол, Яна различила на ее большеносом, породистом лице признаки беспокойства, которое скрывалось под презрительной гримасой, слегка оттягивавшей уголки губ.

— Чем я могу вам помочь? — натянуто улыбнулась Геля, доставая из узкой лакированной сумки сигареты и зажигалку.

— Я расследую смерть Жени Галкиной, — начала Милославская, заметив, как дрогнули тонкие брови Гели, — ее убили в прошлое воскресенье.

— А я-то тут при чем? — с высокомерной улыбкой спросила она.

Геля достала сигарету, взяла зажигалку и закурила. В быстроте ее жеста чувствовалась нервозность.

— Ваш муж...

— Что? — напряглась Геля.

— ...был любовником Галкиной, также как и Антон, — ровным голосом произнесла Яна.

— Яша? — она изобразила насмешливое удивление, словно Яна

сказала какую-то вопиющую вещь. — Вы меня разыгрываете!

— Да нет, это всем было известно, — пожала плечами Милославская.

— Кому это всем? — сдвинула брови Геля.

— Ваксмахеру, например, — Яна тоже закурила, — не думайте, что я пригласила вас поговорить, чтобы обсуждать с вами измену вашего супруга. Я бы никогда не позволила себе вмешиваться в личную жизнь людей, разоблачать неверного мужа, если бы не была уверена, что вам известно о его похождениях.

— Увольте меня от вашего тона, — брезгливо поморщилась Геля.

— Извините, — Яна стряхнула пепел. — У меня к вам несколько вопросов.

— Слушаю, — Геля смотрела на Яну из-под полуопущенных век, подперев лицо руками.

— Вы не знаете, что ищет ваш муж?

— То есть? — не поняла Геля.

— В квартире Галкиной было все перерыто, у нее что-то искали. Это же ищет ваш муж, да и Ваксмахер.

— Это их дела, я не имею к этому никакого отношения, — Геля подозвала официанта, заказала розовое вино и лимонное суфле.

— Где, если не секрет работает Ольга?

— Как где? — передернула плечами Геля, — в банке. Папочка ее туда устроил. Она что-то вроде менеджера. Все могли бы быть менеджерами, имей они таких папочек.

Яеа поняла, что Гелино ехидство имело источником длительную, долго скрываемую обиду.

— А ваш муж, он какое отношение имеет к банку?

— Не знаю, — угрюмо проговорила Геля. — Я не лезу в его дела.

— Вы были у Ольги на работе? Мне понравился ее кабинет...

И Яна описала явившуюся ей комнату. Она учла каждую деталь. Геля была здорово удивлена, но ее лощеное самодовольство, упоение собой и горделивое презрение, которое она привыкла выказывать, похоже, всем без исключения, заставили ее убрать выражение изумления с лица, плотнее сжать чуть приоткрывшиеся губы и растянуть их в скептической усмешке.

— Это не ее... — Геля осеклась.

— Не ее кабинет, хотели вы сказать, — подхватила Яна, — тогда, наверное, кабинет Якова Григорьевича?

— Да, — выдохнула Геля, — он ведет с банком какие-то дела. Но мне на это начхать, — с упрямым видом закончила она.

— Не сомневаюсь в этом, — улыбнулась Милославская. — Так с

каким банком, вы сказали, ведет дела ваш муж?

— Ничего такого я не говорила, — презрительно передернула плечами Ангелина, — не пытайтесь поймать меня, как это делают в дешевых детективах. Но раз уж я пришла, то могу сказать, Яков Григорьевич — это не является секретом — член совета директоров крупного банка. Вас интересует что-то еще?

Она с оттенком пренебрежения посматривала на Милославскую, но всякий раз как их взгляды встречались, старательно отводила глаза, делая вид, что это получается у нее машинально. Яна видела явное нежелание хоть как-то ей помочь, да и не было у этой избалованной женщины видимых причин для такой помощи. Возможно, она действительно не интересовалась делами своего мужа, как обычно и бывает в таких семьях, а может — Яна решила что именно это второе предположение верное — она знает что-то, но не имеет никакого желания посвящать Яну в семейные тайны. В таком случае, по-своему, она, конечно, была права, но только в том случае, если не скрывала чего-то, что могло бы пролить свет на убийство Галкиной.

— Я понимаю, — после некоторого молчания сказала Милославская, — что вы не обязаны откровенничать со мной. Но убит человек, могут погибнуть еще люди, и если вы что-то знаете...

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Только то, что сказала, — грустно улыбнулась Яна. — Я не могу заставить вас сказать мне правду, потому что это, возможно, повредит кому-то из ваших родственников, но подумайте...

— Родственников?! — неестественно рассмеялась Ангелина, — Каких таких родственников? В этом городе я совершенно одна. Мой муж почти не вылезает из банка, а вечерами и ночами просиживает в казино, называя это работой... А его детишки, которые как яблоки от яблони... Господи, как мне все это надоело! — она бросила потухший окурок в пепельницу и тут же прикурила другую сигарету.

Яна спокойно слушала ее эмоциональную речь, надеясь, что Ангелина сболтнет что-нибудь лишнее или натолкнет ее на какие-то мысли, но та вдруг замолчала.

— Я тут подумала, — словно размышляя вслух, произнесла Милославская, — что если, не дай Бог, конечно, с вашим мужем что-то случится, вы будете не самой бедной женщиной в городе. Вам ведь достанется все его состояние?

Судя по предыдущей горячности Ангелины, Яна ожидала гораздо более резкой реакции на свои слова, но ее собеседница только

поморщилась.

— Избавьте меня от ваших грязных инсинуаций, — недовольно сказала она. — Да, в этом случае, — согласилась Геля, — я буду богата, но зачем мне все это нужно?

— Вы хотите сказать, — едко заметила Милославская, — что вас интересуют только духовные ценности? Я уверена, что это не так. Поверьте, люди могут выдумывать, чтобы оправдать себя, любые мотивы, но за всеми ними стоят лишь три основных: нажива, страх и месть.

— А как же страсть? — делая вид, что заинтересовалась размышлениями Яны, спросила Ангелина. — Разве это не сильный мотив для убийства?

— Это только один из способов, чтобы скрыть первые три, — вздохнула Милославская. — Кстати, у меня такое впечатление, что ваш муж чем-то напуган. Он не делился с вами своими опасениями?

— Со мной — нет, — покачала головой Ангелина, — а вы спросите у него сами.

— К сожалению, он не настроен разговаривать со мной, а зря, возможно, я смогла бы ему помочь. Знаете, находить пропавшие вещи — одна из способностей экстрасенса, а мне кажется, что у Якова Григорьевича что-то пропало. Вы не знаете, что?

— Я уже сказала, что он не делится со мной своими заботами, — развела руками Засурская. — К сожалению, у меня назначен сеанс массажа и солярий, — сказала она, — так что не могу больше уделить вам времени.

Она поднялась, оставив на столе деньги за выпивку и суфле, к которому почти не притронулась.

— Спасибо, что согласились встретиться со мной, — Яна осталась сидеть за столиком.

Проводив глазами стройную, немного тяжеловатую фигуру Ангелины, Яна задумалась, вспоминая видения, вызванные при помощи «Джокера». Ее мысленному взору снова открылись картины солнечного побережья, огромные морские яхты на рейде, большие ласковые волны, набегающие на теплый белый песок, прибрежные виллы... Как все это может быть связано с убийством?

Вспомнилось ей также и то видение, которое появилось, когда она работала с картой «Взгляд в прошлое». Она снова увидела точеную фигуру Жени Галкиной, картины, развешанные в комнате и эту руку, которая держала кисть. Что-то ее насторожило в этой руке, показалось знакомым. У кого же она видела такие ухоженные пальцы? Причем, совсем недавно? Она заказала бокал вина и принялась мысленно перебирать людей, которых

ей довелось встретить за последнюю неделю. Сперва она, конечно, исключила из их числа женщин, потому как, руки хоть и были холеными, но принадлежали все же мужчине. Первым на ум почему-то пришел Засурский-старший. Яна вспомнила его руки с длинными узловатыми пальцами и сразу же отбросила этот вариант. Затем перешла к сыну Засурского. У того пальцы были такие же длинные, как у отца, правда, более изящные, напоминавшие скорее женские. Этот тоже не подходил. Ваксмахера она видела только вчера, правда, не в той ситуации, в которой можно обратить внимание на руки. Она вспомнила первую встречу с ним, когда он пригласил ее в кафе и представил его руки, державшие вилку, нож или фужер с вином. Нет, она отказалась и от этого варианта. Ногти Михаила Анатольевича, хоть и были ухоженными, но не настолько, чтобы сделать вывод, что он регулярно делает маникюр. Кто же оставался еще? Копелев? Его руки она видела, когда он делал ставки за рулеточным столом, но ей показалось, что у него на пальцах даже торчали заусенцы. И тут ее вдруг осенило. Как же она сразу не вспомнила этого типа, пытавшегося делать философско-психологические заключения. У него еще, кажется, какая-то профессия, связанная с искусством. Ну конечно, он же литературный критик, — Милославская представила себе слегка одутловатое лицо Льва Сигизмундовича, этого молодящегося франта в бежевом. Так вот, значит, о ком говорили карты в связи со смертью Галкиной. Только вот в какой связи? Неужели Браницкий убил Женю? Нет, — сразу же отвергла такое предположение Милославская, — этот никогда не сможет решиться на такое. Тем более, что убийство сковородой для такого эстета, как Лев Сигизмундович, выглядело совершенно неприемлемо. Искал ли он что-то в квартире Галкиной? Вполне возможно, учитывая то, что живет он с ней в одном подъезде и для этого ему не нужно было даже выходить из дома.

* * *

Подозвав официантку, Яна расплатилась и отправилась в гости к Браницкому. Он ее не ждет? Тем лучше. У него будет меньше времени собраться с мыслями. Чтобы не терять времени, она поймала такси и уже через пятнадцать минут поднималась по лестнице первого подъезда, где жил Браницкий. Она знала, что он занимал квартиру этажом выше той, в которой жила Галкина, но чтобы уточнить это, позвонила сперва Елизавете Петровне. Та оказалась дома. Удивившись, что снова видит Милославскую,

она все же сообщила ей номер квартиры Льва Сигизмундовича.

— Только он, кажется, куда-то вышел, — добавила она. — Я видела его в окно примерно полчаса назад.

«Замечательная старушка — все замечает», — отметила про себя Яна, вслух же поблагодарила соседку и все же поднялась на один этаж. Она позвонила в квартиру Браницкого несколько раз и, так и недождавшись ответа, пошла вниз. «Кажется, Елизавета Петровна права».

— Ну я же говорила, — встретила ее возле своей двери любопытная тетушка.

— А Лев Сигизмундович случайно не сообщил вам, куда направляется?

— Нет, — она с сожалением покачала головой. — Может, что ему передать?

— Только не говорите, что я к нему заходила, — попросила Милославская, в глубине души понимая, что просьба бесполезна. — Я хочу сделать Льву Сигизмундовичу сюрприз.

— Конечно, конечно, — закивала головой Елизавета Петровна, — я все понимаю.

«Как же, понимаешь ты», — Яна уже пожалела, что обратилась за помощью к соседке.

Она вышла на улицу и присела на скамейку, врытую рядом с подъездом, решив немного подождать Браницкого. Но Лев Сигизмундович домой не торопился. Проведя на лавочке почти целый час, Милославская решительно поднялась и вышла со двора. Заметив красную пластиковую ракушку телефона-автомата, она набрала номер рабочего телефона Руденко. Он оказался на месте.

— Есть какие-нибудь новости? — поинтересовалась Яна после того, как они обменялись приветствиями.

— Кое-что, — неопределенно ответил Три Семерки.

— Что, не хочешь говорить по телефону? — догадалась Яна.

— Точно, — выдохнул лейтенант.

— Давай тогда где-нибудь встретимся, — предложила Милославская. — У фонтана рядом с цирком тебя устроит?

— Буду там через двадцать минут, — согласился Руденко.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Яна уловила в его голосе недовольные нотки и шла на встречу с чувством тоскливой неуверенности. Она пришла первой, взяла банку пива у лоточников и устроилась на скамейке у фонтана. Лейтенант задержался почти на десять минут. Он подошел и устроился рядом. У него была кислая мина, не предвещавшая ничего хорошего. Кончики его усов, казалось, опустились ниже обычного.

— Ну что? — Яна бросила пустую банку из под пива в урну и повернулась к лейтенанту.

— А-а, — махнул он рукой, — начальство замучило. Требуется результатов. Когда ты позвонила, ко мне в кабинет как раз зашел якобы случайно наш подполковник.

— Что с Копелевым? — Яне не хотелось выслушивать жалобы лейтенанта, поэтому она сразу задала вопрос по существу.

— Хреново все, — Руденко достал сигарету и закурил, — ничего хорошего. Нашли мы этого свидетеля, которому ты на шею бросилась, да, он этого не отрицает, но номер машины он не запомнил, говорит, что не до этого было. После того, как ты на нем повисла... Я его понимаю...

— Какого черта, Семен, хватит тебе придуряться, — осадила его Милославская. — Он видел, как машина пыталась наехать на меня?

— Видел, — Руденко резанул рукой воздух, — только толку от этого никакого. Мы же не можем доказать, что это была машина Копелева — номера твой свидетель не видел. А Копелев подал заявление, что машину у него угоняли.

— Так почему же он сразу об этом не сообщил?

— А-а, почему, — всплеснул руками Руденко. — Неужели ты не понимаешь? Если машину кто-то угонял, значит, в ней, когда она на тебя чуть не наехала, был не он. А не сообщил об угоне сразу, как он говорит, потому что бросился ее искать. Потом вернулся, машина стоит на месте.

— А жена, она ничего не знает?

— Или правда не знает или только так говорит, — Руденко вздохнул, — я ее и так и эдак пытался крутить, ничего не получается... Спала, говорит, ничего не слышала. Так что все твои показания даже не стоит вносить в протокол, только бумагу переводить...

— В казино проверяли?

— Проверяли, а что толку? Все, кто видел, как Копелев уходил оттуда,

называют примерно одно и то же время.

— Он пытался меня убить, — в отчаянии воскликнула Яна. — Неужели ничего нельзя предпринять?

— В данный момент нельзя.

— А когда будет можно? Когда он меня на самом деле переедет?

— Хватит тебе, — отмахнулся лейтенант. — Мне и самому тошно.

— Ты-то хоть веришь, что я это все не придумала? — Милославская попыталась заглянуть ему в глаза.

— Верю — не верю, какая разница? — начал выходить из себя Руденко. — Мне нужны факты. Их пока у тебя нет. Когда будут, я сделаю все, что в моих силах и даже больше, а пока, ты можешь говорить все что угодно, толку от этого не будет никакого.

— Спасибо, Семен, — Яна выразительно взглянула на лейтенанта, — другого я от тебя не ожидала.

— Перестань, — Руденко даже не попытался сделать вид, что обиделся, — не думаешь же ты, что я заодно с этими...

— Не думаю, — скептически пожала плечами Милославская. — Вся эта шушера, во главе с Засурским-старшим, ищет какую-то вещь. И Ваксмахер, и дочка Засурского... Мне кажется, что именно из-за этого погибла Галкина. Возможно, она знала об этом, или даже эта штука попала ей в руки.

— О чем ты? — непонимающе посмотрел на нее Руденко.

— Вчера какие-то люди напали на Ваксмахера, — поделилась Милославская с лейтенантом. — Требовали у него что-то. Если бы я с Джеммой случайно не оказалась рядом, дело могло бы закончиться еще одним трупом, а может, и двумя.

Отвечая на вопросительный взгляд лейтенанта, она рассказала ему о вчерашнем вечернем происшествии.

— Ни фиги себе! — Руденко почесал в затылке. — Похоже, что дело серьезное.

— Ты только сейчас начал это понимать?

— Вот что, — серьезно заявил лейтенант, — ты одна из дома не выходи. Я сегодня поговорю с начальством, постараюсь обеспечить тебе охрану. Если дело зашло так далеко, они ни перед чем не остановятся.

— Да ладно, — махнула рукой Милославская, — я сама как-нибудь справлюсь. Буду брать с собой Джемму.

— Слушай, — повернулся к ней Три Семерки, — а ты не пробовала узнать, что они все ищут?

— Пробовала, — сказала Яна со вздохом, — только у меня какие-то

цифры получаются. Что за цифры, я сама понять не могу.

— Цифры, говоришь, — задумался Руденко, — цифры — это деньги, скорее всего.

— Я тоже так думаю, — согласилась с ним Милославская, — только что за деньги, вот в чем вопрос... По-моему, деньги из всей этой компании могут быть только у Якова Григорьевича.

— Согласен, — кивнул Руденко.

— Давай тогда предположим, что у него пропала какая-то информация, связанная с деньгами, — размышляла вслух Милославская. — Каким образом это может быть связано с убийством Галкиной?

— Ты же говоришь, что она спала с ним, — встрепенулся Руденко.

— И что?

— А то, — уверенно произнес лейтенант, — она эту информацию у него стащила, а он ее за это прикончил. Надо будет проверить его алиби.

— Ты, конечно, можешь это проверить, — Яна достала сигарету и зажигалку, — только я не думаю, что Засурский сам бы стал выполнять такую операцию. Даже если все так, как ты говоришь, он бы нанял исполнителя для своей затеи.

— Не похоже, — буркнул Руденко, — Галкину явно убил не профессионал. Причем, убил как-то впопыхах, первым попавшимся под руку предметом. Почему это не мог быть Яков Григорьевич?

— Не знаю, — повела плечами Милославская. — Есть у меня еще одна мыслишка, насчет Жениного соседа. Я только что была у него дома, но не застала.

— Думаешь, это он Галкину?..

— Нет, — Яна резко качнула головой, — но какое-то отношение он к убийству имеет.

— Опять карты? — Руденко поднял на нее вопросительный взгляд.

— И карты тоже, — Милославская закурила. — Ну, ладно, Сеня, — она слабо улыбнулась, — мне пора.

— Нет, все-таки я не пойму, — проигнорировал Руденко Янино прощание, — как этот пижон может быть связан с убийством?

— Он, мне кажется, что-то знает, но молчит...

— Почему молчит? — удивился Руденко.

— Денег предложили или свой какой-нибудь интерес преследует, — Яна стряхнула пепел, — мне ясно пока одно: его отношения с Галкиной не укладывались в рамки чисто соседских.

— Ты на что намекаешь? — хитро поглядел на Яну Руденко.

— Не удивлюсь, если они были любовниками, — Яна приподняла

брови и лукаво улыбнулась.

— Рылась в личных архивах этого Барн...

— Браницкого, — поправила Руденко Яна, — нет, не рылась, к чему мне это? У меня ведь есть карты!

— Ах, как я этого не учел! — с легкой ехидцей воскликнул Руденко. — И что же ты «видела»? Поделиться можешь?

— Видела руку Браницкого, видела комнату, где голой щеголяла Галкина. Причем это было жилище не городское, а сельское скорее. Значит, они на природе уединялись...

— Интересно, — озадаченно приподнял козырек фуражки и потер лоб Руденко, — мне он сразу не понравился...

Он брезгливо выпятил губы, не разжимая их. Яну очень позабавила эта гримаса. Кроме неприязни и отвращения эта гримаса диковинным образом выражала нечто позитивное. В нее Руденко умудрился вложить все свое неоднозначное обаяние, фундаментом которому служила его уверенность, что уж он-то знает в жизни толк и в людях разбирается. Он снова не ошибся, проявив чудеса психологической диагностики, а следовательно, жизнь имела смысл. И такой простой парень, как он, мог разгадать ее задумки, мог легко пройти по ее лабиринту и выйти к свету.

— Думаю даже, он знает, кто убил Галкину, — продолжала Яна подогревать оптимизм Руденко, — но что-то его удерживает от признания...

— Ну, хмырь, — покачал головой лейтенант.

На этот раз Руденко как бы разводил по разные стороны баррикады таких подозрительных и ненадежных при всем их лоске и образованности личностей, как Браницкий, и таких, не хватающих с неба звезд, но солидных и правдивых людей, как он сам.

— Так надо его встряхнуть как следует! — вскипел он.

— Так его нет дома. Кстати, он же говорил, где работает, — Яна посмотрела на Руденко.

— Я сам этим займусь, — лейтенант вдруг стал суетливым, и Яна поняла, что теперь ему не терпится проститься, дабы заняться Браницким.

Он жаждал проявить себя.

— Так позвони ему прямо сейчас, — Яна кивнула на телефонный аппарат.

— Позвоню с работы, а потом тебе перезвоню, — неловко улыбнулся Руденко.

— Хорошо, — вздохнула Яна.

Придя домой, Яна дала себе отдых. Примерно через час ей позвонил

Руденко, сказал, что узнавал о Браницком, тот уехал в командировку в Самару. Вернется только через два дня.

— Как назло! — воскликнул он. — Ну ничего, приедет, я с ним поговорю.

Его голос звучал угрожающе. Яна зевнула и повесила трубку. Понятно, лейтенант хочет присвоить все лавры себе, выпендриться перед начальством, вдруг повысят в звании. Яну в этом деле меньше всего интересовал меркантильный аспект, она чувствовала себя обязанной раскрыть убийство девушки, ибо испытывала угрызения совести. Займись она раньше делом Галкиной, поверь она в то, что та говорила о слезке за ней, девушка, возможно, была бы жива.

К вечеру Яна стала чувствовать беспокойство. Видение, представившее ей беседующих Антона, Ваксмахера и кого-то третьего, не выходило у нее из головы. Когда время стало приближаться к восьми, она нахлобучила парик, взяла Джемму за поводок, поймала машину и отправилась в «Мадрид». Собаку она оставила сидеть на газоне на приличном расстоянии от кафе.

Войдя в кафе, она с радостью отметила, что за стойкой тот самый русоволосый широкоскулый парень, которого она уже «видела». «Как будто этот парень является гарантом того, что видение воплотится», — усмехнулась Яна. Она заняла столик, сидя за которым, ей было бы удобнее наблюдать что происходит за соседним столом. Возможно даже, не просто наблюдать, а слушать. Яна поправила парик и стала ждать. Есть от волнения она не могла, но все же заказала салат с креветками. Яна неотрывно смотрела на дверь, ей даже стало казаться, что сила ее ожидания должна материализоваться в тех, кого она ждала.

Прошел примерно час, а Антона с Ваксмахером не было. Она уже начала думать, что вероятно, это тоже не «тот» вечер, как дверной колокольчик звякнул в который раз, явив изумленной и обрадованной Яне Ваксмахера и Антона. Их фигуры, тут же подпавшие под волшебство рассеянного красноватого света, протиснулись в зал. «Есть!» — Яна едва не вскрикнула от радости. Как раз в это время парочка за соседним столиком расплатилась за ужин и направилась к выходу. Антон показал Михаилу Анатольевичу на освободившийся столик. Они уселись, подождали, пока «тореро» уберет грязную посуду и сделали заказ.

Только сейчас Яна поняла, что сделала ошибку, сев за стол лицом ко входу. Конечно, с этого места было удобно наблюдать за «соседями», но не было слышно, о чем они говорят, к тому же, если бы она устроилась к ним спиной, ее сложнее было бы узнать. Впрочем, об этом Милославская могла

бы не беспокоиться: Засурский и Ваксмахер были настолько сосредоточены на самих себе и, как предполагала Яна, на предстоящей встрече с незнакомцем, что не обращали на соседние столики никакого внимания. Так что Яна без особого риска быть узнанной пересела спиной ко входу. Теперь она располагалась почти вплотную к стулу, на котором сидел Антон.

— Ну, и где же он? — услышала она его голос.

— Придет, Антоша, не дрейфь, — ответил Ваксмахер, — Проша такого дела не упустит. Из этого же можно раздуть такую бомбу!

— Во-первых, — со стальными нотками в голосе произнес Антон, — раздувают мыльный пузырь, а бомбу взрывают, а во-вторых, я тебе уже объяснял, что этого как раз нельзя допустить. Во всяком случае, пока.

— Нельзя, нельзя, — согласился Ваксмахер. — Кто же говорит, что бомбу будут взрывать прямо сейчас. Проша придержит все до поры до времени, а когда мы позволим — пустит в ход. Он ушлый парень, не зря же столько лет в журналистике...

— А если он сделает это раньше? Ты представляешь, Миша, что тогда может случиться?!

— Не дрейфь, я же сказал, Проша у меня на крючке. Я его зацепил за жабры, как дурную баклешку.

Они еще пару минут потягивали что-то молча из высоких фужеров.

— Добрый вечер, — нарушил их молчание незнакомый Яне голос.

Она слегка повернулась к проходу и увидела, как над столиком Антона и Михаила склонился русоволосый субъект с бородкой и усами, скорее походившими на недельную щетину. Прическа на прямой пробор открывала высокий, но довольно узкий лоб, глубоко посаженные глаза беспокойно бегали под прямыми бровями, а мясистый нос, казалось, вынюхивал где чем можно поживиться.

— Познакомься, Антон, — Представил его Вакмахер, — это Леонид Павлович Пронин. Можно Леня или Проша, — с усмешкой добавил он. — Садись, Леонид.

— Сесть мы всегда успеем, — Пронин хитро усмехнулся в усы и пристроился по соседству с Ваксмахером. — Угостишь чем-нибудь? — он скосил глаза на Михаила.

— Что-нибудь придумаем, — он жестом подозвал официанта. — То же самое, только на троих.

Милославская снова отвернулась, машинально ковыряя вилкой недоеденную рыбу. Сейчас она представлялась себе огромным ухом, или чувствительным микрофоном, улавливающим самые тонкие нюансы и оттенки беседы, происходящей за соседним столом. Она понимала, что

должно быть сказано нечто важное, прольющее свет на убийство Жени Галкиной, поэтому была внимательной вдвойне.

— Так какие проблемы, ребята? — Яна услышала, как кто-то щелкнул зажигалкой, скорее всего Пронин, который, опустошив свой бокал, решил закурить.

— Проблемы скорее у тебя, — слегка осадил его Ваксмахер, — но мы ребята добрые, можем дать тебе шанс выкрутиться. Есть одно дельце, — он понизил голос и Милославской пришлось еще больше напрячь слух, — сделаешь все как надо — прощу тебе долг. Да еще сможешь тиснуть статеечку в свою газетенку. Ну как?

— Миша, ты же меня знаешь, — как можно убедительнее произнес Проша, — если это не чистый криминал — я сделаю все в лучшем виде.

— Никакого криминала, Леня, — вступил в разговор Антон, — у меня есть кое-что, кое-какая информация, — пояснил он. — Ее нужно передать определенным людям, вот и все.

— И за это Миша простит мне долг? — недоверчиво спросил Пронин.

— Я даже добавлю тебе еще полштуки, — подтвердил Ваксмахер.

— Погодите, парни, — Пронин явно сомневался, что ему предлагают честную сделку. — Если я вас правильно понял, вы мне что-то дадите и это что-то я должен буду кому-то передать, так?

— Так.

— И за это я могу получить три тысячи баксов, с учетом моего долга тебе?

— Правильно.

— А почему бы вам самим не отдать это что-то, и ничего мне не платить, а? Это что, план свержения существующего постсоциалистического строя? Да за это даже сейчас могут сделать так, что я просто исчезну из этой жизни, не успев насладиться ее прелестями...

— Ты никогда не отличался особой сообразительностью, Проша, — Милославской показалось, что она видит, как Ваксмахер, говоря это, поморщился, — это не имеет никакого отношения ни к власти, ни к сегодняшней системе. Просто мы не хотим, чтобы люди, которым ты передашь информацию, знали от кого она к тебе попала.

— Ага, вы не хотите, понимаю. И что же это за люди?

— Какая тебе разница? — раздраженно прошипел Антон.

— Одна дает, другая дразнится, — огрызнулся Леонид. — Или вы говорите все как есть, или я — пас.

— Ну ты и придурок, Проша, — Антон явно начал выходить из себя.

— А если я включу тебе счетчик, Проша? — мягко произнес

Ваксмахер. — Вот у меня твоя расписочка, — Яна услышала шуршание бумаги. — Что ты на это скажешь?

За столом повисла напряженная пауза.

— Решай быстрее, время не терпит, — поторопил Прошу Антон. — Если согласен, получишь номер телефона, по которому сегодня же позвонишь и договоришься о встрече.

— И двести баксов аванса, — добавил Проша, — я совсем на мели.

— На, — Ваксмахер зашуршал купюрами. — Скажешь, что у тебя есть информация на Якова Григорьевича, запомнил?

— Запомнил, на Якова Григорьевича, — вяло повторил Пронин.

— Ну вот и ладушки, — Яна слегка обернулась и увидела как Ваксмахер похлопал Прошу по плечу. — Значит, договорились.

— А моя расписка? — поинтересовался Леонид.

— Получишь вместе с информацией, — вставил Засурский. — После того, как тебе назначат встречу.

— А если они спросят, что за информация? — поинтересовался Пронин.

— Скажи, что хорошая информация, просто замечательная, — усмехнулся Ваксмахер. — Ты же с них за это денег не просишь, дурень. Так что с тебя взятки гладки, понял?

— Понял, — угрюмо повторил Пронин. — Мне бы выпить еще.

— Перебьешься, — грубо осадил его Михаил. — На телефон, иди звони.

Милославская услышала, как отодвигается стул. Она посмотрела назад и увидела, что Пронин взял листок бумаги у Ваксмахера и направился к выходу.

— Думаешь сработает? — спросил Антон, когда они остались с Ваксмахером одни.

— Не дрейфь, Антоша, — приглушенно хохотнул Михаил, — сейчас все узнаем.

Он подозвал официанта и заказал еще выпивку.

Черт возьми, — думала Яна, — какого черта они замышляют? Так я и думала, у них есть информация на Засурского? Но кому они собираются ее передать, и самое главное, зачем? Ясно было одно, Антон Засурский и Михаил Ваксмахер в сговоре. Против Засурского. Хорошо, — размышляла Милославская, — допустим, есть компромат на Якова Григорьевича. Что это за компромат и как он попал к этой парочке — второй вопрос. Почему Антон с Ваксмахером не могут сами встретиться с клиентом и передать ему информацию? И как это связано со смертью Галкиной? Яна напрягала

извилины, но вопросов было больше, чем ответов. Что эта парочка может поиметь от Засурского? Антон зарится на его собственность? Даже если каким-то образом Засурский потеряет права на казино, то они перейдут к его жене, а никак не к сыну. А если у Засурского-старшего брачный договор с женой, который предусматривает какие-то ограничения? Это еще один вопрос. Но даже если это так, то у Антона есть еще сестра, которая имеет равные с ним права. И почему вообще Антон решил действовать против отца? Какую роль здесь играет Вакмахер? Может, у них с Антоном свой уговор? Здесь есть над чем подумать.

— А вот и наш журналист, — услышала она голос Антона, сидевшего лицом ко входу. — Кажется, у него есть для нас новости.

— Ну что? — это уже спрашивал Вакмахер у Пронина, который подошел к столику и плюхнулся на стул.

— Кажется, все нормально, — буркнул Леонид, — но сначала налейте выпить.

— Ладно, давай, — Вакмахер щелкнул пальцами, подзывая официанта, и повторил заказ для Пронина. — Теперь говори.

— Мне назначили встречу, — понизив голос, произнес Пронин. — Где ваша информация?

— Когда? — не ответив, спросил Антон.

— Завтра вечером.

— Где?

— Послушайте, парни, — голос Пронина вдруг стал твердым, словно башмачная подошва, — мы так не договаривались. Или вы даете мне информацию и расписку, и я сам довожу это дело до конца, или сделка расторгается. Я понятно выражаюсь?

— А если я не отдам тебе расписку? — попытался надавить на него Вакмахер.

— Катись ты к черту со своей распиской, — прикрикнул на него Пронин. — Если сегодня у меня не будет того, про что вы там наплели, я никуда завтра не пойду, так и знайте. Может, я и дурак, но не настолько, чтобы не понять, что представляют из себя ваши знакомые.

— Вот видишь, — сказал Вакмахер. — Похоже, он и вправду договорился. Давай твою информацию, Антон.

— Да разве этому писাকে можно верить? — вскипел Засурский. — Он же за тридцать серебрянников маму родную продаст.

— Чего ты несешь, ты? — сквозь зубы процедил Пронин. — Я, кажется, тебя не оскорблял, дорогой. Если ваше предложение остается в силе — гоните расписку и информацию, нет — до свидания.

— Погоди, Проша, не суетись под клиентом, — примирительным тоном произнес Ваксмахер, — Антоша просто погорячился, правда, Антон? Леня сделал все так как ему сказали, — теперь он обращался к Засурскому, — и он прав, требуя выполнения наших обязательств. Лично я готов вернуть ему расписку, если ты согласен.

— Ладно, — выдавил из себя Засурский, — держи. Только смотри, журналист, вздумаешь нас кинуть, отправишься раков кормить.

Он что-то передал Пронину, но Яна не успела заметить, что именно, хоть и обернулась назад, так как тот быстро спрятал это что-то в своем кармане. «Черт», — она едва не выругалась вслух.

— Расписку, — Пронин снова протянул руку, на этот раз к Ваксмахеру.

— Держи, — тот спокойно отдал ему бумажку. — Три сотни получишь после того, как доложишь о том, как прошла операция.

Расписка исчезла в кармане Пронина так же быстро, как и неизвестный Яне предмет. После этого сообщники быстро распрощались, предварительно договорившись созвониться, и вышли из кафе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Яна вышла следом. Она тут же свернула направо, потому что трое приятелей остановились. Поболтав немного, они, видимо, решили окончательно разойтись. Пронин пожал руку Ваксмахеру, потом Антону и пошел прочь. Антон вскоре тоже простился и сел в синий «фольксваген», стоявший возле кафе, и укатил. Ваксмахер опустил на переднее сиденье своего красного «мерседеса», но уезжать не спешил. И тут мимо Яны, делавшей вид, что она дышит воздухом вперемешку с сигаретным дымом, прошел Пронин. Быстрее, чем Яна успела что-то сообразить, он сел к Ваксмахеру. «Мерседес» тронулся.

Яна дождалась, когда он отъедет к светофору, позвала Джемму и стала голосовать. Из кафе к тому времени вышли два парня. Один рослый и широкоплечий, другой поменьше. Развинченной походкой они направились к своей машине. Лениво погрузились в серый «БМВ» и тоже направились к светофору. Яна не стала их тормозить. Она знала, что таинственный предмет находится у Ваксмахера. И еще она знала, что тот только что обвел Антона вокруг пальца.

Яна ринулась к желтому такси, припаркованному к кафе. Оно было свободно и она, плюхнувшись на заднее сиденье и приобнимая Джемму, попросила ехать в ту сторону, куда отправился «мерседес». Когда «Волга» подъехала к светофору, горел зеленый, поэтому она беспрепятственно повернула направо. У следующего поворота Яна увидела «мерседес» Ваксмахера. Даже в сумерках он выделялся из потока других машин своими плавными стремительными очертаниями. Яна догадывалась, куда едет Ваксмахер. Она увидела также знакомый темный силуэт. Пронин, поспешая, почти вприпрыжку шел к проспекту. Яна лишь усмехнулась. Мысли ее вернулись к Ваксмахеру. Она знала, что он хитрый тип, но все-таки недооценила его. Вот, значит, как он поступает с партнерами! Что же это получается? Загадочное нечто находилось все это время у Антона? Сын так ненавидит отца, что решает продать кому-то некую информацию, которая может крупно навредить последнему? Деньги нужны или дело принципа? Или месть за Женю?

Кто же тогда был в ее квартире? Ваксмахер? Он ведь был в курсе отношений Галкиной с Засурскими. Не найдя этого предмета и будучи застигнутым врасплох, он ударил девушку и скрылся. Потом Антон сам сказал ему, что располагает этой информацией. И Ваксмахер, этот мерзкий

пройдошливый тип, решил воспользоваться случаем. Логично. Не исключено, правда, что Галкину убил Засурский-старший.

Серый «БМВ» обогнал «Волгу» и, воспользовавшись открывшейся перед ним трассой, устремился вперед. Такси помедлило еще пару секунд, потом обогнало копошащийся «жигуль» второй модели и, настигнув «БМВ», пристроилась у него в хвосте. Создавалось такое впечатление, что иномарка тоже преследует «мерседес». Машины приближались к окраине, за которой простирались темные степные пространства. Луна приказала долго жить, поэтому в быстро темнеющем воздухе были видны только яркие огни фар,двигающиеся навстречу. Яна наблюдала за погоней, даже забыв на время о своих версиях.

Когда трасса опустела, а вдали замаячила гряда черных холмов, наполовину закрывающих небо, Яне стало окончательно ясно, что те двое парней в «БМВ» преследуют Ваксмахера. Яна от напряжения прикусила губу. Джемме передалось волнение хозяйки, она даже стала еле слышно поскуливать. Только водитель, по всей видимости, флегмат, не выражал ничего, кроме профессионального интереса. Он не отставал, повторяя, что наши «Волги» ничуть не хуже иномарок. Он не спрашивал Яну, на кой черт ей понадобилась эта гонка. Просто выполнял свою работу, да еще находил удовольствие в быстрой езде.

Вымотанная нервным ожиданием конца погони, Яна вернулась к своим размышлениям. Теперь ее занимало то, как она разберется с Ваксмахером и бандитами. Как ей нужно действовать? И что вообще предпримут отморозки? Они ведь тоже следили за Ваксмахером. Чьи это люди? Засурского? Непохоже.

И тут случилось неожиданное. Свернув на гравийную дорогу, идущую параллельно ельнику, Ваксмахер сделал быстрый и эффектный маневр, наподобие тех, которыми изобилуют американские боевики. «Мерседес» крутанулся, подпрыгнул, и слетев с дороги, застыл вполборота. Ваксмахер выскочил из машины и, пользуясь корпусом «мерседеса», как щитом, стал палить по «БМВ», едва успевшему сбросить скорость перед поворотом. Пассажиры «БМВ» скорее всего не ожидали такого поворота событий, из-за чего и поплатились жизнью. Или Ваксмахер был метким стрелком, или опасность заставила его мобилизовать все силы, во всяком случае, получилось так, что одна из выпущенных им пуль пробила бензобак «БМВ». Раздался оглушительный взрыв, на мгновение автомобиль подлетел на несколько сантиметров от дороги, охваченный пламенем, в диком порыве метнувшись к небу. Эта внезапная иллюминация потрясла округу. Машина рухнула и продолжала гореть. Огонь жадно пожирал

иномарку, выплескиваясь косматыми языками из ее почерневшего салона.

— Ни хрена себе! — флегмат, сидевший за рулем «Волги», резко затормозил, отчего Яну кинуло вперед.

Яна была ошарашена не меньше него. Она застыла с открытым ртом. Джемма залаяла. Дрожащими руками Яна взялась за ручку дверцы, рядом с которой сидела Джемма. Яна приоткрыла ее, желая выпустить собаку и потом выйти самой. В этот момент у нее перед глазами вырос темный силуэт. Она не успела еще что-то понять, как ей в лицо уперлось просунутое сквозь открытое окно дуло пистолета и Ваксмахер задыхающимся голосом, сказал:

— И ты здесь! Ба, да тебя не узнать... — он глухо засмеялся, — решила устроить маскарад, — он резким движением сорвал с Яны парик и бросил его на землю. — Выходи! И сучку свою выводи.

— Ты че, ты че?! — водитель «Волги» смотрел расширенными от ужаса глазами на Ваксмахера, которого заметно пошатывало. — С ума сошел?

— Заткнись и не дергайся, умник! — с угрозой бросил тот.

Яна улавливала горячий дым, выходящий из ствола «пээма». Она открыла дверцу такси, и тут Джемма без лишней паники, пользуясь маленьким замешательством, вылезла из машины и, ползком обогнув ее со стороны капота, прыгнула на Ваксмахера сзади. В прыжке она схватила его кисть и, увлекая за собой, рухнула на землю. Взяв верх над орущим Ваксмахером, она бросила его руку, но перехватила за горло.

— Фу! — Яна выскочила из машины и подняла с земли выроненный Ваксмахером пистолет.

— Убер... бер... Убери собаку, — хрипел бивший ногами воздух Ваксмахер.

— Я видела у вас рацию, — Яна наклонилась к водителю такси, — вызовите милицию и «скорую» и дождитесь их. Они смогут найти нас в двухэтажном особняке в конце этой дороги. А это вам за труды. Только уберите машину немного в сторонку.

Она достала сторублевую купюру из кармана джинсов и протянула ошалело глядящему на нее таксисту. Он онемел, и Яне пришлось буквально всучивать ему деньги. Скомкав сотенную, мужик надавил на педаль. Через минуту его уже не было. Только доносился издали приглушенный расстоянием шум мотора.

— Вставайте, Михаил Анатольевич, — Яна отстранила собаку носком туфли, — земля холодная. У меня к вам есть разговор. Только давайте с вами устроимся покомфортнее, скажем, в вашем особняке, идет?

— Что вам надо? — зло поглядел на нее сидящий на земле и потирающий шею Ваксмахер.

— Правду, — снисходительно улыбнулась Яна. — Не будем терять время, пойдёмте.

Она подняла с земли парик и спрятала его в сумку. Ваксмахер с трудом встал и поплелся к машине. Яна держала пистолет в вытянутой руке. Джемма следовала с правой стороны от Михаила.

— Заводите, — Яна распахнула дверцу и уселась на переднее сиденье.

Джемма проскользнула на заднее. Ваксмахер покорно занял место водителя. Вскоре они въехали во двор дачи.

— Открывайте, — Яна стояла на крыльце рядом с Михаилом.

Он повернул ключ в замке, потом достал другую связку, вставил длинный, по форме напоминающий золотой ключик из сказки, ключ в скважину. Сухое металлический скрежет предвещал открытие двери. Наконец, они вошли. В холле было темно. Ваксмахер включил свет и Яниным глазам предстала просторная комната, красиво оформленная рейкой из полированной ели. Два дивана и четыре кресла абрикосового цвета, образуя что-то вроде круга, занимали весь центр, по углам расположились стеллажи с книгами, сувенирами, фотографиями в рамках, у боковой стены камин приковывал взгляд геометрически правильными, «под готику» очертаниями. Два шикарных низких кресла изумрудно-пепельного оттенка словно два диковинных зверя разлеглись возле него. Контраст их пышному довольству составляла изящная этажерка на тонких металлических ножках.

— Как мило, — шутливо воскликнула Милославская. — Проходите, будьте как дома.

Она бросила на скрежещущего от бешенства зубами Ваксмахера ироничный взгляд. Он с нарочитой резкостью плюхнулся в кресло, Яна устроилась на диване.

— Я долго вас не задержу, — Яна подвинула к себе пепельницу из темного стекла, — у меня к вам предложение. В вашем духе...

— Что вы имеете в виду? — вскинул на нее потемневшие от бешенства глаза Ваксмахер.

— У вас находится какая-то информация против Засурского...

— Вы бредите, — судорожно усмехнулся Михаил Анатольевич.

— Прикажете Джемме вас обыскать? — лукаво сузилась глаза Яны.

— Хорошо, — тяжело вздохнул Ваксмахер, — допустим...

— Что это, покажите. Я уверена, что данная вещь у вас в кармане.

— В чем состоит ваше предложение? — со страдальчески

высокомерной гримасой спросил Ваксмахер.

— Что это? Пока вы не ответите мне на этот вопрос, я отказываюсь вести с вами дела, — Яна решительно посмотрела на него.

— Дискета, — он выложил на стол обычный конверт.

— Прекрасно, — удовлетворенно улыбнулась Яна. — Чтобы не тратить зря время, скажите, что на ней?

— Расчеты, — уклончиво ответил Ваксмахер.

— Ваш лаконизм меня не устраивает, что за расчеты?

— Здесь все, что Засурский утаил от своих деловых партнеров, — снова вздохнул Ваксмахер.

— От «крыши»? — уточнила Яна.

Михаил кивнул.

— Зачем вам понадобилась эта дискета? Вы хотели навредить шефу?

— Вам-то какое дело? — раздраженно хмыкнул Ваксмахер.

— Послушайте, в ваших интересах побыстрее покинуть этот милый домик. Вспомните о том, что случилось на дороге. Вдруг бандиты пришлют подкрепление. Вы, Михаил Анатольевич, играете в опасную игру. Как дискета оказалась у Антона?

— Украл у отца, — Ваксмахер сунул руку за отворот пиджака.

— Сидите спокойно, — Яна вскинула руку с оружием.

— Я просто хочу закурить, можно? — в его голосе сквозила язвительность. — Ваксмахер знал, что проиграл, но старался держаться с достоинством.

— Курите, — согласилась Милославская.

Она подождала, пока Ваксмахер закурит и обратит на нее внимание.

— Для чего Антон собирался передать дискету бандитам? — спросила она.

— Этого я не знаю, — ответил Ваксмахер. — Он просто попросил меня помочь ему, и я согласился.

— Если вы будете врать, мы не скоро освободимся, Михаил Анатольевич, — покачала головой Милославская. — Я же слышала ваш разговор в «Мадриде». Вы отдали свои деньги Пронину за красивые глазки? Не нужно думать, что я ничего не соображаю. Ну, — прикрикнула она на Ваксмахера, — будете говорить правду?

— Вы хоть понимаете, что это за дискета? — верхняя губа Михаила Анатольевича дрогнула в презрительной гримасе.

— Думаю, это баланс теневых денег, которыми Засурский должен был делиться с бандитами, а оставлял полностью себе. За такое, как я понимаю, по головке его бы не погладили. Только не вижу, какой вам-то от этого

прок?

— Вы не такая уж дура, — Ваксмахер выпустил в потолок струю дыма и на секунду замолчал. — Но я не могу сказать вам всего. Я уже сам не рад, что ввязался в это дело.

— Антон обещал с вами поделиться после того, как бандиты устранили бы его папашу? — Не обращая внимание на нытье Ваксмахера, спросила Яна.

— Да, — коротко кивнул он.

— Но ведь прямой наследницей Засурского является его жена, не так ли?

— Так, — согласился Михаил Анатольевич, — Антон убедил меня, что она у него на крючке. Он что-то знал о ней такого, что она не посмела бы отказать ему.

— Что же можно знать о человеке, чтобы быть уверенным, что он не попытается скрыться с деньгами? Это должно быть что-то очень серьезное.

— Кончайте пытаться меня, лучше спросите у него сами, — вспыхнул Ваксмахер.

— Спрошу, — спокойно произнесла Милославская и тоже закурила. — Значит, Пронин вам был нужен только для того, чтобы выманить дискету у приятеля, так?

— Господи, ну конечно. Антон никак не хотел, чтобы я сам передал ее тем людям, от которых зависела судьба его отца, поэтому и настоял, чтобы пригласить посредника.

— Посредника с вашей стороны? — Яна недоуменно вскинула брови. — Неужели он не мог предположить, что вы с ним сговоритесь? Что-то в это с трудом верится, а? Похоже, вы опять мне вешаете лапшу на уши. Так мы с вами ни о чем не договоримся, Михаил Анатольевич.

— Да я говорю вам чистую правду, — Ваксмахер швырнул окурок в пепельницу, — Антон настоял на том, чтобы я позвонил Пронину при нем и договорился о встрече. Я даже не успел предупредить его. Уже в кафе мне удалось подать Проше сигнал, чтобы он никуда не звонил. Он так и сделал.

— Кто убил Женю Галкину? — неожиданно спросила Милославская.

— Да откуда я знаю?! — возопил Ваксмахер. — Во всяком случае, не я.

— Но вы ведь взорвали машину с этими людьми...

— Я защищался, — выдохнул Михаил Анатольевич. — Они сами собирались убить меня. Это шушера...

— Как они узнали, что дискета у вас?

— Не знаю, — сквозь зубы процедил Ваксмахер. — Сам бы много дал

за то, чтобы выяснить это.

— А вы подумайте, — улыбнулась Милославская. — Кому это было выгодно?

— Че-орт, — вытаращил глаза Ваксмахер, — неужели Антон?! Значит, это он все подстроил, сволочь! Он догадался, что я собираюсь его подставить и сыграл на этом, сам «накапав» на меня бандитам. А я-то купился как последний фраер! Ну, он еще об этом пожалеет, тварь.

— Да, — согласилась Милославская, — Антон не так прост, как кажется на первый взгляд. Он обвел вас вокруг пальца, а сам остался в стороне.

— Это он звонил Жене в тот день, когда ее убили?

— Он — паскуда!

— Почему же вы мне сразу об этом не сказали?

— Почему-почему, — Ваксмахер посмотрел в окно, за которым чернело небо, — а почему я должен вам обо всем докладывать? Кто вы такая?

— Ну, я, положим, не такая уж важная птица, — пожала плечами Яна, — а милиции вы почему не сообщили об этом?

— А они меня не спрашивали, — с ядовитой усмешкой ответил Ваксмахер.

— Может, вы знаете, где он назначил ей встречу?

— В «Мадриде», в пять часов, — кивнул Михаил Анатольевич, — они частенько там встречались.

— Вы не ошибаетесь насчет времени?

— Абсолютно точно, — кивнул Ваксмахер, — она сама мне сказала.

— Почему же она не пошла в «Мадрид», а оказалась дома, где ее убили? — задумчиво произнесла Милославская.

— Черт возьми, — прошептал Ваксмахер. — Так это он и убил ее, гаденьш! Как же я сразу не догадался!

— К счастью для Антона, у него на время убийства железное алиби, — сказала Яна. — Он действительно ждал Женю в кафе, и его там многие видели.

— Обычно железные алиби на поверку оказываются не такими уж и железными, — с сомнением сказал Ваксмахер. — Стоит только копнуть поглубже.

— Даже если это и так, — Милославская сделала вид, что соглашается, — то у Антона не было никаких причин для убийства.

— Значит были, — упрямо твердил Ваксмахер.

Он снова закурил, нетерпеливо поглядывая на часы.

— Ну что, больше у вас вопросов нет? — он попытался подняться, но Джемма пресекла его попытку негромким рыком.

Яна даже не обратила внимания на его реплику. Она на пару минут замолчала, обдумывая ситуацию. Михаилу Анатольевичу ничего не оставалось, как сидеть и ждать. Наконец, Яна снова обратилась к нему.

— Какое отношение к дискете имеет Копелев?

— Понятия не имею, — пожал плечами Ваксмахер. — Этот полицейский — азартный игрок, но везет ему не часто, поэтому он сделал большие долги. Я доложил об этом Засурскому и он использовал Копелева для каких-то своих делишек. Он просто попался на крючок, этот Копелев...

— Мог он что-нибудь знать о дискете?

— Сомневаюсь. На ней слишком серьезная информация, чтобы говорить о ней кому бы то ни было, тем более такому человеку, как Сергей Копелев.

— Тем не менее, — пренебрежительно хмыкнула Милославская, — только я могу назвать по крайней мере трех человек, которые были в курсе. Не слишком-то тщательно ваш шеф заботиться о своей безопасности...

— Мне теперь все равно, — махнул рукой Ваксмахер, — уберите собаку и я пойду, у меня срочные дела.

— Боюсь, Михаил Анатольевич, — вздохнула Милославская, — у вас теперь долго не будет срочных дел.

— Что вы этим хотите сказать? — Ваксмахер начал понимать, что просто так ему отсюда не выбраться.

— Что скоро здесь будет милиция, с которой вы теперь будете иметь дело.

— Так вы тоже обманули меня? — возмущенно воскликнул Ваксмахер.

— За свои проделки нужно отвечать.

— О, Боже, — схватился за голову Ваксмахер. — Какие люди все же подлые! Где же благородство, порядочность, доброта, наконец?

— Только не вам говорить о благородстве и порядочности, — высокомерно поморщилась Милославская. — Вы что же, хотели завладеть дискетой, чтобы передать ее своему шефу?

— Конечно, — пытаюсь быть как можно более убедительным произнес Ваксмахер.

— Неужели? — недоверчиво улыбнулась Яна. — А почему же вы не сообщили об этом Якову Григорьевичу? Или собирались сделать ему сюрприз, заплатив, кстати, свои деньги? И после этого вы рассуждаете о высоких материях?

Ее риторический вопрос прервала милицейская сирена. Она быстро

приближалась, и вскоре за окнами, рядом с красным «мерседесом» Ваксмахера остановился какого-то неопределенного светло-серого цвета УАЗик с надписью «милиция» на боку.

— Игра закончена, Михаил Анатольевич, — Милославская отошла от окна и пошла встречать гостей.

Ваксмахер хоть и был вне себя от ярости, но даже не пошевелился, помня о Джемминых зубах.

* * *

Домой Милославская добралась глубокой ночью. До города ее с Джеммой довели на милицейском УАЗике, а там пришлось долго ловить машину, чтобы добраться до Седьмой линии. Ваксмахер не стал долго отпираться и выложил все начистоту. Его версия о том, что на него покушались, выглядела довольно правдоподобной, так как в сгоревшей машине кроме двух трупов обнаружился и целый арсенал оружия. Дискета, за которой охотились бандиты, оказалась теперь в руках у следственных органов, правда, предъявить что-то Засурскому на основании записанной на ней информации было невозможно: это были сплошь ряды цифр, которые могли быть понятны только ему самому, да еще, может быть, бандитам, которым не нужны были документальные подтверждения того, что Яков Григорьевич не делился с ними своими «левыми» доходами. Для правоохранительных органов же эта информация не имела никакого практического интереса.

Приняв ванну, Яна сразу же завалилась спать, оставив все свои размышления на утро. Решив как следует выспаться, она не забыла отключить телефон, чтобы ее ненароком кто-нибудь не разбудил ранним звонком, но такая предосторожность не спасла ее. Она проснулась оттого, что на улице надрывалась Джемма, которая выбралась во двор через специальный лаз, оставленный в двери. Кое-как продрав глаза, Милославская выглянула на улицу и за забором увидела голову Руденко. «Вот принесла тебя нелегкая», — вздохнула Яна, накидывая халат. Было понятно, что Руденко узнал о ночном происшествии и теперь явился к Яне, чтобы получить информацию из первых рук, так сказать.

Яна вышла на крыльцо и окликнула Джемму, которая хоть и знала лейтенанта, но строго блюла покой и безопасность хозяйки.

— Ну ты, мать, даешь! — воскликнул Руденко, как только Яна, отозвав собаку, открыла ему дверь и впустила в дом.

Было непонятно, как лейтенант настроен: дружески или враждебно. Этот возглас несмотря на всю свою звучную силу был нейтральным. По крайней мере Янино ухо зарегистрировало эту нейтральность. Одобрение или порицание, или просто удивление — Яне было по большому счету все равно.

— Кофе будешь? — равнодушно зевнула Яна, чем, кажется подогрела недовольство Руденко — только сейчас, взглянув на него поближе, она поняла, что он не одобряет ее вчерашнего «приключения», о котором, бесспорно, наслышан.

— Буду, — тем не менее буркнул лейтенант, чтобы быстрее, не отвлекаясь больше на житейские мелочи, перейти к цели своего визита. — Ты...

— Пошли на кухню, — не дала ему сходу вылить поток негодования Яна, — знаю-знаю, ты недоволен. Но это, прости, уж так получилось.

— Что получилось? — вскипел Руденко, — я тебе сколько раз говорил: никакой самодеятельности! А ты вон что придумала! Почему не предупредила, не позвонила?!

Яна знала эту песню. Да, Руденко искренне беспокоился за нее, но в этом беспокойстве часто сквозила обида и досада на то, что Яна находилась в гуще событий, тогда как ему, такому бравому парню, достаются информационные крохи.

— Видишь ли, — снисходительно посмотрела на Три Семерки Яна, — самодеятельность для меня — штука неустрашимая, я не знаю, что мне явят карты. И если они сообщают мне что-то интересное, касающееся дела, и это что-то требует от меня незамедлительных действий, у меня просто не остается времени чтобы предупредить тебя, Сеня. Тебе сколько сахара? Все время забываю...

— Две, — снова буркнул Руденко, неудовлетворенный Яниным объяснением.

— А ты, — предупредила его Яна, — если хочешь узнать все поподробнее, спрашивай, не стесняйся, но оставь меня в покое со своей безопасностью и контролем.

— Не веришь, значит! — снова встал на дыбы Руденко, — думаешь, завидую? — он сощурил глаза, — думаешь, я ваньку валяю? Да, для меня имеет значение, повысят ли меня в звании или нет — мне ж не платят таких гонораров!

В его голосе кипела обида и он замолчал, осознав, что с головой выдал себя. Яна не смотрела на него, она поставила джезву на огонь и взяла сигареты. Руденко с небывалой предупредительностью и поспешностью,

словно хотел таким галантно-подобострастным жестом смыть неприятное впечатление от последней реплики, поднес ей зажигалку.

— У меня ангельское терпение, но и оно порой сходит на нет, — вздохнула Милославская, — врываешься ко мне домой с утра пораньше, начинаешь читать мне проповедь... Мне же в конце концов не пять лет!

— Ладно, замяли, — смущенно потупился Руденко, — рассказывай.

Яна рассказала о своем видении, о «Мадриде», о передаче дискеты Пронину, о том, как наколов Антона, Ваксмахер, завладел дискетой, о своем преследовании Ваксмахера, об инциденте на дороге, о пожаре, о бандитах, о разговоре с Ваксмахером.

— Вот, значит, какой раскладец, — подытожил Руденко, употребив свое любимое выражение. — Что думаешь делать?

Яна молча сняла джезву с огня, разлила по чашкам ароматный дымящийся кофе.

— Хочу поболтать с Антоном, с его папашей. У меня к тебе маленькая просьба, ты не мог бы дать мне на время эту дискету?..

Яна выдержала изумленно-сердитый взгляд лейтенанта, которым тот хотел пригвоздить ее к стене.

— Что опять задумала? — подозрительно спросил он.

— Слушай, распорядись, чтобы сделали распечтку с дискеты, — вкрадчиво улыбнулась Яна, — мне даже сама дискета не нужна.

— Зачем тебе? — насупился Руденко.

— Сделай и все, я ведь не Бог весть о чем тебя прошу! — с ноткой раздражения в голосе сказала Яна.

— Эта дискета, между прочим, вещдок, — с апломбом произнес лейтенант. — Я должен знать, что ты задумала, иначе не получишь распечатку!

Твердый голос лейтенанта подействовал на Яну, как того Руденко и хотел.

— Я хочу использовать ее как приманку, — Яна задумчиво курила, — как посул, вернее будет сказать. Предложу Засурскому-старшему для начала, потом Засурскому-младшему.

— В обмен на что? — заинтересовался Руденко.

— На информацию об убийстве, — улыбнулась Яна.

— Гениально! — с издевкой воскликнул Руденко. — За какую информацию человек сознается в убийстве?

Три Семерки издал судорожный смешок. Потом по-медвежьи покачал головой, как бы говоря: незрелая ты еще, Милославская, наивная девчонка.

— Галкину убил кто-то из них, — раздумчиво заговорила Яна, —

значит, кто-то один невиновен. И оба они заинтересованы в дискете, значит тот, кто не убивал Галкину, может снабдить меня, возможно, какими-то важными сведениями.

— Держи карман шире, — ухмыльнулся Руденко. — Прямо так и захотят они говорить!

— Но ведь им нужна дискета! — возразила Яна.

— Так у тебя ж только распечатка будет, — не согласился в свою очередь Три Семерки.

— Эта распечатка, Сеня, — с нежной иронией, почти по-матерински посмотрела на него Яна, — как раз и докажет, что у меня есть дискета. Они поймут, что я не шучу, что у меня есть именно то, что им надо.

— А вдруг они сообща убили Галкину? — выдвинул нелепое предположение лейтенант.

— Чушь, — осекла его Яна.

Руденко поморщился.

— Захотят ли они кляузничать друг на друга, ведь они родственники? — решил он взять реванш за свое мифическое предположение.

— По-моему, парень ненавидит отца, — сказала Яна, стряхивая пепел в пепельницу, — у них сложные отношения. Нужно этим воспользоваться.

— Ты как ведьма! — засмеялся Руденко.

— До ведьмы мне далеко, — с шутливой иронией ответила Яна, — просто я хочу найти убийцу Галкиной.

— Все средства хороши? — поддел ее Руденко.

— С такими, как Засурские, возможно... — невозмутимо взглянула она на лейтенанта. — Подлить тебе кофе?

— Нет спасибо, дела ждут, — Руденко вытер усы живописным жестом и тяжело поднялся.

— Удачи, — Яна вышла за ним в прихожую.

— Как только распечатка будет готова, я позвоню, — он взял под козырек и ретировался.

Яна накормила Джемму, позавтракала сама и набрала домашний номер Засурских. Трубку взяла Геля.

— Доброе утро, — поздоровалась Мирославская, — мне бы хотелось услышать Антона.

— Слушаю, — услышала она его глуховатый тенор, когда ему передали трубку. — Что вы хотите?

— Побеседовать с вами, — спокойно, не обращая внимания на его грубый тон, сказала Яна.

— Я занят, — недружелюбно отозвался Засурский-младший.

— Вы хотите получить назад дискету?

— Что-о-о? — изумленно протянул он.

— После того, как вы ответите на ряд вопросов, я скажу вам, где она, — усмехнулась Яна.

— Вы блефуете, у вас нет ее, — Антон старался скрыть свое замешательство.

— Вы правдивы сегодня, — провокационным тоном заявила Яна, — не играете в непонятливого мальчика. Сразу сказали, что знаете, о чем идет речь.

— Ничего я вам не сказал, — со смесью возмущения и недоумения произнес Антон. — Что вам нужно?

— Вот это по существу, — удовлетворенно отметила Яна, — давайте встретимся в кафе «Мадрид», я вам расскажу прелюбопытную историю. Вы еще не видели своего приятеля Ваксмахера?

— Нет, — резко сказал Антон. — Что с ним?

— Ничего особенного, — мечтательно улыбнулась Яна. — Он вас хотел надуть, только и всего! Пронин вернул ему дискету, как только вы вчера укатали, но я была начеку, и теперь судьба дискеты в ваших руках. Вы хотите встретиться?

— Вы продаете дискету? — запинаясь спросил Антон.

— Обсудим все при встрече. Итак, через час я вас жду в «Мадриде».

— Хорошо.

Повесив трубку, Яна повеселела. Парень не ожидал такого поворота событий. Наивный албанец! Хотел отомстить папочке, но не тому доверился. Да и разве можно доверять такой ценный материал кому бы то ни было? Люди — хитрые бестии, едва почуют, что из какого-то положения, ситуации, предмета, оказавшегося у них, можно извлечь материальную выгоду, тут же забывают все договоренности, моральные предписания, обязательства дружбы, трогательный лепет любви и спешат нагреть руки.

Яна выпила еще чашку кофе, выкурила сигарету и села с картами у журнального столика. К ней подошла Джемма, ласкаясь и торкаясь огромной головой в бок.

— Ну что тебе? Хочешь вытянуть карту? — Янины глаза улыбались.

Собака толкнула носом колоду, карты рассыпались веером. Джемма взяла в зубы карту «Взгляд сквозь пространство» и поднесла Яне.

— Смотри не погрызи и эту карту! — Милославская торопливо взяла у собаки карту и, положив на колени, накрыла ладонью. — Спасибо,

дорогуша.

Джемма удовлетворенно гавкнула, потом как подкошенная, с какой-то радостной стремительностью рухнула на пол и положила голову Яне на ноги. Яна опустила веки, расслабилась, открывая образам доступ в сознание. На этот раз все было как в детской песочнице. Кто-то упрямо копал тьму, которая мелко рассыпалась, пока перед Яниными глазами не возникла гладкая светлая поверхность. От этой поверхности, словно лучи, расходились разрозненные полосы, в которых плавали части предметов. То кусок окна, то разбитая надвое полка стеллажа, то фрагмент мягко изогнутой спинки не то кресла, не то дивана. Поверхность постепенно ширилась, удлинялась пока Яна со стопроцентной уверенностью не определила, что это овальный стол. Он был почти пуст, если не считать лежавшей у телефона голубой папки. Яна увидела быструю тень, вслед за этим на стол скользнул маленький темный предмет. Это же дискета! — чуть не крикнула Яна. Она ценой грандиозных усилий подняла глаза, но изображение было половинчатым, она увидела лишь спинку кресла и тяжелую, крупную руку на ней, ощутила дрожь, проходившую по пальцам стоявшего. Потом дискета медленно вальсируя в воздухе, поравнялась с окном, с ярким расплывающимся пятном на подоконнике и исчезла. Яна почувствовала запах сигаретного дыма — в комнате курили. Яна попыталась проследить, откуда клубится дым, ее взгляд скользнул к противоположному краю стола и уперся в бронзовую пепельницу, изображавшую створку ракушки с распростертой на ней девушкой. Яна хотела обежать помещение глазами, вернуться к замершей на спинке кресла руке, но изображение стало быстро гаснуть, бледнеть, пока не превратилось в белесое песчанное облако, слепящее глаза. Яна вздрогнула, вернувшись к реальности своего тихого утреннего жилища.

Она взглянула на часы — до встречи в «Мадриде» оставалось чуть больше получаса. Яна набрала номер Руденко. Его на месте не оказалось. Потом быстро оделась и вышла из дома. Джемма была несказанно рада, что хозяйка взяла ее с собой. Минут через двадцать Яна была в кафе. Джемма осталась на улице. Яна попросила у бармена, костлявого верзилы, телефон и снова позвонила Руденко. Он снял трубку.

— Сеня, проверь дискету, — коротко сказала она.

— Ты где? — всполошился Руденко. — Что случилось?

— Проверь вещдок, говорю, я тебе перезвоню минут через пять.

Яна положила трубку, чтобы пресечь расспросы. Она взглянула на часы — Антон опаздывал. Она с трудом высидела пять минут, потом снова позвонила Руденко.

— Нет! — заорал он. — Сперли!

— Не психуй, бери ребят и езжай в «Большую игру», твой вещдок у Засурского.

— Ты-то откуда знаешь? А! — раздосадованно воскликнул Руденко. — В «Игре», говоришь?

— У вас завелся вор, продажный мент, — хладнокровно продолжала Яна. — Не тяни время, Сеня.

У Яны подгибались от волнения ноги, хотя говорила она с Руденко бодрым уверенным голосом. Она доплелась до столика, на котором стоял бокал с белым вином, лежали сигареты и зажигалка. Когда она прикуривала, руки ее дрожали. Антона по-прежнему не было. Она не стала звонить ему домой, решив подождать еще немного. Выкурив сигарету и допив вино, Яна убедилась, что Засурский-младший не придет. Она раплатилась и отправилась в казино «Большая игра», которая располагалась неподалеку. Но швейцар-охранник не пропустил ее, сказав, что таково предписание директора.

— Вот как? — понимающе усмехнулась Яна.

Сопровождаемая Джеммой, она сошла с крыльца, размышляя, каким образом ей проникнуть в казино, как с помпой подкативший милицейский УАЗик разогнал ее сомнения. Из него вылетел горевший боевым азартом Руденко, за ним — трое парней в бронежилетах и касках. Прохожие застыли на месте, раскрыв от изумления рты. Руденко подбежал к Яне, которая встретила его уже на крыльце.

— Не пускают? — прогремел он. — Щас пустят!

Он позвонил, на пороге появился охранник. Руденко сунул ему в нос удостоверение.

— Без ордера... — было возразил парень в форме, но отлетел, сметенный лейтенантом и следовавшими за ним бойцами.

Яна замыкала шествие. Руденко, умело и лаконично направляемый Яной, бежал по коридору, за ним — парни в бронежилетах. Барменша вскрикнула от неожиданности и испуга, увидев эту легкоатлетическую гонку, крупье, переговаривавшиеся в холле, отпрянули в страхе, вытаращив глаза. Руденко с силой рванул дверь директорского кабинета. Вслед за ним ворвались бойцы. Яна с Джеммой вошли последними.

Сидящий в кресле Засурский чуть не подпрыгнул. Его бледное одутловатое лицо задергалось. Напротив него, спиной к двери сидел Копелев. На коленях у него лежал кожаный портфель.

— Что... что, — заикаясь от негодования заговорил хозяин кабинета, — что вы се... бе позволя... ете?!

— Где дискета? — взревел Руденко. — Обыщите кабинет, — кивнул он своим подчиненным.

Те, не особо утруждая себя осторожностью, стали рыться в шкафах, на стеллажах.

— Где ордер? — закричал разгневанный Засурский.

Копелев встал и хотел было выйти, но Руденко задержал его.

— Стоп, гражданин, мы с вами, кажется, знакомы, так? — на губах Руденко расцвела ехидная усмешка.

Он был на коне, уверенный в своей правоте и своем могуществе.

— А-а-а, — ядовито ухмыльнулся Засурский, — вы... — он с ненавистью глядел на Яну, — вы, значит, с органами сотрудничаете.

— Угадал, — хмыкнул Руденко. — Тщательнее! — прикрикнул он на милиционеров, роющихся в шкафах. — Все до мельчайшей детали, дискетка маленькая такая...

— Может, вы наконец объясните, что происходит? — вскипел пуще прежнего Засурский.

— Вот ордер на обыск, — Руденко подошел к столу и, достав из кармана, выложил перед Засурским документ. — Довольны?

Засурский брезгливо, словно это была какая-то добытая на помойке ветошь, взял в руки бумагу.

— Присаживайся, Яна Борисовна, — с победоносным выражением на лице и лукавой фамильярностью в голосе пригласил Милославскую занять большое кожаное кресло Руденко, опустившись сам в кресло, только что покинутое Копелевым. — И вы присаживайтесь, мы никуда не торопимся, — глянул он на налогового полицейского.

Тот, сохраняя выдержку, сел на стул у окна. Руденко не спеша достал сигареты, предложил Яне угоститься. Они закурили.

— Ох какая тонкая вещица, — засмеялся Руденко, пододвинув к себе бронзовую пепельницу. — А это что за девка? — спросил он, глядя на скульптуру.

Ему никто не ответил и он, пожав плечами, с гордым видом стал наблюдать за работой своих сотрудников. Но чем больше проходило времени, тем меньше гордости оставалось в его взгляде.

— Ну что там? — он теребил своих людей, которые перерывали в кабинете все сантиметр за сантиметром.

— Вы, кажется, ищете какую-то дискету? — Засурский поднялся из-за стола и подойдя к стене, нажал невидимую кнопку, спрятанную под обоями.

В тот же момент из стены выдвинулся ящичек, в котором лежали

какие-то документы и несколько дискет.

— Может быть, здесь есть то, что вам нужно? — Засурский протянул дискеты Руденко.

— Хитро, хитро, — улыбнулся лейтенант. — Зная, что мы все равно найдем ваш тайник, вы делаете вид, что сотрудничаете с нами. Только среди того баракла, что вы мне предлагаете, нет той дискеты... Она была с желтой полосочкой, — добавил Три Семерки, — а здесь все с красными.

— Как хотите, — пожал плечами Засурский, только у меня нет больше никаких дискет.

Руденко взглянул на Милославскую, которая отрицательно покачала головой, и приказал ребятам продолжать обыск. Но мест, где бы могла быть спрятана дискета, оставалось все меньше и меньше. Один из милиционеров уже стоял возле окна, опустив руки, потому что ему нечего было делать.

— Ну что стоишь, как пень, — прикрикнул на него Руденко, — продолжай!

— Где продолжать-то, Семеныч? — пожал тот плечами.

— Я тебе не Семеныч, — взорвался Три Семерки, — а товарищ лейтенант. Ищи, мать твою, хоть под землей. Она должна быть здесь.

Он снова покосился на Яну, которая кивком подтвердила его правоту и нервно прикурил вынутую из пачки сигарету.

— Мне нужно позвонить начальству, — сидевший до этого спокойно Копелев, привстал со своего места и направился было к телефону.

— Сидеть! — рявкнул Руденко, вскакивая со своего места.

Он перекрыл майору доступ к телефону и ткнул пальцем в сторону стула.

— Я скажу, когда тебе можно будет звонить.

— Ну ты ответишь за самоуправство, лейтенант, — сквозь зубы процедил Копелев, но все же на свое место вернулся.

— Отвечу, отвечу, — пробормотал Руденко, снова занимая свое кресло.

Теперь он все чаще смотрел на Яну, бросая на нее вопросительные и гневные взгляды. «Какого черта я тебя снова послушал?! — читала его мысли Милославская. — Как я теперь отчитаюсь перед подполковником?»

Милославская своим независимым видом старалась успокоить его да и себя тоже. Она думала, что не могло быть такого, чтобы она ошиблась, если только за то время, которое прошло с момента, когда она видела эту чертову дискету, Засурский не спрятал ее в другое место, за пределами своего кабинета. А может, он вообще ее уничтожил? Тогда Руденко действительно влип в историю по ее вине. Она поморщилась, пытаясь отогнать от себя навязчивые мысли и тут ее взгляд упал на Якова

Григорьевича. Тот сидел за столом, на котором тоже все перевероршили и смотрел куда-то в сторону. «Что он там увидел?» — подумала Милославская. Она посмотрела в том же направлении, куда был устремлен взгляд Засурского и, ничего не обнаружив, повернулась к окну. На подоконнике стоял большой широкий горшок с растением, на тонком стебельке которого распустились яркие цветы, собранные в соцветия. Яна задержала взгляд на цветах, что-то вспоминая и вдруг почувствовала тревожные импульсы, исходившие от Засурского. Она резко посмотрела в его сторону и увидела, что он быстро отвел от нее глаза. Поднявшись, она медленно подошла к окну, краем глаза продолжая наблюдать за хозяином кабинета. Тот старательно делал вид, что ее передвижения нисколько его не волнуют. «Что-то здесь не так», — усмехнулась Яна, чувствуя приближение разгадки. Посмотрев сквозь оконное стекло на улицу, она не заметила там ничего интересного, кроме нескольких деревьев, да старого двухэтажного дома с лавочкой возле подъезда. Ноздри Милославской уловили сладковато-приторный запах свежераспустившихся цветов, покачивающихся прямо на уровне ее головы. Она двумя руками ухватилась за горшок, собираясь отодвинуть его в сторону, как вдруг он легко оторвался от подоконника.

— Осторожнее, — попытался остановить ее Засурский, — это очень ценное растение. Он даже произнес какое-то латинское название, но Яна уже не слушала его.

Она поставила горшок на место и костяшками пальцев стала простукивать его сверху донизу. И если вверху звук был глухой и почти неслышный, то у основания стал более звонким, говорящим о том, что за стенками скрывается пустота. Руденко, заинтересованный ее действиями, поднялся и подошел к окну.

— Кажется, здесь что-то есть, — Яна еще раз постучала по основанию горшка.

— Сейчас посмотрим, — лейтенант с любопытством приподнял горшок и положил его себе боком на огромную ладонь.

— Вы не имеете права! — Засурский кинулся к лейтенанту, но его быстро остановили двое ребят Руденко, стоявшие без дела.

Им даже захотелось немного размяться, поэтому они слегка переусердствовали, выкручивая Якову Григорьевичу руки.

— Что же вы делаете? — скривив от боли физиономию, простонал Засурский, плюхаясь в свое кресло, куда его определили ребята.

— Ищем, Яков Григорьевич, ищем, — Руденко резко перевернул горшок, высыпая на пол землю вместе с растением.

К его удивлению на дне горшка ничего не оказалось, кроме глиняных черепков, закладываемых внутрь для лучшей аэрации.

— Вот черт, — интерес на лице лейтенанта сменился разочарованием.

Но горшка он не оставил, продолжая крутить его в руках. Затем он поднял с пола палочку, к которой было подвязано растение и, сунув ее внутрь горшка, отметил его глубину. После чего приложил палочку снаружи. Она не достала до дна нескольких сантиметров.

— Понятно, — с крестьянской обстоятельностью Руденко обхватил рукой дно горшка и принялся его крутить, придерживая другой рукой его верхнюю часть.

Через секунду нижняя часть горшка отделилась. В ней оказалось что-то вроде футляра, в котором могла поместиться дискета.

— Вот она, — лейтенант с победоносным видом, ухватив дискету носовым платком, поднял ее вверх и выпрямился сам. — Что же вы, Яков Григорьевич, — посмотрел он на Засурского. — Нехорошо.

Он говорил это тоном, каким отцы журят нерадивых сыновей. Владелец казино сначала обмяк в кресле, потом дернулся было к лейтенанту.

— Верните ее мне, я прошу вас, — с мольбой в голосе произнес он. — Если она попадет в руки...

— Я лично прослежу за тем, чтобы она больше не попала ни в чьи руки, кроме рук дактилоскопистов, разумеется, — перебил его Руденко, опуская дискету в прозрачный пластиковый пакет. Заберите их, — кивнул он на Засурского и Копелева, — думаю, на ней есть пальчики обоих.

— Какого черта, лейтенант, — Копелев попытался вырваться из цепких рук милиционеров, но на нем уже защелкнули наручники. — Да, я брал эту дискету, но к ее похищению не имею никакого отношения.

— Это вы объясните следователю, — удовлетворенно выдохнул Руденко. — Увести.

— Стойте, — задыхаясь, крикнул Копелев, — я хочу сделать заявление.

— Валяй, — добродушно согласился лейтенант, у которого было хорошее настроение.

— Это Засурский заставил меня добыть ему дискету. Он меня шантажировал.

— И чем же он вас шантажировал, гражданин Копелев? — иронично взглянул на него лейтенант.

— Я залез к нему в большие долги, — мрачно произнес майор налоговой полиции. — Он пообещал мне их простить, если я принесу ему

дискету.

— И как же вы, интересно, проникли в хранилище? — с интересом посмотрел на него Руденко.

— Не я, — опустив голову, майор уставился себе под ноги.

— А кто?

— Сержант Асланян, — едва слышно ответил Копелев. — Мы с ним немного знакомы. Ну, я предложил ему денег, он согласился.

— Вот сволочь черножопая! — в сердцах выпалил Руденко и тут же с извиняющимся видом покосился на Милославскую, — мы, значит, пашем, а эта скотина деньги зашибает тем, что ворует вещдоки. Ну, я этой паскуде объясню, как нужно работать! Он у меня отправится на зону вместе с этими голубчиками. А, тебе, майор, может быть, оформим явку с повинной, если признаешься в покушении на жизнь Яны Борисовны и во всех своих делишках.

— Но ведь... — неуверенно пробормотал майор.

— Не бойсь, — с купеческим великодушием на довольном лице успокоил его Руденко, — дадут тебе года три... условно, если будешь сотрудничать со следствием. Надеюсь, мокрухи на тебе нет?

— Нет, — выдохнул Копелев.

— Ладно, ведите их, — лейтенант махнул рукой в сторону двери. — Хотя погоди, — он остановил Якова Григорьевича, которого как раз вели мимо него. — Вы ничего не хотите сообщить следствию?

— Не хочу, — мрачно глядя лейтенанту в грудь, произнес Засурский.

— Это вы убили Женю Галкину? — лейтенант приподнял его голову за подбородок.

— Я никого не убивал, — визгливо выкрикнул тот, — и у вас ничего против меня нет.

— Ах нет, — Руденко выпучил на него глаза, — а дискета?

— Она не представляет для вас никакого интереса.

— А для кого она представляет интерес? Для ваших покровителей, которых вы надували? — насмешливо посмотрел на него лейтенант. — Тогда мы сделаем так, чтобы распечатка попала к ним. Ваксмахер уже объяснил нам, чем для вас это может закончиться?

— Вы не имеете права, — побелевшими от страха губами прошептал Засурский, — это произвол.

— Это мы уже слышали, — поморщился Руденко. — Я вас больше не задерживаю.

Оставшись наедине с Милославской в кабинете Засурского, Руденко достал сигарету и закурил.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес он, — дело сделано.

— И кто же по-твоему убил Галкину? — внимательно посмотрела на него Яна.

— Он и убил, — лейтенант кивнул в сторону двери, куда только что вывели Засурского. — Дело-то выеденного яйца не стоит, — он выпустил дым, повернувшись к окну, под которым увядал цветок, выброшенный из горшка. — Сынуля Засурского выкрал дискету у своего папаши, — решил пояснить Руденко свою версию, — она как-то попала к Галкиной и чтобы ее вернуть, Засурскому пришлось убить ее, Галкину, конечно, не дискету, — добавил он и хохотнул в усы, живописно качнув при этом своей крупной медвежьей головой.

— А как же она снова оказалась у Антона? — поинтересовалась Милославская, которой версия лейтенанта казалась, мягко говоря, не убедительной.

— Как оказалась? — лейтенант покрутил свободной рукой ус. — Снова выкрал...

— Ты-то сам в это веришь? — Милославская тоже закурила.

— Это не имеет значения, — отмахнулся от нее лейтенант, как от назойливой мухи, — тебе спасибо, конечно, за помощь, дальше мы уж сами как-нибудь.

Он поднялся и направился к выходу.

— До дома сама доберешься, — поинтересовался он от двери, — или дать тебе машину?

Вообще-то Яна собиралась домой, но почему-то после его слов ей расхотелось пользоваться его услугами.

— Я лучше прогуляюсь, — соврала она, держа руку у Джеммы на голове.

— Как хочешь, — лейтенант огладил усы и вышел за дверь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В то, что Засурский убил Галкину, Яна не верила. Ему совершенно не нужно было это делать, — размышляла она. — Женя была его любовницей, он знал ее распорядок и, если бы уж ему приспичило, всегда мог проникнуть в ее квартиру, когда она была на работе. Милославская думала также, что Женя была не таким глупым человеком, чтобы шантажировать своего же собственного хозяина. Нет, судя по всему, дискета, если она и была у Жени, попала к ней совершенно случайно.

Яна села на лавочку в сквере и закурила, позволив Джемме немного побегать по зеленым газонам. Но Джемма, у которой был флегматичный, но взрывной характер, сделав пару кругов вокруг лавки, устроилась неподалеку под деревом и засопела, поглядывая на хозяйку, с задумчивым видом дымившую сигаретой.

Хотя Руденко и сказал, что все здесь ясно и дело можно считать законченным, за исключением некоторых мелочей, Яна так не думала. Оставался еще Антон, который, судя по всему, и выкрал дискету у отца. Только ему трудно было что-либо инкриминировать, поэтому Руденко, скорее всего, даже связываться с ним не будет. А ведь этот молодой человек, который, как и его отец, был любовником Жени, мог бы многое прояснить в этом деле, если бы захотел. Кстати, он не явился сегодня на встречу в «Мадрид», вспомнила Милославская. Что могло его задержать? Она посмотрела по сторонам и, заметив вдалеке, на стене дома таксофон, встала и направилась к нему. Джемма вскочила и, виляя обрубок хвоста, двинулась следом. Телефон в квартире Засурских не отвечал. Насчитав дюжину длинных гудков, Яна, подозревая, что могла неправильно набрать номер, позвонила еще раз. И с тем же результатом. Повесив трубку, она поймала машину и поехала домой, пообещав водителю, который отказывался брать собаку, заплатить по двойному тарифу.

Открыв калитку, Яна сразу же заподозрила что-то неладное. Нет, во дворе все вроде бы было как обычно, только Джемма стала вести себя немного нервно. Она сразу же кинулась к дому, чего обычно никогда не делала, предпочитая заходить после хозяйки.

— В чем дело, Джемма? — Милославская приблизилась к двери и поняла, что в доме кто-то побывал.

Дверь была распахнута, и Джемма кинулась внутрь так быстро, что Яна не успела ее остановить. Внутри все было перерыто до самой

последней мелочи и сдвинуто со своих мест. Заставляя себя не волноваться, Яна прошла по комнатам и везде обнаружила одно и то же. Кто-то успел перевернуть дом вверх дном.

— Джемма, след, — приказала Милославская и собака принялась обнюхивать помещения, ища посторонний запах.

Вскоре она завиляла хвостом и рванула к выходу. Она довольно быстро добежала до калитки, тщательно принюхиваясь и застыла, ожидая, когда Яна выпустит ее на улицу, куда вел след. Честно говоря, Милославская не надеялась, что преступник, кто бы он ни был, пришел сюда пешком, но собака, дрожа всем телом от напряжения, уверенно двигалась вдоль дороги. Впрочем, дойдя до перекрестка, она заметалась туда-сюда и наконец, поджав хвост, вернее, то, что у нее называлось этим словом, замерла возле Милославской.

— Этого следовало ожидать, — задумчиво произнесла Яна, — во всяком случае, преступник был не настолько глуп, чтобы оставлять машину прямо перед домом. — Пошли, — махнула она Джемме и вернулась в дом.

Опустившись на диван, она подняла с пола телефон и набрала номер Руденко. Ответивший ей Самойлов сперва не хотел соединять ее со своим начальником, ссылаясь на то, что Руденко «очень сильно занят», но когда Милославская заявила, что звонит по тому же делу, все же согласился.

— Мы расстались с тобой не больше двух часов тому назад, — вместо приветствия произнес Руденко уставшим голосом, видно, с расследованием у него не слишком-то продвигалось.

— Сеня, кто-то обшарил весь мой дом, — выдала ему Милославская, чтобы активизировать его внимание.

— Господи, — выдохнул Руденко, — с тобой не соскучишься. — Что-нибудь пропало?

— Кажется, нет, но я не уверена. Джемма взяла след, но на перекрестке его потеряла. Может, пришлешь кого-нибудь? У меня такое впечатление, что искали дискету.

— Пришлю, — без особого энтузиазма сказал Руденко, — жди, никуда не уходи.

— Ты не теряешь чувства юмора! — шутливо ответила Яна.

— Кто, по-твоему, это мог быть? — начал оживать Три Семерки.

— Только Антон Засурский знал, что меня не будет дома. У меня с ним была назначена встреча в кафе. Он не явился.

— То есть, пока ты его ожидала, — по-доброму усмехнулся Руденко, — он у тебя дома «порядок» наводил! Так это он убил Галкину?

— Ты меня спрашиваешь? — рассмеялась Яна, — по-моему полчаса

назад ты определился с убийцей.

— Ты имеешь в виду Засурского-старшего? — недовольным тоном спросил Руденко.

— Ага. Ладно, Сеня, приезжай, не будем по телефону трепаться.

Вскоре Руденко в сопровождении двух экспертов был у Яны. Он застал ее сидящей в кресле и отрешенно созерцающий комнатный беспорядок. Она изумлялась тщательности и откровенному наплевательству со стороны того, кто устроил бардак. Глядя на вазу, вернее, на то, что осталось от нее — рассыпанные по полу осколочки — она грустно усмехнулась.

— Я ведь дорожила этой вазой, — печальным голосом проговорила она.

— Эхе-хе, — покачал головой Руденко, — нет ничего вечного на свете.

— Надо будет выставить счет тому, кто это сделал, — улыбнулась Яна.

Руденко окинул ее насмешливым взглядом.

— Наивная, — пропел он густым баритоном, — говорил же тебе, не лезь ты в это дело. Мало того, что этот твой труд бесплатным будет, так тебе еще и добром своим расплачиваться приходится!

Пока эксперты осматривали другие комнаты, Милославская с лейтенантом оставались в гостиной. Через некоторое время один из криминалистов их побеспокоил.

— Нам нужно здесь все осмотреть, — сказал он. — Может, посидите на кухне?

— Пошли, — кивнул Руденко Яне. — Кстати, знаешь, как Засурский зарабатывал деньги? — спросил он, когда они устроились за столом и Яна принялась готовить кофе.

— Интересно, — подняла она брови.

— Просто как все гениальное, — усмехнулся Руденко, — нужно только иметь свой карманный банк и входить в совет директоров. Засурский брал в банке кредит, причем, заметь, беспроцентный и клал его на свой счет в этом же банке, но уже под проценты. Когда наступал срок возврата кредита, он деньги возвращал, а проценты оставались ему. Замечательно, правда?

— Тогда у него должны быть проблемы с налоговой инспекцией, — предположила Яна.

— В том то и дело, что нет, — с сожалением произнес Руденко. — Налоги со всех официальных доходов он платил. Так что с этой стороны не подкопаешься.

— Значит, с фискалами у него проблем нет?

— Он перед ними чист, как стеклышко, — подытожил Три Семерки, —

если только они не раскопают что-нибудь в казино.

— Даже если они там что-то найдут, то отвечать будет Ваксмахер, как управляющий, а не Засурский.

— Дерьмо, дерьмо, дерьмо, — выпалил Руденко, — даже не знаю, как его зацепить.

— Ты же, кажется, сказал, что он вот-вот сознается, — поддела его Милославская.

Она разлила кофе по чашкам и поставила одну перед лейтенантом, предварительно освободив перед ним небольшой участок стола. Три Семерки в раздражении сделал слишком большой глоток, обжегся, и чуть не выронил чашку — чересчур быстро поставив ее на стол. Кофе выплеснулось на столешницу.

— А-а, черт, все из-за тебя, — Руденко взглянул на Милославскую, — вечно ты со своими подколами.

— Нужно проверить Антона, — Яна вытерла со стола и посмотрела Руденко в глаза, — он не пришел на встречу со мной. Что ты думаешь по этому поводу?

— Думаю, что это он у тебя похозяйничал. Если это так, мы его прищучим.

— Вы снимали у него отпечатки пальцев? — поинтересовалась Милославская.

— Какой смысл в этом был? — пожал плечами лейтенант. — У него же алиби на время убийства.

— Мне кажется, все же стоит попробовать, — настойчиво сказала Яна.

— Теперь уж точно придется, — он снова глотнул кофе, теперь уже осторожней.

На кухне появился тот же эксперт, который попросил Яну с лейтенантом освободить гостиную.

— Ну что там? — Руденко, услышав как он вошел, повернулся к двери.

— Есть отпечатки, — кивнул эксперт, — в основном, оставлены двумя людьми. Только нужно снять и у хозяйки, чтобы быть уверенным.

— Хорошо, — согласилась Яна.

— Знаете, Семен Семеныч, — сказал эксперт, прикладывая подушечки пальцев Яны сначала на штемпельную подушку, а потом на специальный листок, — те отпечатки, что мы снимали в квартире Галкиной, кажется, очень похожи на те, которые мы сняли здесь.

— И что это значит? — спросила Милославская.

— Это же как дважды два, — усмехнулся Руденко. — Значит, что в твоём доме и квартире Галкиной похозяйничал один и тот же человек. Вы

уверены, Юрий Васильевич, — он посмотрел на эксперта, — насчет пальчиков?

— Точно смогу сказать завтра или сегодня вечером, — заканчивая работу, ответил Юрий Васильевич, — но сходство очень большое. Можете вымыть руки, — обратился он к Яне.

— Ну что? — Руденко взглянул на Мирославскую. — Нам нужно идти.

— Что ты собираешься делать? — Яна подошла к раковине и намылила руки.

— Поищем Антона Засурского, — вздохнул лейтенант, — нужно задать ему несколько вопросов.

— Я бы хотела поехать с тобой, если это возможно.

— Думаю, тебе нужно навести здесь порядок, — уклонился от ответа Руденко, но Яна поняла, что брать ее с собой ему не слишком-то хочется.

«Ну и черт с тобой», — подумала она.

— Я звонила ему домой, — сказала она вслух, — там никто не берет трубку.

— Ничего, — усмехнулся Три Семерки, — никуда он не денется.

Вскоре их машина отъехала от калитки Яниного дома и Мирославская осталась одна, если не считать Джемму, конечно. Посмотрев на беспорядок в доме, она вздохнула и принялась за уборку, подумав, что хоть в чем-то лейтенант оказался прав. С уборкой она провозилась до самого вечера, не успев даже как следует перекусить. Наконец она поставила на место последнюю вазу, оставшуюся целой, повесила в шкаф кофточку, выброшенную оттуда чьей-то рукой и отправилась готовить кофе. Она поставила чашку на стол и опустилась в кресло и только теперь вспомнила, что забыла про Браницкого. Лейтенант тоже о нем не вспоминал, а он должен был уже вернуться из своей командировки.

Лев Сигизмундович встретил Яну в длинном вельветовом халате и тапках с загнутыми на восточный манер носами. Он был удивлен, даже встревожен, видимо, не ожидал увидеть у себя Яну.

— Добрый вечер, — мягко улыбнулась Яна. — Лев Сигизмундович, мне необходимо с вами поговорить. Я не отниму у вас много времени.

— Да-да, — растерянно протянул Браницкий, — но я не ожидал, только вот приехал, — он сделал рукой неопределенный жест. — У меня, так сказать, поствозвращенческий беспорядок.

Браницкий не мог отказать себе в выпячивании.

— Ничего, — иронично усмехнулась Яна. — Так мне можно пройти?

— Конечно, — глаза хозяина беспокойно бегали, губы слабо дрожали, — проходите.

Он впустил Яну в квартиру. Как она и ожидала, интерьер воплощал самые смелые куралесы прихотливой натуры Барницкого. Антикварные вещи здесь мешались с новомодными. Сплошная эклектика. Но в этом смешении было что-то веселое, несмотря на претенциозность, сквозившую, например, в соседстве оленьей шкуры на стене и комода стиля ампир. Художественный вкус Браницкого не дал ему скатиться к аляповатой безвкусице в оформлении своего жилища. Старинные книги придавали авангардистским полотнам, висевшим на стенах, мягкость, тонкий, ненавязчивый шарм, как бы укрощая острую экспрессию одних и бесформенную небрежность других картин. Яна села в глубокое кресло, чья пестрая обивка тоже как-то странно гармонировала с его волшебно плавными очертаниями. Браницкий сел напротив, на диван, по спинке которого скользил бронзовый фризový бордюрик. Пара мятых рубашек, брошенных на другое кресло — это и был беспорядок, о котором заикнулся Лев Сигизмундович.

— Слушаю вас, — гостеприимно улыбнулся Браницкий, видимо, решивший принять визит Яны как неизбежность.

— А там у вас что? — Яна повернулась к арке, разделявшей комнаты.

— Это Корбюзье, — жеманно пояснил Браницкий. — Я осмелился в своей скромной холостяцкой берлоге воплотить его концепцию перетекающих друг в друга пространств. Дверь — это слишком жестко, я бы даже сказал, неуместно.

— Нет, — улыбнулась Яна, — я вас спрашиваю о той комнате, — она встала и прошла до арки. — Это ваша мастерская?

— Какая там мастерская! — с кокетливым самоуничижением махнул рукой Браницкий. — Так, балуюсь...

— Можно посмотреть?

— Разумеется, — сделался снова растерянным Лев Сигизмундович.

Яна вошла в комнату, уставленную мольбертами, заваленную рисунками, увешанную репродукциями импрессионистов и постимпрессионистов. Она стала перебирать листы бумаги, лежавшие на старинном столе, придвинутом к окну.

— Давайте я это уберу, — засуетился Браницкий, подхвативший гору бумаги. — Это так, наброски.

— Оставьте, мне интересно, — Яна вынула из кипы несколько листов. — Это ведь ваша соседка... Я и не подозревала, что вы так хорошо рисуете. Она вам позировала? — на одном дыхании произнесла Яна.

— Да-да, — торопливо повторил Браницкий, побледнев, — было дело. Но, как вы сами понимаете, это не значит, что... — он смущенно замаялся,

опустив глаза.

Потом вдруг поднял их, стрельнул в Яну вопрошающе-пытливым взглядом и быстро, порывисто заговорил:

— Когда мужчина осознает, что перешел некий возрастной рубеж, когда он понимает, что лучшая часть жизни — в прошлом, когда горизонты смыкаются и гаснут, он инстинктивно ищет некое полное жизни, молодости, задора существо, которое если бы даже и не могло вернуть всю полноту бытия, то хотя бы дало возможность вернуться в грезах к тем ослепительно прекрасным, невозвратно прошедшим дням, когда он сам, молодой и сильный, восторженный и наивный пленял и пленялся... когда мы... — трепещущим голосом продолжил он, растрогавшись собственной высокопарностью, — ...стареет, каждая минута существования для нас невыразимо дорога, бесценна! — его дрожащий тенор поднялся до фальцета и, вибрируя на этой поэтической ноте, казалось, готов был найти спасение от этого дрожания в рыдании.

— И ваша соседка стала для вас таким существом, — пряча иронию за сочувственным тоном подытожила Яна.

— Да, — с трагическим пафосом выдохнул Браницкий. — А вы, собственно, по какому поводу? — вдруг перешел она будничным тоном.

— По поводу Галкиной, — небрежно сказала Яна, искоса наблюдая за лицом Браницкого.

— Но милиция уже допросила нас, — он с недоумением смотрел на Яну.

— Я провожу собственное расследование, — сдержанно улыбнулась Яна, — и мне, Лев Сигизмундович, нужна ваша помощь.

— Да-да? — удивленно протянул он.

— Вам ведь известно больше, чем вы рассказали. Я пришла выслушать вас. Ради памяти этого полного задора существа, которое, увы, больше не будет пленять нас, скажите, что вы знаете об убийстве? — Яна была почти безучастна.

— Вы издеваетесь! — издал возглас возмущения Браницкий.

Его лицо из белого стало пергаментно-серым, морщин сразу прибавилось, он погас.

— Отнюдь. Я просто призываю вас быть верным вашим чувствам. Вы ведь питали к Галкиной чувства?

— В первый раз вы мне показались более деликатной, утонченной, нежной... — разочарованно вздохнул Браницкий, с оскорбленным видом уставившись в окно.

— Вы читаете Рютбефа? — с неожиданным подъемом воскликнула

Яна, удовлетворенная тем, что видит перед собой книгу, явленную ей в видении, — это редкий случай...

Во время разговора она продолжала разбирать бумаги и вскоре наткнулась на знакомый том. Браницкий состроил горестную мину и процитировал:

— «...il sont sans misericorde, et sans pitie, sans charite ni tendresse».

— Как красиво звучит! — улыбнулась Яна.

— «Ни сострадания в них нет, ни жалости, ни милосердия, ни мягкости», — перевел Браницкий.

— Я немного знаю французский, — иронически посмотрела на Льва Сигизмундовича Яна. — Думаю, сейчас не тот случай, чтобы цитировать Рютбефа. Давайте вернемся к прозе бытия. Где вы были в прошлое воскресенье между пятью и семью часами вечера?

— У себя в квартире, — вздохнул Браницкий. — Может, переберемся в гостиную?

Яна кивнула. Они снова сели в кресла.

— И ничего не слышали?

— Нет, — решительно произнес Браницкий.

— Я уверена, что вам известно что-то об убийстве, — Яна вперила в него пристальный взор.

— Вы меня подозреваете? — с вызовом спросил Браницкий.

— Пока нет, — невозмутимо ответила Яна, — просто прошу помочь. Я ведь экстрасенс, вы думаете, я просто так заинтересовалась вашим хобби? Я «видела» вас и Галкину в вашем загородном домике. И эту книгу, — Яна повернулась в сторону арки, — тоже видела. Была весна, вы рисовали обнаженную Женю, на столе лежал Рютбеф. У вас ведь есть дача?

— Есть, — озадаченно глядел на Яну Браницкий, — только что это доказывает? — собрался он.

— Ничего, но вы ведь любили Галкину и ревновали ее к Антону, поэтому и сказали в прошлый раз, что он ей не пара. Ведь так?

— Ну и? — в глазах Браницкого мелькнула тень презрительной насмешки.

— Что вы знаете об убийстве? — не унималась Яна.

— Послушайте, — поморщился Браницкий, но ему не дал закончить фразу телефон.

Он лихорадочным движением снял трубку.

— Да, — едва не крикнул он, — да... — его брови запрыгали, лицо исказила гримаса неудовольствия. — Нет... Подождите, я возьму трубку в спальне. Я отойду на минутку, — бросил он извиняющийся взгляд на

Яну, — а вы тут трубочку положите, я крикну.

Яна кивнула. Браницкий исчез в коридоре, куда выходила дверь спальни. Здесь почему-то он воздержался от реализации архитектурной концепции Корбюзье. Он крикнул «кладите», и Яна положила трубку, после чего поднялась и, сгорая от любопытства, на цыпочках подошла к двери, за которой Браницкий с кем-то разговаривал по телефону.

— Нет, не сегодня, я устал. Завтра... давайте все завтра обсудим, — бубнил он, — и, может, завтра все и решим. Сколько? Ага, — он задумался на секунду. — Нет, я не могу вот так решиться. Да-да, хорошо.

Яна отпрянула от двери, услышав, что Лев Сигизмундович положил трубку. Она быстро вернулась в кресло и сделала вид, что разглядывает свой маникюр.

— Извините, — виновато улыбнулся Браницкий. — Не успел приехать, а уже требуют... Коллега с работы, — снова улыбнулся он.

Желание скрыть что-то, утаить придавало его улыбке фальшивый, подобострастный оттенок.

— Лев Сигизмундович, я ведь все равно все узнаю, — покачала головой Яна.

— Узнавайте, — рассмеялся он, — как вы сказали, вы ведь — экстрасенс, вам и карты в руки!

— Ну что ж, — Яна поднялась, — спасибо. Насчет карт это вы точно подметили, хотя и случайно. Думаю, это не последняя наша встреча. Да, кстати, — придумала Яна последний ход, — я ведь вчера видение имела. Вы лежите с простреленной грудью на полу в вашем домике, у вас в руке пистолет... Глаза открыты, кровь растекается по ковру, быстро впитывается... Огромное красно-бурое пятно на желтовато-коричневом ковре. Поэтому я к вам и пришла.

Яна тяжело вздохнула, разыгрывая скорбное сожаление.

— Что-о-о?! — выпучил глаза Браницкий, — вы — колдунья... Бр-р-р... Бред какой-то... Типун вам на язык!

Яна иронично улыбнулась и вышла на лестничную площадку. Войдя в первое попавшееся кафе, она заказала кофе и достала из сумочки карты. У нее было такое ощущение, что она близко подобралась к разгадке. Пока готовился ее кофе, она попробовала поработать с картами. Перебрала все, но ни одна не отозвалась на ее мысленные усилия. Тогда Яна положила перед собой «Джокера», по-приятельски улыбнулась ему.

Эта улыбка, фамильярная и добродушная, напоминала жест пальцем, когда друг шутливо грозит другу, предупреждая, что так или иначе достанет его. «Джокер» требовал в два раза меньше усилий, чем работа с

остальными картами, а потому у Яны была надежда, что он откликнется на ее призывы. Действительно, Яна почувствовала ладонью знакомое вибрирующее тепло. Она думала о Браницком, о том, кто ему звонил, вообще обо всей этой ситуации, которая, знала она глубинным внутренним чутьем, должна не сегодня-завтра окончательно проясниться.

И тут перед ее взором возникла та мифическая фигура в белой шляпе, которую она уже однажды «видела». В лимонно-желтом бикини, женщина стояла перед Яной вполборота. Лицо женщины расплывалось. Она была одна, ее спутник куда-то исчез. Потом она сорвалась с места, легко, как птица понеслась к морю. Шляпа слетела с ее головы, светлые волосы высоко взметнулись, потом облепили лицо. Море призывно гремело разбивающимися о берег волнами. Это уже не был белый пляжный песок, под ногами женщины мелькнул каменный уступ, она сорвалась с места и, сгруппировавшись в воздухе как заядлый ныряльщик, прыгнула в воду. Ее тело, подобно метко пущенной стреле, пробило лазурную мишень бухты и почти неслышно вошло в глубину. Тело скользило вниз бесконечное время, не натываясь ни на какое препятствие. Бесчисленное количество пузырьков, подобно шлейфу, который не волочится сзади, а, поднятый ветром, овеивает фигуру, держали темный силуэт в плотном кольце, все время заново образовываясь и расходясь в разные стороны. Взрыленная глубина вдруг отпрянула, словно гигантский пылесос-ураган неожиданно втянул в себя воду, и теперь перед Яной на ясной, чуть бледной небесной синеве, выглянувшей из-за сумбурно-влажных кулис, широко и густо круглились кроны деревьев. Плавно качаемые ветром, они точно шушукались, глядя с каким-то тихим удивлением на маленький дворик, где на крыльце, перед одноэтажным старым домом стояла одетая в голубые брюки и белые теннисные туфли женщина. На плече у нее висела вместительная сумка из плотной белой ткани, по которой плавными толстыми полосами шли зебристые оранжевые разводы. Незнакомка опять стояла к Яне спиной. Дверь дома открылась, женщина исчезла внутри.

Дворик опустел. Яна отчетливо видела пучки травы, дрожащей над узкой гравийной дорожкой, крохотный садик с рахитическими яблонями и грушами. Видимо, их посадили недавно, и вырытый справа, в десяти метрах от крыльца бассейн, который походил скорее на большую, не очень глубокую яму, выстеленную плотным целлофаном. Мутная зеленая вода колыхалась под резвыми набегами ветерка. На поверхности плавал тополиный пух и несколько утонувших насекомых. Но Яну мало интересовал дворик, она хотела попасть в дом. Какая-то сила ей в этой мешала. Судя по освещению, было обеденное время, летний воздух

струился горячими потоками, лакируя незатейливый пейзаж.

И тут до Яны донесся удивленно-испуганный возглас. Она «метнулась» к двери, но, «лишенная» тела, «лишенная» какой-либо физической силы, даже не могла постучать в дверь. Выскользнувшая из дома тень, прошла сквозь Яну, как сквозь столб воздуха. Яна влетела в приоткрытую дверь. Миновала сени, ворвалась в горницу. Но взгляд ее стал в противоположность ее телу тяжелым, точно глыба, которую не было никакой возможности передвинуть. Он так и застыл на изборожденном яркими сине-желтыми мазками холсте. Яна услышала шаги и, забыв, что она — невидимка, закружилась, думая, куда бы спрятаться. Она засуетилась, чувствуя приближающуюся опасность. Два голоса, мужской и женский, о чем-то тревожно перешептывались в сенях. Яна остановилась, заинтригованная и забывшая об опасности. Она подошла к ветхой перегородке, отделявшей сени от зала и приложила к ней ухо.

— Он требовал денег, — сказал женский голос. — Я ничего не могла сделать, ему все время было мало.

— И что ты теперь будешь делать? — спросил мужской, не выражавший ничего, кроме презрения, голос. — Могла бы меня подождать-дать-ать-ать-ать-ать...

Голоса исчезли, а эхо все еще стояло в ушах Яны. Она открыла глаза.

— Вам плохо? — обеспокоенно уставилась на нее официантка, миловидная шатенка лет двадцати с небольшим, поставившая перед Яной маленькую керамическую чашку на таком же блюдце.

— Нет, все нормально, — побледневшими губами вымолвила Яна, — спасибо.

Официантка вежливо улыбнулась, пожав плечами, и отошла. Янины руки дрожали, на лбу выступила испарина. Она посидела немного над чашкой кофе и так и не сделав ни единого глотка, расплатилась и покинула заведение. Ноги сами принесли ее к дому Засурских. Она назвала свое имя в микрофон переговорного устройства, услышав вопрос Антона: «кто там?»

— Что вам угодно? — еле сдерживая раздражение спросил он, услышав ее имя.

— Побеседовать с вами. Вы ведь не явились в «Мадрид».

— Со мной уже беседовал этот... как его там... Ру...

— Лейтенант Руденко, — подсказала Яна.

— Да, он, — пренебрежительно подтвердил Антон.

— Я веду свое расследование, — Яна пыталась говорить ровным голосом, но дрожь, поселившаяся в ее теле, выдавала ее волнение. —

Почему вы не пришли в кафе?

— Был занят, — с усмешкой ответил Антон.

— У меня к вам срочный разговор, — Яна чуть пошатнулась.

— Хорошо, — вздохнул Антон, — у вас десять минут.

— Мне хватит, — Яна возблагодарила небо.

Она поднялась на лифте и вошла в приоткрытую дверь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Когда вы только оставите нас в покое? — раздраженно вздохнул Антон.

— Обещаю, что это в последний раз...

— Хотелось бы верить, — скептически пожал плечами Антон.

— Тоша, кто там? — раздался со второго этажа голос Гели.

— Это ко мне, — огрызнулся Антон, — не твое дело! Пойдемте в комнату сестры, там нам будет удобнее, — выразительно посмотрел он на Яну.

— Хорошо, — она двинулась за ним.

Они вошли в небольшую, со вкусом обставленную комнату. Шкаф-купе удачно вписался между низким широким диваном и современным трюмо, рядом с которым на темном безголовом манекене висел розовый шелковый халатик. На светло-коричневом ковре со вдавленными разводами, который тесно примыкал к дивану, валялись в лирическом беспорядке женские журналы. Вделанный в стену стеллаж был уставлен подобной печатной продукцией. Квадратное соломенное кресло с деревянными ручками было придвинуто к журнальному столику.

— Ваша сестра занимается бизнесом, а по ее комнате этого не скажешь, — огляделась Милославская.

— У моей сестры есть еще кабинет, там она и занимается делами, — подал плечами Антон, жестом приглашая Милославскую сесть на диван. — Папа не поскупился на удобства для нее. Садитесь же.

— Спасибо, — поблагодарила она, — ваша сестра такая молодая, а уже при деле! — с уважением добавила Яна.

— Она всегда была конформисткой, — поморщился Антон, — я был всегда романтиком.

— Отцы больше обычно тяготеют к дочерям, — намекаяще улыбнулась Яна, которая стала понемногу приходить в себя.

— Вы пришли поговорить о моей сестре? — скуксился Антон.

— Нет, — Яна подняла на Антона пронзительный взгляд, — вы специально назначили мне встречу, но не пришли, потому что в это время производили в моем доме обыск, так?

— Что-о? — удивленно воззрился на нее Засурский-младший. — Что вы несете?

— Вы искали дискету, я ведь вам сказала, что она у меня, — не

отрывала от него холодного и острого взгляда Яна.

— Полная чушь! — оскорбленно воскликнул Антон.

— Хорошо, — с угрожающей нотой в голосе сказала Яна, — почему тогда, объясните, назначив Галкиной встречу в кафе, вы не стали ее искать, когда она не пришла?

Яна в упор смотрела на несколько растерявшегося Антона.

— Подумал, что она с моим отцом, — угрюмо поглядел на Милославскую Засурский-младший, — у меня были на то основания...

— Вы хотели отомстить своему отцу за то, что он спал с вашей невестой?

— Она не была моей невестой, — презрительно усмехнулся Антон, — я просто хотел подпортить отцу репутацию.

— В данном случае речь о репутации не шла, — возразила Яна, — он не депутат, не кандидат в депутаты, не высокопоставленный чиновник. Вы не могли не догадываться, что бандиты просто расстреляют вашего отца.

— Мне было на это наплевать, — с ожесточенным упрямством произнес Антон, — это Оленька наша переживала за папу.

Его просто распирало от ядовитой злобы.

— Понятно, нелады в семье...

— Да что вам понятно! — взорвался Антон. — Мне давно все это надоело, мне чихать на то, что будет с моей семьей, она уже давно не была...

Он махнул рукой и разочарованно уставился в ковер. Яна услышала приглушенный сухой щелчок. Еще через пару секунд дверь комнаты, где они сидели, запахнулась. На пороге стояла Ольга. У нее было угрюмое, заметно осунувшееся лицо.

— Какого черта ты тут делаешь? — неприязненно посмотрела она на брата, потом перевела недоуменно-враждебный взгляд на Милославскую.

— Ой-ой-ой! — скорчил рожу Антон. — Мрямо госпожа-министерша!

Ольга действительно была в строгом темно-синем костюме и с кожаным портфелем. Ее черные гладкие волосы были собраны в пучок.

— Освободи помещение, — строго сказала Ольга, и Яна подумала, что от той изнывающей от страсти и обиды девушки, которая ехала несколько дней назад в автомобиле Ваксмахера, не осталось и следа. — Проваливай!

Ольга метнула в брата ненавидящий взгляд.

— Она, — с неожиданной свирепостью ткнула она пальцем в Яну, — погубила нашу семью, а ты осмеливаешься ее здесь принимать! Мерзкая ищейка, напакостила и после этого решила сюда прийти? Как тебе она? — сверкнула она глазами, обращаясь к брату. — Тебе, уверена, по

вкусу, подобные задушевные беседы!

— Храм весталки! — издевательски ухмыльнулся Антон, и у Яны шевельнулась мысль, что Антон не просто так пригласил ее войти, он, видимо, знал, что скоро должна вернуться сестра, и специально повел ее в Ольгину комнату.

«И тут пытается досадить сестре, несмотря на тяжкую для всех Засурских ситуацию!» — Яна внутренне напряглась. Мелкая мстительность Антона не могла расположить к нему Яну, но не вызывала в ней приязни и откровенная злоба Ольги, бесцеремонно выгонявшей их из комнаты и обрушившей на нее поток незаслуженных оскорблений и упреков.

— Ну что ж, — с деланным спокойствием сказал Антон, глядя на Яну, — давайте покинем это логово, а то тигрица растерзает нас.

Он нервно рассмеялся. Они вышли из комнаты и наткнулись на Гелю. Та делала вид, что что-то ищет на книжных полках, находящихся рядом с дверью.

— Опять подслушиваешь? — с насмешливым лукавством спросил ее Антон.

Ангелина только презрительно фыркнула, продолжая что-то искать или делать вид, что что-то ищет.

В комнате Антона было полно книг, журналов, плакатов. Но Яну поразили два из них, огромных, плотных, гляцевых листа, оглушительно яркие краски которых ударяли в глаза цветной радугой. На одном был изображен тропический берег, с пальмами, белым песком, с барной стойкой из бамбука. Яна узнала в этой блистательной панораме свое видение. Только ее картинка была подробнее, словно на ней запечатлелось то, что внимание и аппарат фотографа, делавшего эту фотографию, не смогли отследить и сохранить. Яна посмотрела на другой плакат, он представлял средиземноморский вид. Белая яхта плыла по лагуне, а невдалеке возвышалась геометрически строго выверенная постройка — шикарная и в то же время простая по форме вилла, ослепительно белая, залитая солнцем, с двумя террасами и лесенками. Сердце у Яны в груди высоко подпрыгнуло. Она опустилась в мягкое кресло.

— Что с вами? — удивленно взглянул на нее Антон.

— Красивые плакаты, — показала она глазами на стену. — Что это за места?

— Ах, это, — довольно мягко улыбнулся Антон, словно Яна затронула сокровенные струны его души, — это две ипостаси моей мечты. Гавайи и побережье Средиземного моря, Ницца, а этот домик, — направил он

указательный палец в плакат, — вилла Керилос. Я бы хотел там поселиться и забыть свою семейку.

— У вас хороший вкус, — улыбнулась Яна, которая не могла оторвать глаз от плакатов. — И вы хотели воплотить ваши мечты, завладев состоянием отца? Нет, конечно, не купить виллу Керилос, но, может быть, другую, почему бы нет?

Лицо Антона померкло, стало напряженным. Вскоре на его узких губах заиграла ядовитая усмешка.

— Что за бред? Мне искренне жаль вас, вы как мент, готовы видеть в людях только дурное. Человек делиться с вами своими мечтами, а вы делаете из этого гадкие выводы. Наверное, Ольга права в отношении вас.

Он скользил по Яне оценивающе-высокомерным взглядом.

— Но как вы можете завладеть состоянием отца, если есть еще мачеха и сестра? Ваксмахер мне сказал, что вы держите Гелю на крючке. Что это за крючок? Что такого вы знаете о ней, что позволяет вам так вести себя с ней. Ведь она для вас как шавка, а?

— Мне надоело слушать грязные инсинуации, — повысил голос Антон, — убирайтесь, видеть вас больше не хочу!

— Вы знаете Браницкого?

— Во-он! — заорал Антон и отвернулся, скрестив руки на груди.

Так он и стоял в позе Наполеона, неприступный и обиженный, пока Яна не поднялась и не вышла из комнаты. До входной двери ее проводила Геля.

— Не обращайтесь на него внимания, он — чокнутый, — усмехнулась она. — Весь в папашу, — добавила она почти доверительным тоном.

— Ничего, до свидания.

Яна спустилась на лифте вниз и вышла на улицу. Она ехала домой, испытывая растерянность оттого, что была не вполне уверена, что ей удалось разрешить проблему до конца, и в тоже самое время, она была удовлетворена проделанной работой, потому что могла с большой долей вероятности назвать имя убийцы Жени Галкиной. Естественно, ей еще требовались доказательства, которые она намеревалась добыть любыми путями, ведь домыслы и видения к делу не пришьешь.

Джемма встретила ее у калитки радостным лаем, который люди вполне могли принять за раскаты грома. Яна успокоила собаку, насыпала ей корма и вспомнила, что сама давно уже не держала во рту ни крошки. После тяжелого дня, показавшегося ей вечностью, Милославская настолько устала, что даже не смогла ничего себе приготовить. Чтобы скинуть тяжесть с тела она первым делом приняла контрастный душ и уже потом

съела пару бутербродов с сыром и колбасой. Стало гораздо легче и, несмотря на позднее время, она села на кресло в гостиной и закурила. Нужно было решить, как ей действовать, чтобы получить необходимые улики. Мысли почему-то не связывались. Докурив сигарету, Яна придвинула к себе колоду карт, которую, вернувшись домой, выложила на стол в гостиной. Она перебирала карты и ни как не могла выбрать ни одну, так как знала, что готовых решений они не дают. Обычно в случаях, когда она сомневалась, какой картой воспользоваться, Яна выбирала «Джокера», но в этот раз не стала этого делать, зная непредсказуемый «характер» карты.

Она отложила «Джокера» в сторону, развернув оставшиеся карты веером и держа их в левой руке. Джемма крутилась рядом, и Яна собралась было доверить выбор карты ей, но и от этой мысли отказалась, решив действовать методом исключения. Сверху на «Джокера» легла карта «Внушение», так как внушать вроде бы было нечего да и некому. За «Внушением» отправилась карта «Взгляд в прошлое», так прошлое уже не интересовало Милославскую. А вот будущее интересовало... Отбросив оставшиеся карты в сторону, она опустила карту «Взгляд в будущее» на стол картинкой вверх и положила на нее руку.

Знакомые ощущения пронзили ладонь слабым током, быстро нагревая ее. Яна опустила веки и расслабилась. Несколько секунд ее окружала полная темнота, потом, словно изображение в ламповом телевизоре, постепенно начала вырисовываться картинка, которая сразу же показалась Яна знакомой. Вернее сказать, знакомой показалась не картинка, а местность, на картинке появившаяся. Это был тот же домик, где Браницкий писал свои картины. На этот раз он стоял не перед мольбертом, а возле шкафа, да и кисти у него в руках не было. По свету, падавшему сквозь распахнутое окно, Яна поняла, что солнце стоит в зените. Она немного отвлеклась, глядя на улицу, что не заметила как в комнате появился еще один человек, увидев которого, Лев Сигизмундович не удивился, а даже обрадовался, так как на его лице заиграла удовлетворенная улыбка.

Дальше поврежденная карта начала «сбоить». «Изображение» стало расплывчатым и замелькало со скоростью курьерского поезда. Яна все же «досмотрела» представление до конца, но из увиденного поняла только что в комнате появился третий персонаж, а Браницкий куда-то исчез. Перед его исчезновением что-то вспыхнуло перед Яниным взором, слепя глаза, и картинка погасла. Если бы она знала, где находится дача Браницкого, можно было поехать туда и, затаившись где-нибудь в укромном месте, понаблюдать за происходящем. Но так как адреса она не знала, то решила

следить за Львом Сигизмундовичем с самого утра.

* * *

Позавтракав, она позвонила лейтенанту. Нельзя сказать, что он сильно обрадовался ее звонку, но был довольно корректен. Когда же Яна сказала, что ей требуется машина с водителем, Руденко начал нервничать.

— Ну где, где я тебе возьму машину, да еще с водителем? — возбужденно кричал он в трубку. — Ты думаешь, я большой начальник и распоряжаюсь всем автотранспортом отдела?

— Не горячись, Сеня, — уверенно произнесла Милославская. — Мне не нужна машина вашего отдела, достаточно будет твоей «шестерки», а водителем посади кого-нибудь из своих ребят. После обеда я его отпущу.

— Ладно, — после некоторого молчания ответил Руденко, — ты хоть скажи, зачем тебе нужна машина?

— Хочу сделать шопинг, Сеня, — сама себе улыбнулась Яна. — Знаешь, что это такое?

— Не маленький, — буркнул он в трубку. — Хорошо, жди. Пришлю тебе Саньку Томилина. Но только до обеда, — добавил он строго.

* * *

Томилин приехал через полчаса. Милославская уже ждала его возле калитки, поглядывая на Джемму, флегматично лежащую возле ее ног. Томилин, молодой парень с хитроватой улыбкой на лице, выглянул в опущенное окно и с интересом посмотрел на Яну. Когда он развернул машину и подъехал к Милославской, его губы растянулись еще шире.

— Вы Яна Борисовна? — удивленно произнес он.

— А что, не похожа? — улыбнулась она в ответ и забралась вместе с Джеммой на заднее сиденье. — Поехали.

— Сержант Томилин, — представился он. — На базар, что ли? — он уверенно тронул машину с места.

— Сначала заедем к одному знакомому, — Милославская назвала адрес дома Браницкого.

Привыкший подчиняться Томилин только пожал плечами. Когда они подъезжали к дому Льва Сигизмундовича, Яна заметила, что во двор въезжает желтая «Волга»-такси, которая остановилась возле подъезда

Браницкого и посигналила.

— Притормози-ка, — скомандовала Яна.

Через несколько минут в дверях подъезда появился Браницкий, одетый в синие джинсы и свободную красную рубашку в крупную клетку. В руках он держал объемистый пластиковый пакет. Он сел в такси, и машина двинулась вперед.

— Езжай за этой «Волгой», — велела Мирославская Томилину, — только нам не нужно, чтобы нас заметили.

— Вот это шопинг, — удивился Томилин, но послушно тронул «шестерку» следом.

Как и предполагала Яна, Лев Сигизмундович отправлялся на дачу. Желтая «Волга», попетляв по центру, свернула в сторону поселка, сплошь состоящего из двухэтажных коттеджей и свернула направо. Этот поселок располагался в черте города, а за ним, как было известно Мирославской, располагались дачи. Туда, по всей видимости, и направлялся Браницкий. Обогнув пруд и небольшой лесок, за которым дорога пошла в гору, такси, поднимая клубы пыли, въехало на территорию дачного поселка, где дороги были засыпаны щебенкой. Проехав еще метров двести, машина остановилась, высадила пассажира и, развернувшись, двинулась в обратном направлении.

Томилин, которого это преследование страшно увлекло, затормозил возле проезда, в глубине которого маячила фигура Браницкого.

— Вон он, — кивнул он Мирославской. — Что теперь будем делать?

— Останешься здесь, — Яна вышла из машины, приказав Джемме сидеть на месте, — а я схожу осмотрюсь.

Лев Сигизмундович вдруг исчез из поля зрения, и Яна почти бегом кинулась следом за ним. К счастью, она заметила распахнутую калитку. Прячась за забором, она заглянула на участок, где почти у самого входа словно из земли вырос небольшой деревянный домик. Напротив него на кирпичных столбиках стояла огромная емкость для воды, от которой по всему саду были протянуты трубы. Осторожно ступая, Яна вошла за калитку и прошмыгнула между забором и домом. Здесь были навалены всяческие нужные в хозяйстве вещи вроде обрезков труб, половинок кирпича и старых досок. Рискавя сломать себе ноги, руки и шею, Мирославская подкралась к окну и едва не свалилась вниз от неожиданности. Прямо перед ее носом окно распахнулось и из комнаты послышался голос Браницкого, напевающего: «То-ре-адор, смеле-э-э-е в бой, тореадор, тореадор...»

«Тоже мне, любовник», — успела все же подумать Мирославская

прижимаясь к стене дома.

Голос Льва Сигизмундовича, продолжающего вытягивать арию, стал более приглушенным и Яна решила заглянуть внутрь. Комната была гораздо больше, чем это представлялось снаружи. Она была обставлена старой, но вполне добротной мебелью, рядом с которой соседствовали и более современные предметы вроде телевизора и электрообогревателя. Посреди комнаты стоял круглый стол, покрытый скатерью с кистями, на котором громоздилась пищащая машинка. В дальнем углу на мольберте был закреплен холст с незаконченной картиной.

Проведя таким образом эту небольшую рекогносцировку, Яна бесшумно спустилась на землю и выскользнула за калитку. Было еще только около десяти, а она знала, что основные события должны развернуться не раньше полудня. Поэтому она решила вернуться в машину, но к ее удивлению ни машины, ни Томилина, ни Джеммы она не увидела. «Это что еще за новости?» — она покрутила головой и вскоре, шагах в тридцати от поворота увидела Томилина, машущего ей рукой. Там же, за густыми кустами дикой смородины была спрятана и «шестерка».

— Я подумал, — с улыбкой произнес сержант, — что нам не обязательно тут светиться на самом видном месте. А отсюда все видно как на ладони.

— Правильно подумал, — похвалила его Милославская.

Прошло почти два часа, прежде чем из-за лесопосадок вынырнул яркий «Хюндай-купе», который запылел в сторону дачных участков. Машина затормозила на повороте, не заезжая в проезд. Подождав, пока осядет пыль, из салона вышла Ангелина Засурская и уверенно направилась в проезд. Было видно, что она здесь не впервые.

— Оставь дверцу открытой, — сказала Яна Томилину, — чтобы собака могла мне помочь, если понадобится.

— Ладно, — кивнул сержант, — только как она услышит-то?

— Она узнает, — бросила Милославская и пошла следом за Засурской.

— Прошу, прошу, — услышала Яна голос Браницкого, когда приблизилась к калитке, которая так и осталась открытой.

«Что у них здесь, свидание что ли?» — недоумевала Милославская, глядя с каким вниманием Лев Сигизмундович, который был на участке, приглашает в дом Ангелину, держащую подмышкой белую сумку, длинные ремешки которой болтались в воздухе.

Забравшись на свой наблюдательный пункт, Яна осторожно заглянула в дом.

— Хотите чаю? — Браницкий был сама любезность.

— Нет, спасибо, — довольно резко ответила Засурская.

— Тогда, может быть...

— Нет, Лев Сигизмундович, — перебила его Ангелина, — я пришла сказать, что сегодня у нас будет последняя встреча, прощальная.

После этих слов лоск и почтительность слетели с Браницкого, как осенние листья с деревьев.

— Но вы ведь не хотите сказать, — ехидно произнес он, — что не собираетесь больше платить за свою свободу? Вы не забыли, что я видел, как вы выходили из Женечкиной квартиры? Смею напомнить, — елеиным голосом добавил он, — именно в тот день, когда ее убили. Я не сказал об этом следователю только из уважения к вам и вашей семье. Неужели мое молчание ничего не стоит?

— Ты и так уже достаточно получил, гад, — срывающимся голосом выкрикнула Засурская. — Неужели тебе мало?

— Мы с вами на брудершафт не пили, мадам, — осадил ее Браницкий, — так что не «тычте» мне. Давайте деньги, или я иду в милицию.

— Ну, хорошо, — едва сдерживая гнев, Ангелина полезла в сумочку. — Мне терять нечего. Не хочешь по-хорошему...

В ее руке появился небольшой пистолет, дуло которого она направила в грудь Браницкому. Глаза Ангелины метали молнии, и Яна замерла, не в силах что-либо предпринять.

— Вы не сделаете этого, — Лев Сигизмундович испуганно попятился назад и остановился, уперевшись в стену.

— Не сделаю? — глаза Засурской превратились в узкие щелочки. — А вот сейчас посмотрим.

Она взвела курок и сняла пистолет с предохранителя.

— Стой, дура! — крикнула Милославская, пытаясь ее остановить.

В то же мгновение раздался выстрел, и в комнате за клубились пороховые газы. Рука Засурской все-таки дрогнула, когда она услышала Янин возглас, поэтому пуля ушла немного в сторону и попала Браницкому в плечо. Он охнул, схватившись за плечо своими изящными наманикюренными пальцами и, оставляя на стене кровавый след, сполз на пол. Очевидно, от боли он потерял сознание, потому что больше не издал ни звука. Ангелина резко повернулась к окну, направив туда свое смертоносное оружие, но Яна уже скрылась из проема, стараясь вжаться в стену, слиться с ней, словно хамелеон.

— Вот уж не ожидал вас здесь увидеть, да еще в таком положении, — услышала она мужской голос и посмотрела в сторону калитки.

Там стоял Антон Засурский. В светлых льняных штанах и рубашке с расстегнутым воротом, он действительно походил на итальянских мафиози из фильмов.

— Ну-ка идите сюда, — поманил он ее пальцем.

Ничего не оставалось делать, как подняться и подойти.

— Пошли взглянем, что там творится, — кивнул он в сторону дома, пропуская Милославскую вперед.

— У нее пистолет, — предупредила его Яна.

— Поэтому я и уступаю вам дорогу, — усмехнулся Засурский.

На пороге она едва не столкнулась с Ангелиной, выбегающей на улицу с оружием в руках.

— Брось пистолет, Геля, — его спокойный голос, кажется, немного привел ее в чувство и она опустила руку, но пистолет продолжала держать.

Засурский почти втокнул ее с Милославской в комнату и вошел следом.

— Замечательно, — произнес он, увидев окровавленного Льва Сигизмундовича, не подававшего признаков жизни, — ты убила его.

— Я и тебя убью, сволочь, — Засурская, от возбуждения вздрагивая всем телом, направила пистолет на Антона.

— Сначала нужно решить, что с ней будем делать? — он кивнул в сторону Милославской, не обращая на пистолет никакого внимания.

Вскоре Яна поняла, что с его стороны это был отвлекающий маневр. Он направился к Милославской, пройдя совсем близко от Ангелины. Когда он уже миновал ее, резко развернувшись, ударил ребром ладони по запястью Ангелины. Пока пистолет падал, Антон успел наотмашь врезать Засурской по лицу так, что она отлетела в угол, ударившись головой о комод. Он поднял пистолет и повернувшись спиной к двери, направил его на Милославскую.

— Получится, что вы все здесь друг друга перестреляли, — вздохнул он. — Сожалею, но мне ничего больше не остается. Вы ведь не станете молчать о том, что здесь произошло?

— Но вам-то какое до этого дело? — с трудом спросила Милославская. — А-а, понимаю, — догадалась она, — Ангелина нужна вам на свободе.

— Вот именно, — грустно улыбнулся он, — у меня все так хорошо было задумано. Вы вот спрашивали меня, почему я не искал Женю, после того, как она не пришла в кафе? Это, конечно, было небольшой оплошностью с моей стороны. Женя и не должна была приходить в «Мадрид», я назначил ей встречу у нее дома.

— А Ангелина? — Яна тянула время, поджидая Джемму, которой она успела отдать мысленный приказ.

— У Гели страсть к подслушиванию, — усмехнулся Антон, — на этом я и сыграл. Сделал вид, что разговариваю с Женей и назначаю ей свидание у нее, только гораздо позже. Не забыл я упомянуть и дискету, о которой она знала от моего отца. Геля, естественно, подслушала и решила, что дискета уплывает у нее из-под носа. Она вытащила из пиджака мой ключ от Жениной квартиры и кинулась туда.

— Так это она рылась у меня дома?

— Наверное, — пожав плечами, с наигранным сожалением вздохнул Антон.

— И вы хотели поехать с Ангелиной куда-нибудь в теплые края?

— Для начала, — самодовольно улыбнулся Антон.

— А как же ваша сестра, как вы планировали ее устранить?

— Об этом я еще не подумал, но у меня будет масса времени, в отличие от вас, — зловеще ухмыльнулся он.

— Боюсь, вы переоцениваете ваши возможности. Вот видите, Ангелина тоже вздумала оказать вам сопротивление. Вы, наверное, от нее такого не ожидали. Невозможно все учесть заранее. Каждый преследует свою выгоду. Даже такой эстет, как Браницкий, и тот не мог усидеть на месте, когда представился случай нагреть руки. Так что не советую вам полагать...

Яна не договорила. Удивленный Засурский обернулся, услышав сзади какой-то шум, и в то же мгновение был сбит налетевшей на него в прыжке Джеммой. Он несколько раз успел нажать на курок, но пули, словно бешенные осы, впились в балки перекрытия. После этого Джемма уже не дала ему сделать ни одного лишнего движения. Яна наклонилась и подняла выпавший у него из рук пистолет, не забыв обернуть его носовым платком.

— Милиция! Всем стоять! Кто стрелял? — в помещение вбежал Томилин, держа двумя руками табельный ПМ и бешено вращая глазами.

Увидев, что ситуация под контролем, он спрятал оружие в кобуру.

— Во это шопинг, — сказал он, почесав в затылке. — Пойду отзвонюсь лейтенанту.

— Скажи, что он сможет арестовать убийцу Жени Галкиной, — вслед ему крикнула Милославская.